

АКАДЕМИЯ НАУК СССР
ИНСТИТУТ ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ВОПРОСЫ
ЯЗЫКОЗНАНИЯ

ЖУРНАЛ ОСНОВАН В 1952 ГОДУ

ВЫХОДИТ 6 РАЗ В ГОД

2

МАРТ — АПРЕЛЬ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА — 1986

Советское языкознание в канун нового пятилетия	3
Панькин В. М. (Москва). Русский язык в межнациональном общении. Проблема интерференции	7

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Рамат П. (Пави). Универсалии и типология	17
Абаев В. И. (Москва). <i>Parerga 2</i> . Языкознание описательное и объяснительное. О классификации наук	27
Домашнев А. И., Аруева Е. Л. (Ленинград). Из наблюдений над лексикографической практикой (На материале современного немецкого языка ГДР и ФРГ)	40
Шахнарович А. М., Голод В. И. (Москва). Когнитивные и коммуникативные аспекты речевой деятельности	52
Апресян Ю. Д. (Москва). Интегральное описание языка и толковый словарь	57
Охотина Н. В. (Москва). Тенденции возникновения инновационных категорий в надэтнических языках банту	71
Лебедева Л. Б. (Рязань). К проблеме общереферентных высказываний	81

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

Бондарко Л. В., Егоров С. К., Люблинская В. В., Нурумбетова Г. А. (Ленинград). О применении вычислительной техники в экспериментально-фонетических исследованиях	90
Шаламова А. Н. (Москва). Семантика и структура определительных словосочетаний в древне- и старорусском языке	101
Беляев Д. Д. (Тула). Третья палатализация праславянских заднебных: механизм и хронология	106
Меновщиков Г. А. (Ленинград). Выражение категорий пространства и времени в эскимосско-алеутских языках	117

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

Рецензии

Кодухов В. И. (Ленинград). Онтология языка как общественного явления	128
Панов М. В. (Москва). <i>Борунова С. Н., Воронцова В. Л., Еськова Н. А.</i> Орфоэпический словарь русского языка	131
Климов Г. А. (Москва). <i>Глонти А. А.</i> Словарь грузинских народных говоров	136
Дешериев Ю. Д. (Москва). <i>Мейлланова У. А.</i> Будухско-русский словарь	138
Ткаченко О. Б. (Киев). <i>Чередишченко А. И.</i> Язык и общество в развивающихся странах Африки. Проблемы функционирования западноевропейского языка	139

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Хроникальные заметки	141

РЕДКОЛЛЕГИЯ:

В. Г. Гак, А. В. Десницкая, Ю. Д. Дешериев, А. И. Домашнев,
Ю. Н. Караулов, Г. А. Климов (отв. секретарь), А. И. Кононов,
В. З. Панфилов (зам. главного редактора), Б. А. Серебренников, Н. А. Слюсарева,
В. М. Солнцев (зам. главного редактора), Г. В. Степанов (главный редактор),
О. Н. Трубачев, Д. Н. Шмелев

Адрес редакции: 121019 Москва, Г-19, ул. Волхонка, 18/2. Институт русского языка,
редакция журнала «Вопросы языкознания». Тел. 202-99-97

Зав. редакцией И. В. Соболева

СОВЕТСКОЕ ЯЗЫКОЗНАНИЕ В КАНУН НОВОГО ПЯТИЛЕТИЯ

Вместе со всеми представителями отечественной науки советские языковеды с глубоким удовлетворением восприняли решения состоявшегося XXVII съезда КПСС. В опубликованных партийных документах во главу угла поставлены такие факторы, как ускорение производственного процесса, его интенсификация, научно-техническая революция и совершенствование всего стиля работы. Необходимость руководствоваться концепцией ускоренного социально-экономического развития СССР особенно отчетливо выступает перед советскими лингвистами в канун двенадцатого пятилетия. И это естественно, поскольку, как подчеркивается в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева на октябрьском (1985 г.) Пленуме ЦК КПСС, «от того, насколько быстро будет завершён поворот к эффективности, осуществлена новая техническая реконструкция народного хозяйства, будет зависеть достижение намеченных рубежей к третьему тысячелетию» [1, с. 11].

Невозможно сомневаться в том, что за последнее время наше языкознание достигло существенных успехов. По сравнению с предшествовавшим периодом неизмеримо вырос объём языкового материала, вовлечённого в орбиту исследований, свидетельством чего явилась, в частности, возможность приступить к созданию обобщающего энциклопедического труда «Языки мира». Заметно повысилась масштабность и теоретическая оснащённость текущих лингвистических работ. Они стали более содержательными и уже дают определённую отдачу различным отраслям народного хозяйства. Все более характерной их чертой становится поиск новых путей и нетривиальных подходов к решению назревших проблем. Неуклонно растёт международный авторитет нашей науки о языке.

В последнее время развитие лингвистических исследований наиболее интенсивно протекало у нас по следующим трём направлениям.

Во-первых, период конца 70-х и начала 80-х годов, ознаменовавшийся повышенным вниманием к человеческому фактору в языке, характеризовался резким возрастанием интереса к коммуникативно-прагматическим аспектам использования языка — к структуре коммуникативного акта, к пересмотру и расширению состава и функций коммуникативных единиц, к вопросам адекватности речевых произведений коммуникативно-деятельностным потребностям и намерениям говорящего. Поворот к прагматическим аспектам коммуникативного акта потребовал наряду с учётом достижений традиционной языковой семантики включения в сферу науки о языке обширной и пока ещё несколько неопределённой в своих границах области человеческих знаний — лингвопрагматики. На первый план выдвинулась быстро прогрессирующая область изучения искусственного интеллекта; коммуникативная же волна исследований, отвечающая тенденции к интенсификации межличностных, межнациональных и международных контактов, потребовала существенного улучшения практики обучения языкам, особенно в плане формирования активной коммуникативности говорящих.

Оглядываясь на истекшее пятилетие, мы можем теперь сказать, что обе названные области приложения коммуникативно-прагматических идей и результатов исследований, — а именно, искусственный интеллект и лингводидактика — достигли заметных успехов, одновременно обогатив самое лингвистику за счёт расширения ее внешнего, так сказать, опыта. В то же время такое сотрудничество ещё раз продемонстрировало объективные методологические ограничения лингвистики как науки сугубо гуманитарной. Оказалось, что далеко не все результаты, полученные

на пути изучения прагматической составляющей языка, связанной, в частности, с взаимодействием семантики и знаний о мире, приложимы к узкотехнологическим задачам искусственного интеллекта. Языкознание как всякая гуманитарная наука имеет дело с двумя видами производства — это «производство человеческих душ» и «производство» общественно-культурных духовных ценностей. Такой широкий масштаб лингвистических разысканий, естественно, не сопрягается с ограниченностью технологических возможностей построения искусственного интеллекта и требует от языкознания формирования специальной прикладной области, сосредоточенной на изучении лингвистических проблем протекания интеллектуальных процессов. Такая прикладная область языкознания и начала фактически складываться в последние годы.

Вторая линия развития советского языкознания связана с расширением и углублением наших представлений о системно-структурных основах устройства языка, специфике его как знакового образования. Эта традиционная линия, отмеченная значительными достижениями на протяжении последней четверти века, резюмировалась в истекшем пятилетии крупными обобщающими трудами в изучении грамматического строя и словарного состава национальных языков народов нашей страны. Созданы фундаментальные грамматики и многотомные словари ряда языков, составившие заметные вехи в движении лингвистической мысли и получившие широкое научное и общественное признание. Достаточно напомнить, что Государственной премии СССР удостоены «Русская грамматика» в 2-х томах (1982 г.) и одиннадцатитомный «Толковый словарь современного украинского языка» (1983 г.). Следует отметить, что структурно-знаковый аспект науки о языке не был обойден и упоминавшейся ранее «коммуникативной волной», что нашло свое выражение в наметившейся в последние годы тенденции к построению коммуникативных грамматик и коммуникативно-ориентированных словарей, разработка которых способствовала в свою очередь дальнейшему развитию общей теории употребления языка.

Что касается прикладных выходов этой линии лингвистических исследований, то они наиболее значимы в сфере лингвистического обеспечения информационных процессов, в сфере взаимодействия лингвистики с информатикой, где как раз и эксплуатируются в основном свойства языка как системно-знакового образования. Заметным итогом одиннадцатой пятилетки стало введение в промышленно-экспериментальную эксплуатацию нескольких систем автоматического перевода и машинно-поддерживаемого перевода (т. е. осуществляемого переводчиком, но с помощью ЭВМ) научно-технических текстов. Важно отметить, что эти действующие системы используют две принципиально расходящиеся стратегии и два поколения моделей МП: второе¹, которое можно охарактеризовать как лексико-ориентированный перевод, и третье — перевод синтактико-ориентированный. Перспективность той или иной модели покажет будущее.

Поддержанная решениями партии и правительства тенденция широкого использования вычислительной техники во всех отраслях народного хозяйства, в том числе и в науке, нашла выражение в разработке на двенадцатую пятилетку программы построения машинного фонда русского и национальных языков народов СССР. Эта программа впервые будет решать сразу две задачи — использование вычислительной техники для лингвистики и приложение полученных в лингвистике результатов к развитию самой вычислительной техники и информатики. Задуманная как комплексная система автоматизации лингвистических исследований, позволяющая резко повысить производительность труда лингвистов, эта программа заложит фундаментальную базу для практических разработок не только в прикладных областях языкознания (лексикографии, автоматическом анализе текста, источниковедении), но и окажет влияние на ускоренное развитие самой вычислительной техники, облегчив создание

¹ Первое поколение моделей автоматического перевода можно назвать прецедентно-фиксированным, т. е. использующим готовые, повторяющиеся блоки в текстах узкой тематики. Примером подобной системы служит канадская «МЕТЕО».

более совершенных процессоров, обучающих лингвистических систем и систем искусственного интеллекта, а также будет способствовать соединению достижений языковедческой науки с производством, особенно в области редакционно-издательского словарного дела. Программа создания машинного фонда русского и национальных языков носит всесоюзный характер, объединяет и концентрирует усилия языковедов, работающих в десятках академических и отраслевых учреждений.

Третья линия развития лингвистических исследований определяется дальнейшим углублением наших знаний о языке как общественном явлении. Наиболее продуктивным аспектом этого направления в истекшее пятилетие было накопление фактов и идей, характеризующих взаимозависимость и взаимодействие внутренней и внешней структур языка, обогащающих наши представления о социальной обусловленности эволюционных преобразований и вариативных колебаний в грамматике и семантике и дающих возможность по-новому осветить суть отклонений от условно определяемого стандарта — как в масштабе отдельных, системно нефиксированных, живых явлений в актуальном речепотреблении (синхрония), так и в масштабе целых языковых подсистем (разговорная речь, территориальные и национальные варианты языка). Понятие языковой вариативности приобрело, таким образом, методологическое значение и стало выступать как синхронический коррелят осуществляющегося в историческом времени структурного преобразования (изменения) или закрепленных в географическом пространстве системно противопоставленных различий, что позволило с позиций марксистской историко-материалистической методологии трактовать вопросы национальной самобытности языков, в частности, развивающихся стран, определять базовый диалект литературного языка нации, выработать рекомендации по выбору государственного языка многонациональных зарубежных стран.

Социолингвистическая составляющая при анализе и прогнозировании социально-экономических процессов и преобразований в современном обществе получает статус самостоятельной характеристики языка не только в силу указанных причин, но и благодаря общей тенденции к росту роли человеческого фактора в современном мире и как следствие этого — гуманизации научного знания, «очеловечивания» науки в целом, идет ли речь об экономике, астрономии, биологии или лингвистике. Отсюда выдвижение таких задач перед лингвистикой, как создание «высказывательной теории», «теории носителя языка», «теории употребления языка», «теории языка как деятельности».

Советское языкознание, как свидетельствует его история, никогда не занимало только объективистски-объяснительных позиций по отношению к изучаемому материалу, но всегда стремилось играть активную, конструктивно-воздейственную роль в жизни нашего общества. Вспомним создание письменности для десятков народов нашей страны, выработку рекомендаций и осуществление практических мер (словари, грамматики) по вопросам формирования и совершенствования норм литературных языков, исследование закономерностей взаимодействия национальных языков между собой и с русским как языком межнационального общения. Укрепление политических, государственных, экономических основ советского общества и усиление роли человеческого фактора по-новому ставит задачу изучения русского языка как средства межнационального общения народов СССР и билингвизма как способа существования языка-посредника. На первый план выдвигается теперь языковая личность — как средоточие производственных отношений, центр «пересечения» общественных и языковых функций и индивидуально-коммуникативных потребностей. Соответственно перед языкознанием встает задача разработки условий и принципов формирования гармонически развитой двуязычной личности, в равной мере владеющей родным и межнациональным языками. Для решения этих ответственных проблем советская наука накопила достаточный объем идей, знаний, опыта.

Вступая в двенадцатую пятилетку, советские языковеды намечают приоритетные направления развития своей науки, направления, которые

в наибольшей степени отвечают задачам ускорения научно-технического прогресса, достижения качественно нового уровня материальной и духовной жизни нашего общества. Среди этих направлений следует назвать в первую очередь такие, как «лингвистика и научно-технический прогресс», «языковая семантика и знания о мире», «формирование и функционирование языковой личности». Все они, однако, не устраняют, а, напротив, предполагают параллельное выполнение широкого фронта исследований, традиционно присущих советской и мировой лингвистике, но которые неизбежно приобретают дополнительные ракурсы разработки уже в силу единства языкознания как науки.

Касаясь, наконец, явлений, все еще тормозящих поступательное движение нашей науки, нельзя не упомянуть неравномерности в разработке отдельных жанров и отраслей лингвистического исследования. Так, в ряде отраслей в ущерб подготовке обобщающих трудов чрезмерно затянулся этап описательных работ (ср. пока еще не избитый стереотип в определенной степени повторяющих друг друга описательных грамматик, создаваемых в некоторых местных научных учреждениях). В других случаях все еще наблюдается недооценка некоторых теоретических постулатов языкознания, и в частности принципа системности в подходе к языковому материалу, что особенно заметно в практике диалектологических штудий. Встречаются и факты явно недостаточного внимания к языкам народов СССР (например, к тюркским языкам Сибири, к малым иранским языкам Кавказа).

Сейчас, в самом начале двенадцатого пятилетия, уместно еще раз напомнить о тех поистине безграничных резервах эффективности языковедческих работ, которые заключены в сфере их планирования. Между тем не приходится отрицать, что далеко не всегда проблематика наших работ оказывается достаточно продуманной и учитывает широкие возможности их ускорения, открываемые координацией усилий ученых разных лингвистических учреждений страны. Важнейшей предпосылкой преодоления этого недостатка должно стать повсеместное внедрение программно-целевого планирования исследований, предполагающего строгую и иерархически организованную последовательность решения задач. Только при соблюдении такого условия тематика ведущихся работ всегда будет актуальной и исключит возможность ее подмены (с чем еще приходится сталкиваться) разработкой по существу уже «выработанных» и, тем более, псевдоактуальных проблем. Совершенно очевидно, что своевременное и качественное выполнение плановых заданий остается решающим условием поступательного движения нашей науки. Именно поэтому напоминание партии о том, что «как бы ни были вдохновляющими разработанные планы, достичь намеченных рубежей можно только напряженным, высокопроизводительным трудом» [1, с. 14], должно быть в полной мере учтено и советскими языковедами.

ЛИТЕРАТУРА

1. Доклад Генерального секретаря ЦК КПСС М. С. Горбачева. — В кн.: Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС. 15 октября 1985 г. М., 1985.

ПАНЬКИН В. М.

**РУССКИЙ ЯЗЫК В МЕЖНАЦИОНАЛЬНОМ ОБЩЕНИИ.
ПРОБЛЕМА ИНТЕРФЕРЕНЦИИ**

Явление интерференции наблюдается в процессе непосредственного контактирования двух (или нескольких) языков, точнее говоря, процесс непосредственных языковых контактов сопровождается интерференцией. Однако сам термин «интерференция», возникший в физике¹, будучи перенесенным в метаязык методики обучения иностранному языку в значении «тормозящее влияние родного языка на усвоение иностранного»², не совсем верно, на наш взгляд, схватывает существо лингвистического явления. Оцениваемое с методической точки зрения как явление негативное (в плане овладения вторым языком), оно прежде всего объективное (и двустороннее) и неизбежно возникающее, как только разноязычные коллективы вступают в активные контакты.

Это явление наиболее очевидно в процессе обучения второму языку: в данном случае оно, образно говоря, всплывает на поверхность чужой речи носителя родного языка в виде своеобразного продукта — явных речевых ошибок, квалифицируемых носителями изучаемого языка как нарушение языковых норм³. Но результаты интерференции могут быть менее заметны, чем речевая ошибка, и вовсе не быть квалифицированы как отрицательные, а, напротив, иметь положительное значение при оценке процессов взаимодействия двух (или более) контактирующих языков⁴.

Сказанное в равной мере относится не только к контактам двух разносистемных языков, но и к процессам взаимодействия близкородственных языков и в той же степени к контактам языка (взятого за основу литературного) с его диалектами, а также диалектов друг с другом⁵. Явление интерференции, как свидетельствуют многочисленные исследования⁶, возможно на любом языковом уровне: лексико-семантическом, фонетико-фонологическом, грамматическом, словообразовательном и даже крайне формальном — графическом. Что же такое интерференция? Ответ на этот вопрос зависит от того, исследователи какой области знания, сопряженной с наукой о языке, занимаются проблемой двуязычия — лингвисты, специалисты по лингводидактике или психологи. В одной, исходной позиции все они солидарны: интерференция — явление, возникающее при столкновении, взаимодействии двух языков.

Лингвисты видят корни интерференции в самом механизме языка. «Интерференция, рассматриваемая в лингвистическом аспекте, представляет собой явление взаимодействия структур и структурных элементов двух языков в процессе общения двуязычного населения...», — констати-

¹ «Интерференция [лат. *inter* между + *ferens* (*ferentis*) несущий, переносящий] — физ. взаимное усиление или ослабление волн (звуковых, световых, тепловых, электрических) при их наложении друг на друга...» [1].

² Л. В. Щерба писал: «...нельзя не признать, что родной язык является все же нашим врагом при изучении иностранного языка, так как это он заставляет нас делать... бесчисленные ошибки...» [2]. Эта мысль Л. В. Щербы нашла многочисленных сторонников.

³ В лингвистической и чаще — в лингводидактической литературе исследование интерференции сводится именно к поискам и классификации этих ошибок.

⁴ В этом плане показательна работа М. Г. Булахова в [3].

⁵ См., например, статью А. М. Асланова в [3]. Под морфологической интерференцией автор понимает морфологическое взаимопроникновение, заимствование морфологических форм и значений.

⁶ См. ряд статей в сборнике [3], также [4—8].

руют Ю. Д. Дешериев и И. Ф. Протченко [см. 3, с. 28]. Аналогичное определение дает Е. Н. Ершова, рассматривая интерференцию на уровне языка и речи [3, с. 131]. В некоторых исследованиях ставится знак равенства между явлениями интерференции и заимствования, однако такая точка зрения вызывает порой категорические возражения. Так, Л. И. Баранникова считает, что «это — явления не только различные, но и во многом прямо противоположные» [см. 3, с. 89].

Одни специалисты в области лингводидактики, рассматривая данную проблему применительно к задачам обучения русскому языку как второму, не склонны видеть в ней языковой аспект вне проблем методики. Понимая под интерференцией перенесение школьниками, студентами знаний, умений и навыков из родного языка в обучаемый, они утверждают, что «...на стадии обучения межъязыковая интерференция, являясь принадлежностью не языковой системы, а речевой деятельности, выступает как отрицательный перенос (разрядка наша. — П. В.), с которым надо бороться, поскольку он задерживает обучение русскому языку...» [9, см. также 10, 7]. Другие, исследуя интерференцию в методическом аспекте, усматривают в ней «ошибочное отождествление и перенос явлений из области родного языка (языка — источника) в область изучаемого языка (языка — рецептора)» [8] или перенос отношений между элементами из одной системы языка в другую через «третью систему» (промежуточную), «отличающуюся как от родного, так и от изучаемого языка, которая находит свое реальное выражение в ошибках учащихся» [11]. В последнем случае взаимодействие языковых систем при обучении второму языку рассматривается как взаимодействие оппозиций (позиция и оппозиция выступают как системообразующие факторы).

Ученые, интересующиеся проблемой интерференции в психолингвистическом плане, исходят из основных посылок теории усвоения языка, теории речевой коммуникации, в частности, порождения речевого высказывания⁷. Интерференция воспринимается ими как явление, сопутствующее взаимодействию двух языковых систем в сознании билингва, как «нарушение билингом правил соотношения контактирующих языков, которое проявляется в его речи в отклонении от нормы» [13]. Не исключены, разумеется, крайне противоположные и промежуточные точки зрения на это явление. Так, некоторые в качестве «интерферентного» материала исследуют в синхронном и диахронном аспектах лексику, заимствованную из одного языка другим в результате этнических контактов народов и взаимодействия их языков и затем подвергшуюся полной или частичной адаптации в заимствующем языке⁸. Таким образом, термин «интерференция», на наш взгляд, более точно трактуется теми лингвистами и психологами, которые используют его для обозначения результатов взаимодействия языков.

В каком бы плане ни рассматривалось явление интерференции, нетрудно видеть, что в центре внимания исследователей находится один и тот же — «контактный» — языковой материал, которым они оперируют, доказывая свои теоретические посылки, и который в общем-то и дает основание заниматься проблемой интерференции. В таком материале обнаруживаются факты изменения (нарушения) языковых норм, правил, закономерностей одного из контактирующих языков под влиянием другого. Важно подчеркнуть, что эти нарушения, изменения норм не стихийны, не хаотичны — они носят явно направленный характер у п о д о б л е н и я нормам, правилам, закономерностям другого языка⁹.

⁷ Наиболее разработанной в советской психолингвистике считается модель порождения речевого высказывания А. А. Леонтьева, восходящая в понимании психофизиологических механизмов речи к идеям Л. С. Выготского, Н. А. Бернштейна, А. Н. Леонтьева. Об использовании этой модели в психологии и теории обучения русскому языку как иностранному [см. 12].

⁸ См., например, статью М. Косничану «Интерференция в антропонимии (на материале славяно-молдавских отношений)» [3].

⁹ Факты уподобления, ассимиляции языковых элементов при интерференции отмечаются лишь некоторыми исследователями. См., например, статьи Л. И. Баранниковой [3, с. 89], Н. Г. Корляту [3, с. 126], Е. Н. Ершовой [3, с. 132] и др.

В языковой норме заложена охранительная функция языка. «Вне общепринятости в определенном языковом коллективе немислимо существование самого языка... Чего нет в самом языке, его системе или структуре, является нарушением нормы, затрудняет общение или вовсе делает его невозможным. Сам язык есть норма...» — писал Ф. П. Филин [14]. Законы, правила, закономерности (структурно-грамматические, семантические, стилистические и др.) языковой системы и ее функционирования, находящие прямое или опосредованное выражение в языковой норме, лежат в основе охранительной функции языка, обеспечивая его способность быть единой, устойчивой, цельноорганизованной, но не замкнутой, постоянно развивающейся, совершенствующейся системой, предохраняющей себя от размывания, разрушения, вымирания.

Говоря об охранительной функции, мы не рассматриваем ее как некое имманентное свойство языка в отрыве от его носителей, общества, которое он обслуживает. Носители родного языка не создают его всякий раз, когда начинают общаться, но всякий раз (в той или иной степени осознанности, в зависимости от ситуации общения) человек, реализуя возможности языковой структуры, думает, как правильнее выразить свою мысль, т. е. обнаруживает стремление к языковому идеалу. Охранительная функция родного языка как относительно самостоятельного механизма и охранительная языковая функция общества составляют диалектическое единство. Давно замечено, что «нормы языка не вырабатываются наукой; они существуют объективно и возникают задолго до нормализации (до появления словарей, грамматик, самой науки о языке) [15, с. 338], что «нормативность литературного общения по самой своей природе явление внутриязыковое...» [15, с. 337]. Исходя из этого, норма рассматривается как одно из важнейших условий стабильности, единства и самобытности национального языка, его жизнеспособности.

При контактировании двух (нескольких) языков охранительные функции их сталкиваются — языковые нормы вступают в «противоборство», возникает явление интерференции — уподобления: норма одного языка стремится подчинить себе норму другого языка. Результаты этого «противоборства», уподобления могут быть разными на различных уровнях языка и речи и зависят от многих лингвистических и экстралингвистических факторов. В речи обучающихся второму языку это противоборство выступает как противоборство «неравных сил», так как в языковой опыт обучающихся вторгаются элементы чужой языковой системы, не осмысленной ими в целом. Срабатывает охранительная функция родного языка в сознании монолингвальной личности, языковые нормы родного языка стремятся уподобить себе императивные нормы языка обучаемого: учащийся-казах говорит: *Дни быстро идет* и не замечает своей ошибки, так как это предложение совершенно правильно с точки зрения родного языка казаха и соответствует казахской модели *Кундер тез өтiп жатыр*. Русское предложение построено по образцу казахского, где глагол ставится на последнем месте (тяготеет к концу предложения), во-первых, и, во-вторых, — имеет форму ед. числа, что соответствует казахской норме. Ср.: *человек идет — адам келе жатыр; люди идут — адамдар келе жатыр*.

Языки вступают в контакты тогда, когда вступают в контакты люди, народы. Понадобились целые исторические периоды контактирования народов и их языков, чтобы сформировалась сама система обучения неродному языку. Но вне зависимости от этих исторических периодов носитель родного языка сталкивался с явлением интерференции, как только он пытался понять и освоить язык другого народа — охранительная функция родного языка, заложенная в самой его природе, вставала на пути усвоения «чужого». Наука о языке, а тем более о двуязычии, появилась значительно позже той эпохи, когда носители различных языков начали вступать в тесные контакты. Вступающий в контакт не мог, естественно, сопоставить родной и чужой язык на уровне нашего, научного, сознания. Но бессознательному отторжению чужого языка, обусловленному действием охранительной функции родного, сама потребность в общении (заинтересованность, например, в торговле) противопоставляла осознанное

«влечение» к языку соседа, желание прислушаться к нему, понять взаимоотношения языковых элементов. В родной язык привносились чужие слова. Ввиду фонетико-фонологических различий контактирующих языков эти слова-заимствования через устную речь могли быть переняты в таком фонетическом облике (в той звуковой оболочке), как воспринимало их языковое сознание носителей родного языка (т. е. уже уподобленными системе родных звуков), а с течением времени еще более уподобиться и вовсе утратить свой первоначальный облик и внутреннюю форму слова. Явления интерференции и заимствования, как представляется, тесно между собою связаны, но они — единство противоположностей, единство двух полярных тенденций существования языка — тенденции к устойчивости и тенденции развития, обогащения. Слово заимствуется вопреки действию охранительной функции, но если в нем ощущается потребность, язык «не препятствует» вхождению заимствования, но тут же адаптирует его, уподобляет своим нормам и правилам (если заимствование в силу каких-то причин не уподобляется полностью, тогда оно пополняет исключения из правил родного языка или квалифицируется как иностранное слово, иностранное «вкрапление»). По мере развития языковых контактов формируется двуязычная языковая среда, начинается активное взаимодействие двух языков в разных видах и формах речи, различное по своей жанрово-стилистической дифференциации. «Ассимилированные» языковые элементы (содержательные и формальные), утвердившиеся в родной и русской речи двуязычного населения как норма или вариант нормы, могут «осесть», закрепиться в системах родных языков контактирующих народов. Но для этого нужно время: норма изменчива только во времени: Сравним русск.: *Туризм — лучший отдых* и казах.: *Туризм — тамаша демалыс*. Казахское предложение является точной копией (калькой) русского и, если рассматривать эту конструкцию с точки зрения исконных норм казахского (тюркского) языка, то в ее построении обнаруживается влияние русского синтаксиса [см. 16, 17, 18].

Заимствование, на наш взгляд, — не прямой результат интерференции, а ее крайний случай, когда язык не только уподобляет чужой языковой элемент, но и с течением времени «присваивает» его себе.

Явление интерференции (уподобления) в условиях национально-русского двуязычия обнаруживается не только в речи двуязычного населения — языковые контакты не замыкаются в этой сфере общения, а распространяются как языковое взаимодействие в художественной литературе (в русскоязычных произведениях национальных писателей, в частности), в периодической (в частности, русскоязычной) прессе, в языке массовой коммуникации и т. д. Понятно, что здесь интерференция не дает о себе знать так очевидно, как в речи двуязычного населения, так как мы имеем дело непосредственно (кино, радио, телевидение и т. п.) и опосредованно (книга, газета, журнал) с автором — носителем языка в его литературной форме — писателем, журналистом, диктором и т. д., т. е. человеком, который хорошо владеет языком и сознательно берет на вооружение его охранительную функцию, защищая его литературные нормы. Интерференция может быть в этих случаях вовсе не заметна для слуха и глаза рядового слушателя, читателя-неспециалиста в области языкознания. Если подвергнуть лингвистическому анализу русскоязычные художественные произведения национального автора, то выявятся, в первую очередь, случаи интерференции в плане понятийно-смысловом, семантическом, стилистическом, так как «художественная русскоязычная литература, представленная произведениями национальных авторов, является не только сферой использования лексики языков народов СССР, но и сферой непосредственных понятийно-смысловых, семантических и стилистических контактов между словами русского языка... и словами национальных языков...» [19].

Однако здесь имеет место взаимодействие языков не только в лексике, но и на других уровнях языковой системы — структурно-грамматическом, словообразовательном, а также на уровнях структуры, кодирования

и сегментации художественного текста¹⁰. Эти вопросы взаимодействия русского и национальных языков в сфере художественных литератур остаются пока не тронутыми исследователями и ждут своего разрешения.

Примерами интерферентных явлений на семантическом, структурно-грамматическом и словообразовательном уровнях языковых систем в русскоязычных произведениях национальных авторов могут служить следующие предложения и случаи словоупотребления из русскоязычной повести казахского писателя Сатимжана Санбаева «Когда жаждут мифа» (На свете белом. Повести казахских писателей. Алма-Ата, 1984): (1) Через пять лет *приехали*, смотрю — другие совсем ребята. Тоже *послушали, записали*. Эти еще быстрее *работали*, все делали на ходу (с. 11); (2) А уже раздалось громкое призывное ржание, и к холму, к разбредающему навстречу солнцу косяку, *поскакал жеребец с длинным туловищем* (с. 7); (3) Показался очередной сторожевой пост, *оба легкоконных воина*, застывших у вышки, торопливо поклонились (с. 13); (4) *В скалы он въехал* недалеко от знакомого пешаника, за которым протекал ручей (с. 34); (5) Храм был вырублен в скале, *и он предстал взору весь*: крестовидный план с анфиладным решением помещений, которые были явно не симметричны и не одинаковы, но как-то органично связаны друг с другом (с. 12).

В (1) примере интерференция усматривается нами в том, что казахский порядок слов в предложении влияет на русское словорасположение (уподобляет его), и это обуславливает постановку глаголов-сказуемых в конце предложения, что соответствует нормам тюркского языка [16, 17, 20]. Во (2) и (3) примерах интерферентные явления более очевидны: *поскакал жеребец с длинным туловищем, оба легкоконных воина*. Интерференция здесь носит довольно сложный характер, т. к. в данном случае взаимодействуют («борются») языковые элементы разных уровней: грамматического, семантического, словообразовательного, — и обусловлена таким различием в русском и тюркских языках, как отсутствие предложно-падежных форм в последних — наличием в них послелогов, которые не всегда выступают эквивалентами русских предлогов. Следует иметь в виду и такой момент: признак, присущий самому предмету (*старый человек*), и признак, перенесенный на предмет с другого предмета (*человек в шляпе*), в казахском языке имеют свои особенности грамматического выражения: если русские говорят: *комната с зелеными стенами*, но казахи скажут буквально: *зеленостенная комната*.

Строгое различие признака, присущего самому предмету, и признака, «опосредованного» другим предметом, подчеркивается в казахском языке употреблением глагола *бар* («есть, имеется») или неупотреблением его: *человек с черными глазами* — казах. *қара көзді адам*; но: *человек с ребенком* — *баласы адам бар*. Многозначность предлога *с* в русском языке [Словарь русского языка в четырех томах. (М., 1981—1984) отмечает 24 случая его употребления] также способствовала возникновению интерферентной конструкции *поскакал жеребец с длинным туловищем*, в которой налицо двузначность: ср. возможное синтагматическое членение — *жеребец с длинным туловищем; поскакал с длинным туловищем*. Слово сочетание *легкоконные воины* тоже несвойственно русскому языку: оно находится за пределами продуктивных реализаций словообразовательной семантики русского языка (ср.: легкокрылая птица, но неупотребляемое: *легкомашинный шофер*); «окказиональное» словообразование автора стало возможным под влиянием казахской аналогии (ср. также: *город из желтого камня* — *желтокаменный*, казах. *сарытас*¹¹; ср.: *густотравные луга* [20, с. 187—188]).

В (4) примере интерферентное словоупотребление *в скалы он въехал* могло возникнуть не только потому, что в казахском языке отсутствует предлог *в*, но и потому, что, по-видимому, автор употребляет слово *скала*

¹⁰ Данные проблемы применительно к одному языку успешно решаются многими исследователями (например, работы В. П. Григорьева, Ю. М. Лотмана, И. В. Арнольд, Е. Т. Коволенко и др.).

¹¹ В связи с этими наблюдениями представляет интерес история возникновения словосочетания *белокаменная Москва*.

(*скалы*) в более широком значении, чем «каменный утес с острыми выступами» (Словарь русского языка С. И. Ожегова)¹², что и подтверждается в дальнейшем тексте повести: — *А я хочу видеть скалы! — Бекет задергался, завертел головой вокруг, словно пытаюсь сейчас же увидеть горы* (с. 43). В (5) примере *и он предстал взору весь* результат интерференции ощущается нами в том, что было бы «более по-русски» сказать: *и он весь предстал взору* или, если оставить авторское словорасположение, необходимо добавить уточняющее слово — наречие *целиком* (ср.: В тот же день стало известно, что стрелецкий полк Лаврентия Сухарева *весь целиком* ушел в Троицу (А. Н. Толстой, Петр Первый). Однако в казахском языке русские слова *весь* и *целый* могут передаваться одной лексемой — *бүкіл* (вероятно, в сознании автора-билингва значение слова *целиком* — «в полном составе, объеме» органически включалось в значение слова *весь* — *бүкіл*).

Употребление национальной лексики в этой русскоязычной повести казаха-билингва (даже в тех случаях, когда, казалось бы, есть русские эквиваленты и соответствия) свидетельствуют не только о художественно-изобразительных целях, преследуемых писателем, но и о наличии в системах понятий двух языков определенных расхождений, скрытых в национально специфических элементах понятийно-смыслового содержания родного языка, которые автор как носитель казахского языка и представитель казахского народа стремится сохранить в языковой ткани повести: «Булат огляделся. Жили табунчики просто. Через решетчатое *кереге* виднелись сложенные на *жастагаше* — деревянной подставке — одеяла и подушки; необходимая утварь была разложена на деревянной полке, рядом с ней стоял *кебеже* — сундучок для посуды» (там же, с. 37).

Степень интерферентных явлений, результаты противоборства норм, правил, закономерностей разноуровневых элементов языковых систем, стремящихся уподобить одна другую, зависят от многих факторов. В первую очередь, следует отметить такой фактор, как принадлежность языков к разным языковым семьям (группам) или к одной, близкородственной. Если языковые элементы одной системы в целом сходны с элементами другой и имеют незначительные расхождения на известных языковых уровнях, то эти расхождения, различия и будут служить почвой для появления интерференции и обуславливать ее результаты. Сходные языковые элементы, правила, закономерности и нормы, согласно которым они строятся и функционируют, не могут вызвать интерференцию, т. е. они не вступают в противоречия и не уподобляют друг друга.

Вряд ли практически возможно вычислить на основе контрастивного анализа уровней двух языковых систем все «вероятные проявления интерференции, которая возникает в результате контакта языков» [21; см. также 22], так называемое поле потенциальной интерференции. Однако исследование этого поля на основе изучения схождений и расхождений уровней двух языковых систем (прежде всего структурно-грамматических), дальнейшая разработка методики преподавания второго языка с учетом результатов сопоставительного анализа, создание интерферентных словарей и справочников представляется предприятием перспективным.

Конкретные результаты интерференции русского и национального языков обусловлены также социальными этнолингвистическими условиями языкового взаимодействия: происходит ли оно в двуязычной (многоязычной) среде или в отсутствии русского речевого окружения, каков национальный и этнический состав данного языкового региона (наличествуют ли в нем диалекты или говоры), в какой конкретно сфере общения рассматриваются языковые контакты, каков возрастной состав двуязыч-

¹² Аналогичное толкование находим и в Словаре русского языка в четырех томах (М., 1981—1984). Более широко толкуется *скала* в Кратком толковом словаре русского языка (под ред. В. В. Розановой, М., 1985), предназначенном для лиц, изучающих русский язык как иностранный или неродной, — «небольшая каменная гора или часть горы». Исходя из такого толкования, можно усмотреть синонимические отношения *скала* — *гора*, что не подкрепляется литературными примерами. Ср. также нетавтологическое словосочетание *скалистые горы*.

ного населения, его образовательный ценз, степень владения родным и русским языком. Последнее особенно важно при анализе интерферентных явлений в речи обучающихся русскому языку школьников национальных школ и студентов национальных вузов. Именно здесь, в сфере формирования национально-русского двуязычия, через противоборство двух языковых систем в сознании и речевой деятельности обучающихся происходит овладение русским языком, познание нового. Вероятно, что овладение любым вторым естественным языком проходит через барьер интерференции. Поэтому, как представляется, даже с методической точки зрения, в интерференции следует видеть и позитивную сторону.

В живой русской речи носителей родного национального языка (и, разумеется, в родной речи билингвов) интерферентные явления могут обнаруживаться сразу на нескольких уровнях языковой системы (причем уподобление одного языкового элемента может вызвать изменение, нарушение нормы другого языкового элемента) и усугубиться речевой ошибкой, не имеющей отношения к интерференции.

Проследим это на анализе письменной речи казаха, закончившего сельскохозяйственный институт. Информант учился в казахской школе с родным языком обучения (в качестве информативного материала послужила переписка с ним в течение нескольких лет). В предложении казаха *Привет от Алма-Аты Ерлана к своему другу* можно видеть лишь речевые ошибки, обусловленные недостаточным знанием русского языка, однако в этой фразе скрыто явление уподобления синтаксических моделей. Предложение построено по образцу казахской модели, где возможность постановки косвенного дополнения перед прямым соответствует норме родного (тюркского) языка, в котором синтаксис, как принято говорить, левосторонний (косвенное дополнение ← прямое дополнение ← глагол-сказуемое).

В высказывании *А у нас в Алма-Ате все хорошо и никакой ошибки нету* ошибки объясняются тем, что определение-прилагательное (местоимение) не изменяется в казахском языке. Информант не изменяет его и в русском предложении. Неправильное употребление падежных флексий — результат недостаточного владения русским языком. Причем в данном случае ошибки информанта не влияют на восприятие смысла высказывания адресатом, т. е. они коммуникативно не значимы.

В неопределенно-личной конструкции информанта: *И их [товарищей], наверно, заберет* (вм. *заберут*) в *Москву* употреблен глагол в ед. числе 3-го лица вместо множественного — налицо уподобление форме родного языка, т. к. в однотипной казахской конструкции употребляется глагол в ед. числе: *Оларды мүмкін Москваға алып кетеді*.

В предложении *Мы их [спортсменами] гордимся* употребление родительного падежа вместо творительного можно объяснить тем, что в аналогичной казахской модели употребляется именно родительный падеж: *Біз бұларды мақтаншы етеміз* [устойчивое сочетание существительное + вспомогательный глагол *мақтаншы* (гордость) + *етеміз* (вспом. гл.) в казахском языке требует родительного падежа].

В предложении *И здесь [на Медео] выступили знаменитые спортсмены так называемый Э. Хейден, К. Буше, Д. Оглобин, Н. Петрусева, В. Козлов и другие* неправильно употреблено устойчивое выражение *так называемый*. Русское употребление этого словосочетания в значении 1) «как обычно называют» и 2) «для выражения иронического или отрицательного отношения к кому-чему-н.» (Словарь русского языка С. И. Ожегова), как видим, исключается контекстом предложения. Мы наблюдаем здесь своеобразную лексико-семантическую контаминацию, поскольку *так называемый* при переводе на казахский язык теряет фразеологическое значение. Для передачи информации по-русски билингв подбирает адекватные слова одной семантической группы и употребляет фразеологическую единицу не в обобщенном, а в прямом, непосредственном значении («так они зовутся»).

Аналогично происходит контаминация двух русских словосочетаний (только уже на грамматическом уровне) в таком высказывании информан-

та: *Он был мой настоящим другом*. Известно, что в подобных предложениях с координируемыми главными членами допускается замена именительного падежа имени в составе сказуемого творительным падежом: *Он был мой настоящий друг — Он был моим настоящим другом* [см. 23]. В сознании билингва эти два грамматических варианта, по-видимому, скрещиваются, и на письме обнаруживается третий вариант — с нарушением правил согласования. Контаминация двух (нескольких) русских словосочетаний — довольно частое явление в русской речи казахов-билингвов. Она усугубляется отсутствием в казахском языке предлогов, их многозначностью в русском языке, усвоить которую довольно сложно для казахов: *Преподаватели постоянно благодарили [нас] и примером показали от других* (контаминация выражений: *ставит в пример, показать пример, отличать от других*).

О том, что нарушения норм при овладении русским языком носят явно направленный характер уподобления нормам родного языка, свидетельствуют «интерферентные ошибки» в русской речи младших и старших нерусских школьников тюркоязычного региона. Нами проведено обследование ряда школ с многоязычным контингентом учащихся (классы с различными языками обучения) в Казахстане, Азербайджане, Каракалпакии. Ср.: *Пять колхозница собирают урожай* (6-й кл. с казах. яз. обучения); *Два немецких солдат стоят над ним* (10-й кл. с казах. яз. обучения). Сочетание *пять колхозница* употреблено по аналогии с казахской конструкцией (*бес колхозшы*). Употребление *два* вместо *двое* также объясняется казахской аналогией (*екі неміс солдаты*). Собирательное числительное *двое* в казахском языке употребляется в значении сказуемого-предиката: *Олар екеу*. Ср. также: *Что случилось тебе? Мальчики держит корзина* (3-й кл. с казах. яз. обучения), что соответствует казахским высказываниям: *Не болды саған? [Кімге? Кому? — дат. п. (казах. барыс септік)]; Балалар корзина ұстап тұр* — прямое копирование способов передачи информации на русском языке с казахского языка, уподобление русских языковых форм казахским (тюркским).

Анализ ошибок в русской речи тюркоязычного населения свидетельствует о том, что явление интерференции обусловлено спецификой родного языка. В предложениях (1) *У девочки фартука синего цвета* (10-й кл. с азерб. яз. обучения); (2) *Где приземлится самолет, там все бежат* (8-ой кл. с казах. яз. обучения) ошибки учащихся, как кажется на первый взгляд, вызваны отсутствием категории рода в родном языке (*фартука*) или незнанием значения русских слов (*там* вм. *туда*). Однако это не так — ошибки здесь обусловлены спецификой грамматических категорий и особенностями лексической системы тюркского языка. В (1) предложении наличие слов *у девочки*, заключающих в себе указание на конкретный объект, требует определенной падежной формы — родительного конкретного. По аналогии с этим требованием учащийся ставит. сущ. *фартук* в род. падеж — *фартука* («омоформа» сущ. ж. р. — «фартука», ср.: *кнопка*); *бежат* вм. *бегут* — неправильное образование глагольной формы, встречающееся и в речи русских. Во (2) предложении ошибочно употреблено слово *там*. В казахском языке значение его передается лексемой *сонда*, совмещающей в себе и значение «туда» (*сонда* — «там», «туда»); происходит ложная идентификация значений «там» и «туда».

Наша картотека ошибок в русской речи каракалпакских школьников свидетельствует об однотипности этих ошибок с ошибками казахов: *Я люблю осень* (5-й кл. с каракалп. яз. обучения). Поскольку в слове *осень* первый гласный непереднего ряда, сингармонизм каракалпакского языка (как тюркского) не допускает конечного *н* мягкого. Мы наблюдаем явление уподобления на фонетическом уровне.

Представляется интересным выявить и классифицировать ошибки в русской речи казахов-билингвов, обусловленные особенностями выражения форм множественности и категории числа в казахском языке (как и других тюркских, агглютинирующих языках) [см. 24], накладывающими свой отпечаток на усвоение казахами форм выражения категорий числа и понятий множественности русского языка; например: *Мы видим на кар-*

тине много дерево (6-й кл. с казах. яз. обучения) (аналогия с казахским языком) или: *Мы видим на картине много деревьев* [казах. *ағаштар (ды)*] — вин. пад. — может быть с аффиксом и без него; *Где хранятся знамя?* (вопрос учителя, 4-й кл. с каракалп. яз. обучения — аналогия с тюркским: глагол не изменяется при единственном и множественном числе существительного; *Семья переехали* (8-й кл. с казах. яз. обучения). В слове *семья* заключено понятие множественности «муж и жена, родители с детьми» (это не один человек, а два и больше) — поэтому казах согласует это существительное со значением множественности с глаголом во множественном числе.

Безусловно, нельзя свести все речевые ошибки казахов-билингвов (или изучающих русский язык казахов) к уподоблению. Любопытно заметить, что некоторые ошибки в русской речи казахов (особенно у начинающих изучать русский язык) напоминают «казусы» русской детской речи: *Она прожучила счастную жизнь* (из сочинения ученика-казаха, 4-й кл.). Здесь прослеживается недостаточное осознание членности русских слов на морфемы. Подобно русским детям, учащиеся-казахи образуют своеобразные окказионализмы путем депрефикации¹³. И, наконец, в русской речи школьников тюркоязычного региона нами зафиксированы такие ошибки, которые детерминированы рудиментарными фактами языка: *Что летит над горами?* — *Над горами летят птицы* (6-й кл. с казах. яз. обучения). Казахское вопросительное слово *кім?* («кто»?) употребляется только по отношению к человеку, а *не?* («что»?) — по отношению ко всем, кроме человека [20, с. 234]. Поэтому вопрос *Что летит над горами?* с точки зрения казаха правилен.

Таким образом, ведущим явлением в процессе взаимодействия двух (или нескольких) языков мы считаем явление уподобления языковых элементов (содержательных и формальных) одного из контактирующих языков языковым элементам другого. Уподобление, на наш взгляд, есть непосредственное проявление главной тенденции процесса взаимодействия языков при двуязычии (как и при иных формах взаимодействия языков) — сближения структур взаимодействующих языков, установления однозначного соответствия между взаимодействующими языками [26], также [3, с. 103]. Иными словами, эту общую тенденцию при взаимодействии языков, характеризующуюся выравниванием, достижением большего сходства или подобия между элементами разных языков [27], можно назвать аттракцией.

Уподобление элементов одного из контактирующих языков элементам другого языка (иными словами, интерференция), как нам представляется, — результат объективного проявления охранительной функции родного языка, являющейся своеобразным ключом к пониманию механизма языковых взаимодействий, позволяющим выявить точки приложения лингводидактических усилий при обучении русскому языку и выработать необходимые ортологические рекомендации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Словарь иностранных слов. Под ред. Лехина И. В. и Петрова Ф. Н. М., 1949, с. 260.
2. Шерба Л. В. О взаимоотношениях родного и иностранного языков. — В кн.: *Шерба Л. В. Языковая система и речевая деятельность*. Л., 1974, с. 343.
3. Проблемы двуязычия и многоязычия. М., 1972.
4. Копыленко М. М., Ахметжанова З. К. Фонетическая интерференция в русской речи казахов. Алма-Ата, 1984.
5. Мейрамов Г. А. Интерференция при изучении несогласованных определений (на материале тюркских и русского языков). — В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
6. Ман О. Лексика и вопросы интерференции. — *Русский язык за рубежом*, 1977, № 2.
7. Влчек Й., Грабе В., Грдличка М., Ман О., Ходера Р. Вопросы языковой интерференции при обучении русскому языку в Чехословакии. — *Русский язык за рубежом*, 1977, № 2.

¹³ См. подробнее о депрефикации в работе И. С. Улуханова [25].

8. *Иирачек И.* Межъязыковая и смешанная интерференция в словообразовании.— В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения. Четвертый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Тезисы докладов и сообщений. Берлин, 1979, с. 98—99.
9. *Шанский Н. М., Боброва Т. А.* Актуальные вопросы изучения русского языка как языка межнационального общения народов СССР.— Русский язык в армянской школе, 1980, № 3, с. 8.
10. *Фретгауст П.* К вопросу об учете родного языка при изучении грамматики в школе.— В кн.: Теория и практика преподавания русского языка и литературы. Роль преподавателя в процессе обучения. Четвертый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Тезисы докладов и сообщений. Берлин, 1979, с. 344.
11. *Журавлева В. В., Кедайтене Е. И.* К проблеме механизма интерференции.— В кн.: Современное состояние и основные проблемы изучения и преподавания русского языка и литературы. Пятый международный конгресс преподавателей русского языка и литературы: Доклады советской делегации. М., 1982, с. 129.
12. *Психолингвистика и обучение иностранцев русскому языку.* М., 1972.
13. *Бадашвили Т.* Порождение речевого высказывания и проблема интерференции.— *Aspekti*, Helsinki, 1977, № 2, с. 43.
14. *Филин Ф. П.* О языковой норме.— В кн.: Проблемы нормы в славянских литературных языках в синхронном и диахронном аспектах: Доклады на IV заседании Международной комиссии по славянским литературным языкам. 22—25 окт. 1974, М., 1976, с. 6.
15. *Скворцов Л. И.* Теоретические основы культуры русской речи. М., 1980.
16. *Баскаков Н. А.* Сопоставительный анализ структуры словосочетаний и предложений в русском и тюркских языках.— В кн.: Пути развития национально-русского двуязычия в нерусских школах РСФСР. М., 1979.
17. *Кенесбаев С. К., Карашева Н. Б.* Казахский язык.— В кн.: Языки народов СССР: В пяти томах. Т. II — Тюркские языки. М., 1966.
18. *Демесинова Н. Х.* Развитие структуры простого предложения в казахском языке.— В кн.: Прогрессивное влияние русского языка на казахский. Алма-Ата, 1965.
19. *Михайловская Н. Г.* Стиль русскоязычной литературы Севера и Дальнего Востока. М., 1984, с. 27.
20. Современный казахский язык. Фонетика и морфология. Алма-Ата, 1962.
21. *Вайнрайх У.* Одноязычие и многоязычие.— В кн.: Новое в лингвистике. Вып. VI. М., 1972, с. 27.
22. *Карлинский А. Е.* Основы теории взаимодействия языков и проблема интерференции: Автореф. дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. Киев, 1980.
23. Русская грамматика. М., 1980, т. II, с. 278—282.
24. *Гузев В. Г., Насилов Д. М.* К интерпретации категории числа имен существительных в тюркских языках.— ВЯ, 1975, № 3.
25. *Улуханов И. С.* Словообразовательная семантика в русском языке. М., 1977, с. 77—80.
26. *Панфилов В. З.* Взаимодействие языков при двуязычии с точки зрения взаимоотношения языка и мышления.— ИАН СЛЯ, 1970, № 3, с. 203.
27. *Ахманова О. С.* Словарь лингвистических терминов. М., 1969.

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

РАМАТ П.

УНИВЕРСАЛИИ И ТИПОЛОГИЯ*

1. Хотя в принципе типологический анализ и поиски универсалий являются двумя диаметрально противоположными направлениями исследований, во многих работах они фактически оказываются взаимосвязанными. Эта взаимосвязь не произвольна и не случайна; иногда она носит программный характер, на что указывает, например, даже само название некоторых публикаций [см., например, 2].

Довольно распространена тенденция употреблять термин «универсалия» слишком широко и не вполне точно. Так, Э. Кинэн говорит о «конечных универсалиях наблюдения» (finite observation universals) («во всех языках есть личные местоимения [...], посессивные конструкции»), противопоставляя их «неконечным универсалиям наблюдения» (infinite observation universals), например, ограничениям, налагаемым на трансформации. Первые связаны с наблюдением над эмпирическими фактами, вторые скорее зависят от избранной теоретической модели [3, с. 134 и сл.]. Э. Моравчик противопоставляет «аналитические» универсалии «синтетическим» [3, с. 146]. П. Гарвиш выделяет «дефиниционные» и «потенциальные» универсалии; только первые являются «абсолютными универсалиями» [3, с. 110 и сл.]. Ввиду неточности терминологии, которая породила немало путаницы, представляется необходимым обратиться к различию, которое установил Хэмпел между эмпирическими обобщениями и теоретическими построениями, между «термами наблюдения» (observative terms) и «термами теории» (theoretical terms). Последние не соотносятся непосредственно с наблюдаемыми фактами, а используются для построения научных теорий, которые должны объяснять эмпирические обобщения [4]. Подобных взглядов придерживается и такой известный лингвист, как Бар-Хиллел: «Если, как я предлагаю, *генералия* должна употребляться для обозначения „случайной целостности“ (accidental allness), то *универсалия* должна соотноситься с „необходимой целостностью“ (necessary allness); отсюда вытекает важное следствие: ...генералия допускает градацию..., универсалия же абсолютна» [5, с. 9]. Говорить о «квази-универсалиях» (near-universals) значит впасть в явное логическое противоречие, а выражение «универсальные универсалии» (overall universals) представляет собой чистую тавтологию.

Поэтому универсалиями, действительно заслуживающими этого названия, можно считать только такие, для которых верна формула:

$$\text{Univ (P)} \longleftrightarrow (\forall x) (Lx \rightarrow Px),$$

т. е. свойство P универсально, когда для всех L верно, что они обладают P; для всех x верно: если x — язык, тогда x обладает свойством P; или же $L \supset \text{ох}$ (для L является необходимым условием x).

Универсалиями этого типа являются конститутивные свойства человеческого языка как такового («сущностные универсалии», по выражению Э. Косериу [6]). Из определения языка как структуры звуковых единиц, выполняющих различительную функцию для передачи значений в пределах определенного языкового коллектива, вытекает сущностное, универсальное свойство языка, заключающееся в том, что эти единицы появляются с определенной частотой, зависящей от характера связей между ними.

* Настоящая статья представляет собой вторую главу недавно вышедшего сборника моих работ [см. 1].

В другой формулировке: поскольку язык является фонетической структурой, эта структура обладает универсальным свойством линейности (звуковые единицы не могут производиться все одновременно, а должны располагаться в линейной последовательности). Учитывая функциональный аспект приведенного определения языка, можно постулировать универсальность связи, устанавливаемой в пределах языкового знака между означающим и означаемым. Отсюда следует утверждение, что ковариативность формы и значения также универсальна. Можно уточнить, что, поскольку язык является функциональной структурой, имеющей целью передачу означаемых (сообщений), он должен обладать в качестве универсального свойства способностью сообщать (предципировать) нечто по поводу кого-либо или чего-либо, т. е. проводить различие между «топиком» (или «темой») и «комментарием» (или «ремой»).

Установление подобных универсалий тесно зависит от предварительно принятого в качестве аксиомы определения языка, и в этом смысле оно производится дедуктивно. Такие универсалии обладают значимостью прежде всего для формальной лингвистики типа «грамматики Монтегю».

Между прочим, целью типологической лингвистики является создание универсального инструмента описания языков, который по необходимости должен основываться на существенных и конститутивных свойствах языка (= универсалиях). Для создания действенной модели типологического исследования релевантными являются такие понятия, как «фраза» (и «операция» как средство построения фраз), «грамматика», а также «структура», «оппозиция» и т. д., которые относятся к области универсалий. В этом смысле лингвистическая типология не является теорией языка, а зависит от определенной теории (уровень универсалий): прежде чем обнаружить что-либо, надо знать, что искать; поэтому дедуктивный аспект важен также и в типологических исследованиях.

Однако дедуктивный характер установления универсалий не означает произвола в их постулировании; речь идет не о научных фикциях, а о реальных свойствах, имманентно присущих языку [3, с. 58 и сл.]. Тем не менее эти свойства обнаруживают логические импликации, которые уже не являются строго лингвистическими. Когда говорят, что понятие «фразы» имплицитно содержится в понятии «естественного языка», в том смысле, что всякий естественный язык по определению способен производить фразы, одновременно предполагают целую серию производных понятий («структура», «оппозиция», «линейная последовательность» и т. д.), которые представляют собой логически конститутивные свойства понятия «фразы», или, если угодно, ее метаярвень. Здесь следует вспомнить утверждение Кацнельсона [7, с. 14] о том, что подобные универсалии (например, универсалия «во всех языках имеются фонемы», выводимая из данного нами определения языка) являются «аналитическими суждениями с ограниченной познавательной значимостью» (ср. «неинформативные универсалии» Вардуля [8]; см. также [9]). Это верно, но свидетельствует лишь о том, что подобные универсалии имеют ограниченную значимость в конкретном типологическом исследовании. Фонемная структурация действительно является одной из характеристик человеческого языка, однако это свойство именно в силу своей универсальности является типологически иррелевантным¹.

Хотя лингвистическая типология зависит в указанном выше смысле от универсалий, на практике она занимается (или должна была бы заниматься) обобщением эмпирических данных индуктивным путем. Между универсалиями и обобщениями существует разрыв: первые являются результатом дедуктивного анализа, вторые — индуктивного (ср. [3, с. 87]). На практике все же невозможно прийти к осмысленным обобщениям, пред-

¹ Второй пример универсалии, который приводит Кацнельсон («во всех языках различается грамматика и лексика»), представляется скорее обобщением эмпирических данных, поскольку можно представить себе язык без эксплицитных грамматических морфем [вспомним о «бесформенных языках» (formlose Sprachen) типологов прошлого века].

ставляющим какой-либо интерес, если отсутствуют общетеоретические понятия (включающие также и универсалии).

2. Нельзя не согласиться в принципе с Э. Косериу, когда он утверждает [3, с. 94], что лингвистическая типология противоположна поиску универсалий, поскольку она обращена на изучение различий между языками. «Исследование же признаков языка, не связанное с наблюдением некоторых эмпирических общих фактов и независимое от причин, порождающих сходства, есть совершенно иная область, уходящая в своих истоках не к изучению собственно конкретных признаков языков, а к выявлению признаков языка вообще в аспекте его специфики как атрибута человеческой деятельности. Лингвистика универсалий и лингвистика типологии языков в этом смысле имеют совершенно различные предметы исследования и различные цели» [10, с. 453; ср. 11].

Вариативность на уровне универсалий равна нулю; на уровне обобщений наблюдается свободный выбор, производимый данным человеческим языком в пределах гаммы возможностей, границы которой универсальны. Например, если взять теорию дифференциальных признаков Р. Якобсона, то окажется, что в фонологической системе любого языка используются установленные им дифференциальные признаки, но не какие-либо иные, не предусмотренные данной теорией, хотя в каждом языке используются не обязательно все признаки [2, с. 15]. Впрочем, существуют также обобщения факультативных свойств, которые не являются логически необходимыми, а потому могут отсутствовать в том или ином языке. Например, возвратное местоимение является универсальной категорией, но нельзя утверждать, что каждый язык обязательно должен иметь возвратные местоимения: функция рефлексивности может быть выражена с помощью каких-либо других средств [12, с. 86]. Еще один пример: утверждается, что шесть теоретически возможных типов порядка «базовых элементов» S, V и O составляют некоторое (универсальное) множество, из которого каждый язык должен выбрать определенный тип: типология изучает этот свободный выбор, произведенный тем или иным языком (см. статью Хетценра в [3, с. 120]). Существуют, однако, языки как, например, кечуа и вальбери, в которых наблюдается свободный порядок элементов; выбор определенного порядка не является обязательным. В таком случае действительной универсалией, охватывающей все языки без исключения, является универсалия линейности, линейной последовательности элементов.

Когда говорят о «возможном естественном языке» [12, с. 86] как о совокупности факультативных свойств, находящейся в пределах универсальных ограничений, или о «причинах межъязыковых сходств», тем самым дают имплицитный ответ на вопрос, почему типология и поиск универсалий, будучи в принципе противоположными направлениями исследований, в действительности так часто идут рука об руку: типология проецирует универсальные принципы на конкретный материал совокупности естественных языков (см. статью ван ден Боома в [3, с. 88]); иными словами, универсалии представляют собой общие термы, в которых устанавливается типология лингвистических объектов [11, с. 129]².

---

² Очевидна практическая значимость важной, но трудноразрешимой проблемы определения конкретных пределов возможного межъязыкового варьирования. Символическим представляется случай с языком хишкарьяна, в котором обнаружен порядок OVS, не зафиксированный в том списке языков, которым пользовался Гринберг для выведения своих знаменитых «универсалий» (на самом деле обобщений) морфосинтаксического характера. Первоначально порядок OVS был исключен из возможных типов порядка слов. Э. Кинэн, который сделал очень интересную попытку развить понятие «универсалий» как модели возможных межъязыковых вариаций, после обнаружения порядка OVS в хишкарьяна должен был пересмотреть свой «список свойств субъекта» (SPL) с «универсальной» значимостью и исключить из него свойство «S предшествует O» [12, с. 324 и сл.; ср. 13]. Этот пример хорошо показывает решающую роль эмпирических наблюдений для экстраполяции данного типа «универсалий». Действительно, поскольку эпистемологический «статус» (индуктивных) обобщений и (дефиниционных, дедуктивных) универсалий различен, невозможно гарантировать универсальную значимость любого индуктивного обобщения феноменов или процессов, наблюдающихся в реальной действительности.

3. Наряду с «сущностными», или конститутивными и дефиниционными, универсалиями, о которых мы только что говорили, существуют еще две разновидности универсалий. Первая разновидность носит объективный характер, вторая — субъективный.

Хотя психолингвистические исследования, несомненно, нуждаются в дальнейшем углублении, уже сегодня можно с уверенностью утверждать, что существует некоторая заданность биофизиологического порядка, имеющая универсальную значимость для всех человеческих существ³.

Обратимся еще раз к примеру с порядком следования базовых элементов. Представляется весьма вероятным, что крайне небольшое количество языков с порядком OVS (не более 1% языков мира) объясняется высокой степенью маркированности, неестественности порядка слов, при котором объект предшествует субъекту. Дело в том, что синтаксическая роль субъекта обычно соотносится с «глубинным падежом» агенса, который в свою очередь обычно представляется в качестве «топика», «данного» фразы, т. е. выносится на первое место, во всяком случае, предшествует объекту.

В экспериментах, относящихся к процессу восприятия, оказалось возможным доказать, что одни структуры перцепируются легче, чем другие; к первым относятся как раз те, в которых проявляется тенденция ставить известное перед новой информацией⁴. Было отмечено, что вставные придаточные относительные предложения представляют значительные трудности для понимания: уже на уровне второго вставного придаточного фраза понимается с трудом: ср. итал. *La ragazza che l'uomo che il ragazzo ha colpito inseguiva rubava le arance* «Девушка, которую мужчина, которого ударил парень, преследовал, крада апельсины», в то время как фраза становится совершенно понятной, если вынести первое придаточное: *Rubava le arance la ragazza che l'uomo che il ragazzo ha colpito inseguiva* «Крада апельсины девушка, которую мужчина, которого ударил парень, преследовал» или еще лучше: *Il ragazzo ha colpito l'uomo che inseguiva la ragazza che rubava le arance* «Парень ударил мужчину, который преследовал девушку, которая крада апельсины». В этом предложении представлена серия придаточных определительных, добавляемых справа в результате операции вынесения, теоретически бесконечной, как это наблюдается в известного рода шуточных детских стихах. Когда *che* «который» относится к непосредственно предшествующему термину, оперативная память получателя сообщения не перегружается.

Напротив, в языке с порядком элементов SOV, как в японском, в котором глагол неизменно занимает конечную позицию, не представляет трудности сказать: *Neko ga oikaketa nezumi ga tabeta chiizu wa kusatte-ita* «Кот СУБ преследовал мышь СУБ ела сыр ТОП испорчен-был» (см. статью С. Куно [17]). В этом случае относительное придаточное (которое в японском ничем не маркируется) завершается до того, как происходит переход к следующему термину, к которому оно относится: «Сыр, который мышь, которую кот преследовал, ела, был испорчен», в действительной линейной последовательности: «Кот преследовал мышь ела сыр был испорчен»⁵.

³ Называть совокушность этих условий «врожденной универсальной грамматикой», как это делается в генеративной теории, значит производить выбор в пользу чистейшего номинализма и априоризма, на основе предположения, которые не поддаются никакому эмпирическому контролю; в таком случае языковые универсалии выступают как «врожденные» лингвистические принципы, которые позволяют ребенку овладеть языком. Поскольку эти универсалии являются абстрактными принципами по определению, не представляется возможным доказать или опровергнуть их данными поверхностного уровня конкретных языков [2, с. 4, 24; 14, с. 29].

⁴ В качестве возможной причины перехода от порядка SOV («оптимального» со структурной точки зрения) к порядку SVO (например, от латыни к романским языкам) возникает противоречие, существующее между «конструктивным принципом» синтаксического порядка и «принципом топикализации информации», согласно которому «топику» (в языке, подобном латыни, $\cong$ субъекту), отводится преимущественно начальная позиция (принцип прагматико-экспрессивного порядка) [15, с. 125 и сл.]; о противоречии между двумя типами порядка см. также [16, с. 59].

⁵ О психолингвистических аспектах проблемы восприятия, кодификации и понимания см. [18]; о придаточных относительных, в частности, см. [19].

Что касается нейролингвистического уровня, известны исследования асимметрии функций полушарий головного мозга (латерализации). Человек — единственное существо, у которого обнаруживается асимметрия функций и специализация полушарий головного мозга относительно языковых способностей в числе прочих. Эксперименты показали, что при восприятии языкового материала (числа, слова, слоги) наблюдается «эффект правого уха» (REE, right ear effect), в то время как при восприятии мелодии и последовательности тонов наблюдается скорее «эффект левого уха» (LEE, left ear effect) [18; 19; 20, с. 83].

Макнилл [21, с. 140] отмечает, что «одним из следствий латерализации является, по-видимому..., смещение согласных, но не гласных» к левому полушарию мозга, поскольку правое ухо явным образом доминирует при восприятии согласных, в то время как гласные воспринимаются и правым и левым ухом без какой-либо разницы в чувствительности между ними. У. П. Леман, в частности, сообщает о результатах экспериментов М. С. Гаццаниги. В них было показано, что правое полушарие у пациентов, которым была произведена лобэктомия, в состоянии контролировать продуцирование отдельных имен, но не глаголов ([22]; ср. также [23, с. 312 и сл.]).

Число примеров такого типа можно было бы легко умножить (см. обширную библиографию работ, посвященных афазии, начиная с исследований Выготского). Ясно, что здесь мы имеем дело с явлениями универсального характера, которые обуславливают особенности языковой способности человека, в значительной мере предшествуют какой-либо обусловленности культурного характера и уже верифицированы (или верифицируемы) в лабораторных экспериментах.

Эти явления могут пролить свет на функционирование когнитивных структур у человека и оказывают какое-то влияние на форму языковых структур «возможного естественного языка». На основе факта трудности/невозможности продуцирования глаголов с помощью правого полушария можно заключить о центральном положении глагола или, вернее, единицы, осуществляющей глагольную функцию в акте предикации, — сложной операции установления связи между различными единицами, которая, как известно, осуществляется обычно левым полушарием; также можно сделать выводы о том, что порядок OS, по-видимому, противоречит универсальным стратегиям восприятия, которые требуют, чтобы «топик» (или тема) предшествовал «комментария» (или реме).

Таким образом, мы встаем на путь создания возможной «универсальной грамматики» без обращения к слишком дорогостоящей гипотезе о «врожденном» характере грамматических правил, выдвигаемой генеративной грамматикой (даже в том случае, если эти правила просты и всеобщи; см. выше, примеч. 3) [23]. Языковое поведение говорящих находит свое объяснение (в каузальном смысле) в бионейропсихологии; в ней же следует искать обоснование таких понятий, как «естественность» и «маркированность». «Маркированный» должен означать «сложный в когнитивном аспекте». Поэтому значение слова *наклонный* маркировано относительно значений слов *вертикальный* и *горизонтальный*, поскольку соответствующие дифференциальные признаки, воспринимаемые нашими органами чувств, помещаются в пространстве с двумя измерениями: [вертикальный] и [горизонтальный]; следовательно, значение «наклонный» должно определяться на основе двух признаков: [— вертикальный, — горизонтальный] [24]. Можно утверждать, что доминирование термина «destro» («правый») в паре «destro/sinistro» («правый/левый») (в случае возможного фонетического изменения по аналогии мы бы имели «destro/senestro», как в латыни мы имеем «dexter/senexter», но не *«distro/sinistro») может быть объяснено доминированием левого полушария и, следовательно, правой руки, что объясняется перекрещиванием центральных нервных путей, ведущих к периферийным органам чувств (см. [25, с. 14] со ссылкой на Мейерталера).

Итак, существуют объективные условия, которые определяют форму возможных языковых систем не только на уровне артикуляционной фоне-

тики, но и на морфосинтаксическом (и лексическом) уровне. В этом случае речь идет о языковых универсалиях, не выводимых дедуктивно из самого определения языка; они выводятся скорее индуктивным путем на основе исследований эмпирического характера и поэтому представляют собой объективное приращение знаний, которые должны необходимым образом учитываться любой общей теорией языка номолого-дедуктивного характера.

3.1. К этой же линии исследований относится обсуждение возможных универсалий языковых изменений, о которых много писалось в последнее время. В языковых изменениях присутствуют переменные историко-социального характера, которые формальная теория предсказать не может. При отсутствии предсказуемости, возможность которой является эксплицитным атрибутом любой действительно формальной теории, языковое изменение не может охватываться формальной теорией языка; напротив, языковые универсалии первого типа («сущностные универсалии») являются ее составной частью [25, с. 5].

В действительности, трудно обнаружить конкретные примеры языковых изменений, которые можно было бы исключить на основе положений общей теории языка, т. е. примеры, которые противоречили бы понятию «возможного естественного языка» [26]. Даже утверждения чрезвычайно общего теоретического характера, как, например, утверждение о том, что синтаксические изменения в естественных языках зависят от синтаксической структуры (are structure dependent), а не просто от порядка, в котором появляются элементы во фразе (structure independently), могут быть опровергнуты контрпримерами. Комри [2, с. 21 и сл.] приводит пример из сербохорватского языка, в котором местоименная клитика должна занимать во фразе второе место независимо от своей функции по причине чисто дистрибутивных ограничений случайного характера. Возможно даже разбиение именной группы в функции субъекта в целях сохранения за клитикой второго места: *Taj mi pesnik čita knjigu danas* (тот мне поэт читает книгу сегодня) «Тот поэт читает мне сегодня книгу».

В принципе всегда возможно найти контрпример на правило, сформулированное априорно на основе теоретико-дедуктивного подхода, поскольку только теория по определению может исключить возможность контрпримера, что составляет очевидный порочный круг в рассуждениях.

Это не значит, конечно, что языковые изменения хаотичны и совершенно непредсказуемы, но их типология моделируется на основе синхронной типологии языков в том виде, в каком они предстают исследователю [27, с. 45]. Как и синхронная типология, типология первого рода оказывается неизбежно связанной с вероятностным аспектом языка, поскольку она изучает изменения более или менее маркированные, более или менее «естественные», легко осуществимые с социо- и психолингвистической точек зрения. Ответ на вопрос, существуют ли свойства языковых изменений, имеющие универсальную значимость, может быть только отрицательным. Явления языковых изменений предсказуемы не в номолого-дедуктивном плане, а только в смысле большей или меньшей вероятности. Общая теория также не в состоянии логически предвидеть, какое направление примет в действительности языковая эволюция при наличии нескольких возможных путей развития, как можно было бы ожидать, если действительно существовали универсалии языковых изменений.

3.2. Нельзя не сказать и о другом аспекте психической деятельности, которая обуславливает языковые явления, имеющие характер универсальности. Если оставаться в пределах принятого нами функционального взгляда на язык, последний, по определению, является системой знаков, которая используется при решении коммуникативных задач внутри определенного языкового коллектива; поэтому каждый язык обладает не только универсальной способностью различать «тему и рему», но и отвечает другим универсальным требованиям коммуникации, позволяя формулировать вопрос, приказ, ответ, отрицание.

Речь идет о «прагматических универсалиях», относящихся к прагматическому аспекту психической деятельности, манифестирующей себя

в языковых сущностях. Речь идет о когнитивно-поведенческих функциях (behavioral-cognitive functions), имеющих во всех языках. Это доказывает, между прочим, тем фактом, что содержание повелительных, вопросительных и отрицательных высказываний переводимо с одного языка на любой другой язык именно в силу его универсальной психической природы.

При нынешнем состоянии исследований список прагматических универсалий оказывается открытым. Д. Л. Болинджер [28, с. 18] выделил только «вопросительные и отрицательные высказывания и приказы». Однако очень широко распространены также восклицательные и уступительные высказывания⁶. Поскольку речь идет об «универсалиях», которые не выводятся дедуктивно непосредственно из определения языка, их существование должно контролироваться как можно большим количеством языков. Это осуществляется на основе процедур «обобщений», хотя в принципе существование прагматических универсалий должно быть установлено дедуктивным путем (ср. предыдущий раздел).

Ю. Хабермас, разрабатывая теорию коммуникативной компетенции, заимствует у Остина систему речевых актов (speech acts), выделяя четыре основных их класса. Речевым актам он предпосылает перечень языковых компонентов, которым приписывает значимость прагматических универсалий в качестве общих структур речевой ситуации: личные местоимения, вокативы, формулы вежливости, если они относятся к участникам акта коммуникации; дейктические выражения с временным и пространственным значением (демонстративы, местоимения, временные и, возможно, модальные категории глагола), если они относятся к моменту речи, месту и обстановке производства и восприятия сообщения; перформативные глаголы (в вопросительном и повелительном высказываниях, в косвенной речи), когда они соотносятся с выражением как таковым; интенциональные и некоторые модальные глаголы, соотносящиеся с намерениями и с позицией говорящего [29, с. 72 и сл.].

Со строго лингвистической точки зрения речь идет об очень разнородных элементах, отнесение которых к той или иной категории оказывается часто затруднительным (ср., например, личные «местоимения» японского языка, которые одновременно являются формулами вежливости) и присутствие которых в каждом языке еще надо доказать. При рассмотрении подобного рода универсалий возникает прежде всего проблема, нужно ли говорить о них в терминах грамматических категорий или, наоборот, в терминах коммуникативной целенаправленности (а именно: как о когнитивно-поведенческих функциях), которым могут соответствовать совершенно различные грамматические категории.

4. Третий тип универсалий, следующий за дефиниционными и психолингвистическими универсалиями, представлен, как было упомянуто выше, универсалиями субъективного порядка.

Имеются в виду решения формального характера, которые лингвист принимает в соответствии с задачами своего анализа и которые слишком часто смешиваются с самой языковой реальностью. Косериу [6, с. 58] приводит яркий пример такого подхода: «если в случае языка, обладающего только двумя гласными и постоянной слоговой структурой типа CV, из соображений экономии описания принимается решение рассматривать гласные в качестве дифференциальных признаков согласных, это решение носит формальный характер, которое касается описания, а не самого описываемого языка».

То же можно сказать о тезисе, отстаиваемом Бахом [30] и обсуждаемом также Косериу [6, с. 60 и сл.]. Согласно этому тезису любое существитель-

⁶ Другой случай представляет придаточное относительное, также широко распространенное, поскольку здесь речь идет скорее о синтаксической процедуре (имеющей целью соотнести фразу с элементом другой фразы), чем о прагматической целесообразности. Ср., например, частую замену относительного подчинения сочинением в разговорном языке: итал. *Ti ho dato un libro la settimana passata. L'hai letto?* «Я тебе дал книгу на прошлой неделе. Ты ее прочел?» вместо *Hai letto il libro che ti ho dato la settimana passata?* «Ты прочитал книгу, которую я тебе давал на прошлой неделе?».

ное является производным от относительного придаточного предложения в результате применения операции трансформации: англ. *An Eskimo* ← ← *Someone who is an Eskimo* «эскимос ← некто, кто является эскимосом»; отсюда следует, что традиционные «части речи» являются результатом процесса трансформации. Подобное объяснение хорошо подходит в наиболее известных нам языках для так называемых *nomina adjecta*: ср., например, итал. *scassinatore* «взломщик» или *pacifista* «пацифист». Если прибегнуть к оператору λ , предложенному Карнапом⁷, эти имена могут рассматриваться как трансформации относительных придаточных, описывающих что-либо (*uno che scassina* → *scassina tore* «некто, кто взламывает → → взломщик»; *uno che è pacifico/ama la pace* → *pacifista* «некто, кто миролюбив/любит мир → пацифист»). Некоторым языкам известно эксплицитное выражение «оператора λ »; ср. абсолютивный суффикс в языке кауилла (уто-ацтекская группа): *huy-* «заострять», *huy-a* «заострение», *huy-a-l* с абсолютивным суффиксом *-l*, который обозначает «воздействие на объект» («то, что заострено» → «стрела») при явном ограничении и специализации значения, поскольку каждая стрела остроконечная, но не каждый остроконечный предмет является стрелой [33]. Обычно существительные языка кауилла хорошо описываются в виде трансформаций *камень* — это, собственно говоря, «то, что стало твердым»; *корзина* — это «то, что было сплетено» и т. д. Ср. в языке кауилла: *hé-at* («(есть) корзина» с абсолютивным суффиксом *(-a)t* («оператор λ ») vs. *ne-néh-'a* «моя корзина», где *ne-* является префиксом, указывающим на лицо в именах и глаголах (*-néh-*, а не *-né-*, поскольку выражение здесь не абсолютно, а относительно в том смысле, что оно отнесено к конкретному лицу) [34]. Эти примеры показывают, что в некоторых языках подобный тип трансформаций применим не только к *nomina adjecta*, но и к *nomina rerum*, вроде *камень*, *корзина* и т. д. Но это имеет силу, конечно, только для тех языков, в которых есть операция номинализации (ср. формы с деривационными суффиксами во флективных языках, например, итал. *-tore*, *-ista*, русск. *-о*, в классическом греческом имена среднего рода на *-es/-os* типа *génos* «род», *pseúdos* «ложь», *páthos* «страсть» и т. д., соотносимые с глаголами *gígnomai*, *pseúdomai*, *páscho* и т. д.; по существу мы имеем здесь дело с той же операцией, в результате которой в языке кауилла получается *q'aw-iš* «камень» из *q'aw* «твердеть»). Но эта процедура не применима, по крайней мере, в синхронном плане, к немотивированным именам, превратившимся в «ярлыки» (*etichettati*). Поскольку в огромном количестве языков широко используется процедура превращения имен в «ярлыки», можно сделать вывод о том, что дескриптивная процедура может быть применена к анализу любого существительного только на уровне металингвистической формализации.

Таким образом, в этом случае мы имеем дело с методологическими и универсалиями. По существу к этому типу универсалий относится фундаментальное правило трансформативной грамматики $F \rightarrow SN SV$, хотя исследователи очень часто не отдают себе отчета в той разнице, которая существует между символическим представлением как своего рода метаязыком [35, с. 145], в терминах которого могут быть выражены структуры какого-либо языка, и самими структурами, как они существуют в действительности. Очевидно, что методологические универсалии вовсе не «повисают в воздухе», не лишены оснований. Э. Сепир, намечая в некотором роде программу будущих исследований, выражал надежду, что после окончания кропотливого труда над созданием исторических и описательных грамматик различных языков окажется возможным выделить

⁷ Оператор λ для Карнапа [31] является символом, посредством которого свойство, выражаемое в языке *L* с помощью фразы, трансформируется в *PRED*; это средство построения *PRED*:

(i) Px	$v Qx$	(« <i>x</i> есть <i>P</i> или <i>Q</i> »)
(ii) $(\lambda x)(Px \ v Qx)u$		(« <i>u</i> обладает свойством второй степени <i>Px</i> или <i>Qx</i> »); ср. [2, с. 48 и сл.; 32, с. 66].

О различии в языковом плане между описательными фразами и номинациями, которые обнаруживают ограничение значения [см. 3, с. 51].

фундаментальные структуры, интуитивное ощущение которых у нас возникает, когда мы сравниваем языки, «которые обладают одной и той же неуловимой формальной атмосферой» [36]. Много лет спустя, в 1952 г., подобная программа была намечена уже более конкретно Бенвенистом, который ставил задачу «...прийти к совокупности определений, относящихся, с одной стороны, к элементам структуры, с другой, к связям между ними [...]». Далее он писал: «Для адекватной формулировки определений придется прибегнуть к логическим процедурам, которые, по-видимому, являются единственно соответствующими требованиям строгого метода... Ничто не запрещает думать, если продолжить подобный ход мыслей, что лингвисты смогут тогда обнаружить в языковых структурах законы трансформации, подобные тем, которые в операционных схемах символической логики позволяют переходить от одной структуры к другой, производной, и определить постоянные отношения между ними» [37, с. 115, 118].

В то же время Сэпир, Бенвенист и Успенский являются достаточно тонкими исследователями, чтобы не замечать опасности логических умозаключений, обращенных на самих себя в своей строгости; у всех них заметно более или менее эксплицитно выраженное стремление учитывать конкретный лингвистический опыт. Этот опыт привлекается не для подтверждения теоретической модели, которая именно в силу своей теоретической природы может быть избрана произвольно, а для того, чтобы избежать траты сил на построение моделей, которые впоследствии оказываются неадекватными той цели, для которой они были созданы. Этой целью есть и всегда будет понимание объективной реальности.

Было бы крайне неэкономично при анализе такого конкретного объекта, как язык, исходить из неправдоподобных категорий. Проблема, следовательно, заключается в адекватности теоретической модели; она должна решаться в рамках теории «отражения» [25, с. 17]. Определение категорий универсалий, прежде всего методологических, которое в принципе является произвольным, как и любая деятельность по созданию определений, на практике оказывается связанным с объектом исследования. В этом смысле даже самые абстрактные дефиниции должны коррелировать с определяемым объектом: «...лингвистические универсалии представляют собой одновременно продукт абстрагирующего логического мышления в форме научных определений и определенного порядка реальности» [9, с. 549]. И в этой перспективе типология, понимаемая как изучение конкретных объектов, может (и должна) сделать значительный вклад в определение универсалий.

Категория наречия, например, может быть определена как элемент, относящийся к фразе в целом и не имеющий валентных связей ни с каким компонентом ее. Наречия, действительно, большей частью характеризуют не отдельный член предложения, а все предложение в целом [7, с. 256]. Это определение описывает логически возможную категорию, основанную на универсальности таких семантических классов, как модальность, темпоральность/аспектуальность высказывания. Как таковое оно может претендовать на универсальную значимость. Этим мы не хотим сказать, что морфологическая категория наречия в традиционном, (индо-)европоцентристском смысле должна обязательно присутствовать во всех языках, хотя элементы других морфологических категорий, действительно присутствующих в том или ином языке (например, падежные окончания, абсолютные конструкции и т. д.), посредством абстрактной формализации могут быть сведены к этой универсальной дефиниционной категории.

Задачей типологии является изучение способов, какими данная универсалия реализуется в тех или иных исторических языках, после того как конкретный (в том числе и типологический) анализ показал полезность использования подобной дефиниционной категории, ее экономность и практичность.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Ramat P.* *Linguistica tipologia.* Bologna, 1984.
2. *Comrie B. C.* *Language universals and linguistic typology.* Oxford, 1981.
3. *Materials for the DFG International Conference on language universals held at Gummertsbach.* October, 4—8, 1976.— In: *Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts*, 1976, 26.
4. *Hempel C. G.* *The theoreticians' dilemma.* Minnesota, 1958.
5. *Universal semantics and philosophy.*— In: *Substance and structure of language.* Ed. by Puhvel J. Berkeley, 1969.
6. *Coseriu E.* *Les universaux linguistiques (et les autres).*— In: *Proceedings of the XI International Congress of linguists.* Bucarest, 1974.
7. *Kaznelson S. D.* *Sprachtypologie und Sprachdenken.* Berlin, 1974.
8. *Vardul I. F.* *Il concetto di universale nella tipologia linguistica.*— In: *La linguistica: testi e problemi.* A cura di Heilmann L., Rigotti E. Bologna, 1975.
9. *Ruggiero G. R.* *Gli universali linguistici.*— *LeSt*, 1978, 13.
10. *Колшанский Г. В.* *Проблема универсалий языка.*— В кн.: *Общее языкознание. Внутренняя структура языка.* М., 1972.
11. *Parret H.* *A note on pragmatic universals of language.*— In: *Language universals. Papers from the Conference held at Gummertsbach/Cologne...* Ed. by Seiler H. Tübingen, 1978.
12. *Keenan E.* *Logical semantics and universals grammar.*— *Theoretical linguistics*, 1978, 5.
13. *Keenan E.* *The syntax of subject-final languages.*— In: *Syntactic typology.* Ed. by Lehmann W. P. Austin — London, 1978.
14. *Mallinson Gr. M., Blake B. J.* *Language typology. Cross-linguistic studies in syntax.* Amsterdam — Oxford, 1981.
15. *Antinucci Fr.* *Fondamenti di una tipologia del linguaggio.* Bologna, 1977.
16. *Hagège Cl.* *La structure des langues.* Paris, 1982.
17. *Kuno S.* *Natural explanations for some syntactic universals.*— In: *Report NSF-28 to the National Science Foundation.* Cambridge (Mass.), 1972.
18. *Bever Th. G., Katz J. J., Langendoen D. T.* *An integrated theory of linguistic ability.* New York, 1976.
19. *Antinucci Fr., Duranti A., Gebert I.* *Relative clause structure, relative clause perception and the change from SOV to SVO.*— *Cognition*, 1979, 7.
20. *Deegener G.* *Neuropsychologie und Hemisphärenanzbeziehungen zwischen Handigkeit, Sprache und funktionaler Hemisphärenasymetrie.* Stuttgart, 1978.
21. *McNeill D.* *The aquisition of language. The study of developmental psycholinguistics.* New York, 1970.
22. *Gazzaniga M. S.* *The bisected brain.* New York, 1970.
23. *Lehmann W. P.* *Über konvergierende Theorien der Sprachanalyse.*— *Sprache der Gegenwart*, 1972, Bd. XXVI: *Gesprochene Sprache.*
24. *Mayerthaler W.* *Ikonismus in der Morphologie.*— *Zeitschrift für Semiotik*, 1980, 2.
25. *Ramat P.* *Historische und synchrone Sprachwissenschaft.*— *FLH*, 1982, 3.
26. *Lightfoot D.* *Principles of diachronic syntax.* Cambridge, 1979.
27. *Hoenigswald H. M.* *Are there universals of linguistic change?*— In: *Universals of language.* Ed. by Greenley J. Cambridge (Mass.), 1966.
28. *Bolinger D. L.* *Aspects of language.* New York, 1968.
29. *Habermas J.* *Osservazioni propedeutiche per una teoria della competenza comunicativa.*— In: *Habermas J., Lehmann N.* *Teoria della società o tecnologia social.* Milano, 1973.
30. *Bach E.* *Nouns and noun phrases.*— In: *Universals in linguistic theory.* Ed. by Bach E., Harms R. T. New York, 1968.
31. *Carnap R.* *Einführung in die symbolische Logik mit besonderer Berücksichtigung ihrer Anwendungen.* 3. Aufl. Wien — New York, 1968.
32. *Bohm H. van den.* *Zum Verhältnis von Logik und Grammatik am Beispiel des neuinterpretierten λ -operator.*— In: *Linguistic workshop.* Ed. by Seiler H. III. München, 1975.
33. *Seiler H.* *Objectives and questions.*— In: *Arbeiten des Kölner Universalien-Projekts*, 1976, № 26.
34. *Seiler H.* *Die Prinzipien der deskriptiven und etikettierenden Benennung.*— In: *Linguistic workshop.* III. München, 1975.
35. *Uspensky B.* *Principles of structural typology.* The Hague — Paris, 1968.
36. *Sapir E.* *Language. An introduction to the study of speech.* New York, 1921.
37. *Benveniste E.* *Problèmes de linguistique générale.* Paris, 1966.

АБАЕВ В. И.

Parerga 2

**ЯЗЫКОЗНАНИЕ ОПИСАТЕЛЬНОЕ И ОБЪЯСНИТЕЛЬНОЕ
о классификации наук**

Классификация наук подчинена простому, давно сформулированному тезису: порядок и связь идей — те же, что порядок и связь вещей. Это значит, что классификация наук должна отражать классификацию объектов, которые составляют предмет научного познания. Предметом же научного познания являются природа, с одной стороны, и человек и человеческое общество, с другой. Отсюда две группы наук: естественные и общественные, или гуманитарные (последние называли и называют иногда также «антропологическими»).

Это деление так же старо, как сама наука. «Уже в древности китайские мыслители ясно различали в рамках своих философских учений область явлений, связанных с природой, с внешним миром, и явлений, связанных с человеком и трактуемых с позиций морально-этических принципов» [1].

Античная философия также отчетливо различала мир природы и мир человека. Знания о первом обобщались под названием «физики», знания о втором — под названием «этики».

Детальную классификацию всех научных знаний своего времени пытался дать Д'Аламбер во Введении к знаменитой французской «Энциклопедии» [2]. Он также четко отличает науку о человеке от науки о природе. В науку о человеке входят, по Д'Аламберу, психология, логика и лингвистика, мораль и этика.

Представители позитивистской философии О. Конт (1798—1857), Г. Спенсер (1820—1903) и их последователи область гуманитарных знаний объединяют под рубриками «социологии» и «психологии».

Таким образом, разделение наук на две группы, естественные и гуманитарные, никогда в сущности не было дискуссионной проблемой на протяжении всей истории научного познания. Дискуссионными были два вопроса: 1) в чем специфика каждой группы, 2) как они между собой соотносятся. Наряду с тенденцией сблизить обе группы наук, вскрывая общие закономерности, управляющие как миром природы, так и миром человека (в системах Конта, Спенсера и других мыслителей), наметилась противоположная тенденция: отделить гуманитарные науки от естественных непроходимой пропастью. Эта последняя тенденция нашла свое крайнее выражение в трудах неокантианских философов Г. Риккерта (1863—1936) и В. Виндельбанда (1848—1913). Науки о природе (Naturwissenschaften) и науки о культуре (Kulturwissenschaften) принципиально различны по своим задачам и методам. Первые стремятся установить общие законы. Поэтому они называются «генерализующими» или «номотетическими». Вторые рассматривают каждый феномен человеческой истории и культуры как нечто уникальное и неповторимое, подлежащее характеристике в терминах учения о «ценностях», об истине, добре и красоте. Поэтому эти науки называются «индивидуализирующими» или «индиографическими» [3—5] ¹.

¹ Именно на неокантианском «индивидуализирующем» подходе к отдельным культурам зиждутся в конечном счете исторические концепции немецкого философа О. Шпенглера (1880—1936) и английского историка А. Тойнби (1889—1975). Философия истории первого изложена в книге «Untergang des Abendlandes» (Bd. 1—2, 1918—1922), второго в многотомном труде «A study of history» (v. 1—12, 1934—1961).

Риккерт и Виндельбанд вышли из Канта. Маркс и Энгельс — из Гегеля. Но в то время как первые углубили идеалистическую сторону философии Канта, вторые совершили нечто диаметрально противоположное: они совлекли с философии Гегеля ее идеалистическую оболочку и раскрыли под ней рациональное ядро: законы диалектики, в равной мере управляющие миром природы и миром человека и человеческого общества. Мировой процесс — это не движение «духа», как считал Гегель, а движение материи, и это применимо как к природе, так и к обществу. В Послесловии ко второму немецкому изданию первого тома «Капитала» Маркс писал: «Мой диалектический метод по своей основе не только отличен от гегелевского, но является его прямой противоположностью. Для Гегеля процесс мышления, который он превращает даже под именем идеи в самостоятельный субъект, есть демиург действительного, которое составляет лишь его внешнее проявление. У меня же, наоборот, идеальное есть не что иное, как материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [6]. Но раз так, то «ценности», которые по Виндельбанду и Риккерту составляют предмет и содержание гуманитарных наук, лишь в головах людей становятся «идеальными». Корни у них — материальные. Стало быть, к классификации гуманитарных наук применимы те же принципы, что к классификации естественных. Одним из важнейших принципов, общих для тех и других, является деление наук на описательные и объяснительные.

Такое деление по видимости совпадает с делением наук на описательные (эмпирические, конкретные) и теоретические (абстрактные). Это деление мы находим уже у Канта. Но Кант считал, что всякая наука, в том числе и теоретическая, может отвечать только на вопрос «как?», а не «почему?». Эта агностическая позиция характерна для позитивизма, как классического, так и неопозитивизма. Вопросы «что?» и «как?» относятся оба к сфере описательной науки. Абстракция — важный шаг в работе познающего разума, но сама по себе она — не объяснение. Объяснительная наука призвана отвечать на вопрос «почему?», т. е. раскрывать с возможной глубиной причинные связи. Человеческий разум никогда не довольствуется наблюдением и описанием окружающих явлений. Он ищет им объяснения. Для объяснительной науки характерна постановка вопроса о происхождении и изучаемого круга явлений или объектов. Агностицизм чужд объяснительной науке и несовместим с нею.

Представляется очевидным, что в любой науке описание предшествует объяснению. При этом наименование той или иной описательной науки переносится и на соответствующую объяснительную науку, хотя это — принципиально разные вещи. В результате названия наук, которые мы употребляем, не отражают четко деления наук на описательные и объяснительные. У европейских народов они формировались отчасти стихийно, на основе античной — в основном греческой — традиции². И многие названия, которые возникли, когда данная наука не поднялась еще на уровень объяснительной, недифференцированно применяются к обоим «жанрам», описательному и объяснительному. Уже античная философская мысль сделала шаг к упорядочению номенклатуры наук путем противопоставления названия на *-графия* (*гео-графия* и пр.) наукам на *-логия* (*гео-логия* и пр.). Первые указывают на описательность, вторые — на объяснительность или во всяком случае на известный теоретический уровень. Но это различие проводилось и проводится далеко не последовательно, и один и тот же «диффузный» термин применяется и к описательной и к объяснительной науке. Такая терминологическая нечеткость дает себя знать как в естественных науках, так еще в большей степени в науках гуманитарных.

Описательные и объяснительные науки в естествознании

Науку о небесных светилах древние греки называли *астрологией* (Аристотель и др.) и *астрономией* (Платон и др.). Первое название впослед-

² Некоторые названия (например, *алгебра*) идут из арабского.

ствии закрепились за псевдонаучным гаданием по планетам и звездам. Термин же *астрономия* по традиции применялся и применяется безразлично к любому аспекту познания космоса как в описательном, так и объяснительном плане. На деле же можно говорить уже о двух разных областях астрономической науки: космографии (описание) и астрофизике (объяснительная наука).

В науках о Земле больше терминологической четкости. География — наука описательная. Геология, поскольку она занимается не только строением, но и происхождением и историей нашей планеты, наука объяснительная. Как ярко выраженная объяснительная наука геология выступила в XIX в. в теории катастроф Кювье и в теории постепенных изменений Лайеля.

Физика у Аристотеля означает науку о природе. Сейчас это термин слишком общий, диффузный. Общей шапкой «физика» покрывается как описание физических явлений, так и их объяснение. Атомная и ядерная физика подняла эту науку на принципиально новый уровень объяснительного познания. Эту, в сущности новую науку можно было бы назвать «энергологией», наукой об энергии и ее преобразованиях. В прикладной области ей соответствует *энергетика*. Ср. ниже соотношение *фонетики* и *фонологии*, а также такие пары, как *техника* и *технология*, *психика* и *психология*, *политика* и *политология*.

В науке о жизни нет особых номенклатурных неясностей. Ботаника и зоология в основном — науки описательные, биология — наука объяснительная. Вершиной биологии как объяснительной науки стала в XIX в. эволюционная теория Дарвина. Новейшие исследования на клеточном и молекулярном уровне неизмеримо углубили проблематику биологии и породили новую науку — генетику.

Строение и функции живых организмов изучаются описательными науками, анатомией и морфологией и объяснительной наукой физиологией.

Таким образом, через все естествознание проходит деление наук на описательные и объяснительные, хотя названия наук не всегда точно и адекватно отражают это фундаментальное различие.

Описательные и объяснительные гуманитарные науки

Все, что происходит в мире человеческом, так же требует объяснения, как все, происходящее в мире природы. Поэтому в системе гуманитарных наук наряду с описательными существуют науки объяснительные. К сожалению, традиционная номенклатура наук здесь еще менее дифференцирована, чем в естественных. Взять термин *история*. В древнегреческом его основное значение было «сведения, полученные путем расспросов» (*ιστορέω* «расспрашиваю»). Отсюда вообще «сведения, значения», в частности «знания о прошлых событиях», «история». Но ни обобщения, ни объяснения не входили в задачу истории. Напротив, Аристотель подчеркивает, что история говорит только о единичном (*ἡ ἱστορία τὰ καθ' ἕκαστον λέγει*).

Первый, кто пытался поднять историю на уровень объяснительной науки, был итальянский мыслитель Джованни Баттиста Вико (1669—1744). Он рассматривал исторический процесс не как беспорядочную смену отдельных событий, а как подчиненный определенным законам круговорот с периодически повторяющимися стадиями [7]. Исследования такого рода принято называть «философией истории». Поскольку описательный уровень исторической науки зовется историографией, почему бы объяснительный уровень не наименовать *историологией*? *Историологией* *par excellence* является исторический материализм Маркса и Энгельса. Согласно этому учению, исторический процесс определяется и направляется единым доминирующим фактором: развитием производительных сил и производственных отношений. Блестящее изложение этой теории дал Г. В. Плеханов (1856—1918) [8].

Весьма нечетким является термин *социология*. Реально существуют две разные науки: наука, описывающая социальные структуры, и наука, объясняющая их в генезисе и развитии.

Больше повезло в смысле номенклатуры науке народоведения. Здесь мы имеем два уровня исследования — описательный и объяснительный и соответственно два термина: *этнография* и *этнология*. Они в принципе должны соотноситься так же, как *география* и *геология* в естествознании.

Крайне расплывчат и многозначен термин *психология*. Объясняется это не только тем, что предмет этой науки — *ψυχή* «душа» — вещь достаточно расплывчатая, но и общей нечеткостью и недифференцированностью научной номенклатуры в гуманитарной сфере. Несомненно, однако, что и здесь существует две науки; одна, которая описывает психические явления, и другая, которая их объясняет или пытается объяснить. Зачатки объяснительной психологии мы находим уже у античных мыслителей (Аристотель). Но расцвет этой науки относится к новому времени, когда возникает целый ряд психологических теорий, направленных на правильное объяснение психических феноменов: ассоциативная психология, сенсуализм, *Gestaltpsychologie*, учение о рефlekсах, психоанализ, бихевиоризм и др.

Все эти теории имеют прямое отношение и к лингвистике, поскольку проблема «язык и сознание», «язык и мышление» — одна из фундаментальных в объяснительном языкознании.

Что такое объяснительное языкознание

Мы видели, что содержанием научного знания, будь то в естественных науках, будь то в гуманитарных, является, с одной стороны, опыт, наблюдение и описание, с другой, выяснение генезиса и причинных связей. Потребность доискиваться до происхождения и первопричин везде и всегда лежит в природе человеческого разума, и никакие искусственные агностические барьеры не могут остановить его на этом пути.

Объяснительная наука — это наука высшего класса. Чтобы подняться на этот уровень, объяснительное языкознание должно прежде всего осознать себя, свою специфику, свои задачи, свое коренное отличие от описательной науки. Речь идет о двух разных науках, как разными науками являются география и геология. Их можно было бы назвать «глотографией» и «глоттологией».

Нет ничего общего между соотношением «описательный» — «объяснительный» и «синхронный» — «диахронный». Диахронное (историческое) исследование может оставаться чисто описательным, т. е. описывать разные хронологические этапы или срезы. Историческая география остается географией, т. е. наукой описательной. Она не превращается в геологию. Верно, что историзм — обязательный признак объяснительной науки, но историзм историзму — рознь. Объяснительная наука призвана не просто описать разные хронологические состояния, но вскрыть механизм причинных связей и движущих сил, породивших эти состояния.

Проблематика объяснительного языкознания ясна: возникновение и формирование человеческой речи, движущие силы и этапы ее развития, генезис лексики и грамматики, язык как идеология и как техника, распределение языковых типов во времени и пространстве. Эти проблемы ставились в романтический период истории языкознания в первой половине XIX в. в трудах В. Гумбольдта, Я. Гримма, А. Шлейхера. Но они затухли в младограмматической школе, где на первый план выступил формальный анализ³. Формализация языкознания достигла предела в структурализме. Как в истории организмов возникают виды, не способные к дальнейшему развитию, так в истории любой науки могут возникнуть направления, которые ведут в тупик. Таким тупиковым направлением в языкознании являлся структурализм. Таким же направлением была формалистическая школа в советском литературоведении 20-х годов (Эйхенбаум, Шкловский и др.). Эта школа утверждала, что литературное произведение надо рассматривать как явление «в себе и для себя» и разби-

³ Парижское лингвистическое общество в своем уставе даже наложило вето на постановку вопроса о происхождении языка.

рать и оценивать исключительно в терминах его формальных композиционных и выразительных средств в полном отвлечении от всяких социальных, политических и идейных реальностей. Писатель — это не представитель своего общества и своей эпохи, а набор формальных литературных приемов. Задача литературоведа — выявить эти приемы. Изобранные по видимости, но примитивные по существу, формалистические упражнения представителей этой школы выдавались за вершину литературоведения. Но они мало помогали познанию литературного процесса как общественного и культурного явления. Так же точно обстоит дело со структуральным формализмом в языкознании. Языкознание и литературоведение — это два раздела одной большой науки, науки о Человеке. Формализация этих наук равносильна их дегуманизации. Почему? Да просто потому, что человек заложен в с о д е р ж а т е л ь н о й стороне языка и литературы, а не формальной.

Структурализм в языкознании — родной брат формализма в литературоведении.

Тезис Соссюра «язык надо изучать в себе и для себя» применим только к описательному, но не объяснительному языкознанию. Язык сам себя описывает, но он сам себя не объясняет. Чтобы его объяснить, надо выйти за его пределы. И это является законом для всех объяснительных наук без исключения. В любой науке переход от описательной стадии к объяснительной неотвратимо связан с вовлечением в свою орбиту данных тех или иных смежных наук. Как только астрономия перешла от описания к объяснению космического мира, она сомкнулась с физикой (астрофизика). Геология как объяснительная наука обязательно включает биохимию и биофизику. Биология — биохимию и молекулярную биологию. Физиология как объяснительная наука немыслима без органической химии⁴. Не иначе обстоит дело в гуманитарных науках. История смыкается с этногенетикой, социологией и экономикой, социология с этнографией и т. д.

Совершенно так же перед объяснительным языкознанием встают межнаучные проблемы, которых не знает языкознание описательное. Главные из этих проблем следующие: происхождение языка; язык и мышление; язык и объективная действительность; язык и общество; язык и история; язык и материальная и духовная культура.

Объяснительным можно назвать только такое исследование явлений языка, которое имеет выход к перечисленным выше фундаментальным проблемам или к некоторым из них. А каждый такой выход — это выход в смежные науки: антропологию, философию, психологию, социологию, историю (включая археологию), культурологию, фольклористику, литературоведение. Такой широкий охват смежных дисциплин не должен удивлять. Язык — явление уникальное по своей универсальности, поэтому так необъятно широки и универсальны его связи со всем тем, что называют «экстралингвистическим» миром.

Мы уже отмечали, что в языкознании, как и в некоторых других областях знания, нет ясного осознания, что речь идет в сущности о двух р а з н ы х науках, описательной и объяснительной, традиционно носящих одно общее название. Любопытно, однако, что в некоторых разделах лингвистики наступило четкое размежевание. Рядом с фонетикой, наукой описательной, имеем фонологию, науку объяснительную. Рядом с лексикографией — историческую лексикологию и этимологию.

Фонетика и фонология

Когда П. К. Услар в 70-е годы прошлого века приступил к своей пионерской работе по изучению кавказских языков, он был на первых порах озадачен необычной для европейского слуха сложностью их звукового

⁴ Даже в описательных науках при всякой попытке внести объяснительные элементы приходится «заглядывать» в другие науки. Об одном из создателей научной ботаники Деканделе (1778—1841) энциклопедический словарь Meyer'a сообщает: «Er bemühte sich die Botanik mit der Chemie und Physik in Verbindung zu bringen».

состава. Качество и количество звуков и их оттенков не поддавались, казалось, никакой систематизации. Но скоро он заметил, что для самих говорящих важны (как теперь говорят, «релевантны») не все различия между звуками, а только некоторые. Какие же именно? Те, которые позволяют отличать одно слово от другого, одну морфему от другой. Это простое открытие можно считать началом новой науки в рамках языкознания: фонологии. Фонетика изучает звуковой состав языка «со стороны», по его акустическим и артикуляционным характеристикам. Фонология — «изнутри», с позиций говорящего коллектива. Чтобы установить систему звуков абхазского, чеченского, аварского языков, Услару приходилось как бы «перевоплощаться» в абхаза, чеченца, аварца. Только в результате такого «перевоплощения» кажущийся хаос звуков речи превращался в стройную систему фонем как противостоящих друг другу смысловоразличительных единиц.

Дальнейшее развитие фонологической науки связано с именами И. А. Бодуэна де Куртене, Л. В. Щербы, Н. Ф. Яковлева, Н. С. Трубецкого и многих других исследователей. К сожалению, вокруг первоначальной простой истины было накручено много хитроумных домыслов, только затемнявших суть дела. История учения о фонеме может служить прекрасной иллюстрацией к афоризму: одни ученые распутывают сложное, другие запутывают простое. Простое же заключается в том, что фонологический состав языка представляет социально отработанным в истории говорящего коллектива систему фонемных оппозиций, находящихся целиком на службе семантики. А это значит, что фонема — категория одновременно социолингвистическая и психолингвистическая. Имея выход к проблемам «язык и общество» и «язык и мышление», фонология обладает чертами объяснительной науки, в отличие от фонетики, которая занимается простым описанием звуков речи по их акустическим и артикуляционным признакам.

Лексикография и этимология

Нет надобности доказывать, что лексикография относится к этимологии, как описательная наука к объяснительной. Задача лексикографии — регистрация, систематизация и описание лексики. Этимология занимается ее происхождением и историей. Но история лексики неотделима от истории народа. Еще один из родоначальников сравнительно-исторического языкознания Якоб Гримм говорил, что наш язык есть также наша история.

В отличие от исторической лексикологии, которая ограничивается обычно регистрацией слов в письменных памятниках разных эпох, этимология, опираясь на метод сравнительной и внутренней реконструкции, вторгается в глубокую древность, стремится доискаться, как звучали слова и что они значили задолго до появления письменности. И тут она оказывается лицом к лицу с проблемой этногенеза. Что такое этимологический словарь? Это — самый глубинный вариант исторического словаря. Что такое этногенез? Это — самый глубинный аспект истории народа. На уровне этой глубины этимология и этногенез сближаются и протягивают друг другу руки: этимология помогает в решении этногенетических проблем, а этногенетические исследования, проводимые на основе экстралингвистических (археологических, этнологических, антропологических, исторических) данных, дают нужное направление этимологическим поискам.

Но эта чудная наука, называемая этимологией, помогает решать не только этногенетические вопросы. Мир слов — это весь исторический опыт нации, и в идеале этимологический словарь — окно, открытое в широкий мир истории народа, его генетических связей и ареальных контактов с другими народами, в мир реалий его материальной и духовной культуры, в мир культурных взаимодействий и взаимовлияний между народами.

Типология описательная и объяснительная

Типология определяется как «метод научного познания, в основе которого лежит расчленение систем объектов и их группировка с помощью обобщенной, идеализированной модели или типа» [9]. Первый шаг — распознавание и выделение признаков, характерных для данного класса объектов в отличие от других классов. В дальнейшем следует описать и систематизировать взятые за ориентир типологические признаки и этим ограничиться. Но можно пойти еще дальше и попытаться объяснить, почему типология данного класса объектов такая, а не другая. Возможны, стало быть, два вида типологических исследований: описательный и объяснительный. К примеру, если мы в одних языках имеем особую форму падежа прямого объекта («винительного»), а в других она отсутствует, то можно либо ограничиться констатацией этого факта, либо попытаться выяснить, чем вызвано и как возникло это различие.

В истории научного языкознания с самого его создания делались опыты типологической классификации языков как в описательном, так и объяснительном плане, хотя не всегда ясно сознавалось их взаимоотношение. В последние десятилетия интерес к языковой типологии заметно возрос. Достигнуты определенные успехи. В частности, выясняется необходимость размежевания двух указанных выше направлений типологических исследований, описательного (формального) и объяснительного (содержательно ориентированного, контенсивного) [10].

Предельная задача объяснительной типологии языка — соотнести определенные типы формальной структуры с определенными типами мышления, а через мышление — с определенными типами социального строя и культурного уровня.

Реализуема ли такая задача?

Н. Я. Марр, рассматривая язык как прямолинейно надстроечное явление, убедил себя, что такая задача разрешима. Он выдвинул теорию стадильности: язык с момента своего возникновения проходит ряд стадий, соответствующих стадиям развития общества. Попытка Марра закончилась полной неудачей. Почему? Стоит над этим задуматься.

Почему так трудно обосновать объяснительную типологию (стадильность)

Человеческая речь с самого ее возникновения обременена двумя функциями: познавательной и коммуникативной (включая экспрессивную). Познавательная функция реализуется в трех операциях: селекция (отбор актуального от неактуального), абстракция и классификация [11]. Структура каждой из этих операций в древнейший, донаучный период, хотя и включает элементы «чистого» знания, но зависит от уровня социального, хозяйственного и культурного развития и, стало быть, носит надстроечный характер. Человек познает мир не объективно, в его реальной сущности, а субъективно, сквозь призму своих социальных и хозяйственных интересов. Человек не просто познает объективную действительность, а «идеологизирует» ее. И здесь первобытная речь смыкается с первобытной мифологией и религией. В данном случае к языку применимы слова Ф. Энгельса (в письме к К. Шмидту): «Что же касается тех идеологических областей, которые еще выше парят в воздухе — религия, философия и т. д., — то у них имеется преисторическое содержание, находящее и перенимаемое историческим периодом...» [12]. Особенность языка в том, что заложенная в его преистории идеология усваивается в исторический период уже не как идеология, а как коммуникативная техника. Идеология, которая раньше была заложена в самом языке, в его лексической и грамматической структуре, теперь выражается с помощью языка, в развернутых определениях, суждениях, высказываниях [13, 14]. Вот этот-то процесс превращения идеологических структур в технические вынуждает с великим недоверием относиться ко всяким прямолинейным и упрощенным стадильным построениям. Если,

скажем, в морфосинтаксисе современного чеченского языка ясно выступают именные классы, а в современном английском языке их нет, это не значит, что у них принципиально разное (разностадийное) мышление. Это значит, во-первых, что чеченский был «застигнут» процессом технизации на более древнем уровне, нежели английский, и, во-вторых, историческая жизнь английского языка как техники была сложнее, интенсивнее, чем у чеченского. Кажется парадоксальным: чем сложнее история языка, тем проще его морфология. Но это так. Чем дальше от истоков реки и чем стремительнее ее течение, тем более обкатанной становится речная галька.

Что значит «язык был застигнут процессом технизации»? Это значит, что функция коммуникативной техники в нем решительно возобладала над идеологической, сведя последнюю к минимуму. Причем даже этот минимум актуален не для всей системы языка, но лишь для некоторых лексико-семантических явлений. В морфосинтаксисе идеология распознается лишь как пережиток. И то, что не мотивируется на т е х н и ч е с к о м уровне настоящего, получает мотивацию на идеологическом уровне прошлого.

Из сказанного не следует, что объяснительно-типологическая классификация языков вообще невозможна. Но она неизбежно окажется не идеологической классификацией исторически засвидетельствованных языков, а классификацией тех разных уровней их далекой п р е д ы с т о р и и, на которых они подверглись процессу технизации. А это значит, что объяснительная типология, — это проблема не синхронного и даже не исторического, а п р е д ы с т о р и ч е с к о г о палеонтологического языкознания. Структурно-типологические особенности любого современного языка приобретают о б ь я с н и т е л ь н о е значение только будучи проецированы в п р о ш л о е, на уровень их г е н е з и с а.

Совершенно иначе обстоит дело с описательной (формальной) типологией. Здесь возможны самые разные, синхронные и исторические классификации по самым различным формальным признакам. Познавательная ценность таких классификаций тем выше, чем «релевантнее» те признаки, которые положены в их основу.

Проблемы объяснительного языкознания

Чтобы определить свои задачи, объяснительное языкознание должно первым делом осознать себя, свою специфику, свое коренное отличие не только от описательного языкознания, но и от формально-теоретических обобщений. Обобщение — важный этап на пути научного познания. Но не всякое обобщение ведет к постижению сущности и первопричин. Формалистические упражнения в языкознании и литературоведении сливают «теорией языка», «теорией литературы», но в них нет ни грана объяснительного элемента. Формалистический подход — нечто диаметрально противоположное объяснительному. Принимая (или выдавая) форму за сущность, он не открывает, а заграждает путь к объяснению явлений.

Перед объяснительным языкознанием стоят большие задачи в разных направлениях и областях. Назовем некоторые из них.

1. Г л о т т о г е н е з. Следует реабилитировать проблему происхождения языка. На заре сравнительного языкознания, в романтический период его истории, корифей нашей науки не чууждался этой теме. Но потом, в младограмматической и так называемой «социологической» школе она была объявлена «ненаучной». А почему, собственно, ненаучная? Глоттогенез — один из аспектов антропогенеза. Другие его аспекты: социогенез (возникновение примитивных социальных организаций), техногенез (изготовление древнейших орудий труда и оружия), идеогенез (ранние формы идеологической надстройки, примитивные магические, мифологические и религиозные представления). Ни одна из этих тем не считается ненаучной и не находится под запретом. Этнолог и социолог стремятся возможно глубже проникнуть в образование таких человеческих общностей, как стадо, племя, род, семья. Археолог тщательно изу-

чает древнейшие орудия труда и оружие. Историк религии доискивается до самых ранних форм надстроечных представлений. Почему же только лингвист обязан наложить на себя обет молчания по проблемам происхождения языка? Потребность человеческого ума всегда и везде доходить до истоков слишком велика и естественна, чтобы можно было заглушить ее заклинаниями. Изучать всякое явление в его генезисе и развитии — это вполне марксистский принцип. И здесь марксизм смыкается с романтиками, а не с агностиками. Вероятно потому, что в самом марксизме есть романтическая струя. Инъекция известной дозы романтизма не повредила бы современному языкознанию, пораженному иссушающей болезнью формализма.

Верно то, что в рамках антропогенетических исследований приходится варьировать методику исследования. Лингвист, занимающийся происхождением языка, в отличие от археолога и этнолога, не может идти чисто индуктивным путем. Языки самых примитивных племен Австралии, Африки, Южной Америки не могут дать представления о начале речи. У каждого из этих языков за спиной тысячелетия технизации. Но, сочетая доступный индуктивный материал с некоторыми дедуктивными антропогенетическими и философскими идеями, можно построить вполне убедительную концепцию глоттогенеза⁵.

2. Фонология. Учение о фонеме как смыслоразличительной единице — важный шаг в плане объяснительной интерпретации фонетических явлений. Глубинный смысл этого учения состоит в том, что организующим и формирующим фактором фонологической системы любого языка является с е м а н т и к а, потребность семантических дифференциаций.

Но фонема несет еще одну функцию: с о ц и о р а з л и ч и т е л ь н у ю. Она служит и в особенности служила в прошлом опознавательным признаком языкового коллектива, отличавшим его от других, родственных коллективов. На уровне антропогенеза эта функция была главной. Раньше чем стать смыслоразличительной единицей, фонема была единицей социоразличительной.

Параллельно с этносоциальной консолидацией языковых коллективов шла консолидация и стабилизация их фонологических систем в их оппозиции друг к другу: р о ж д а л и с ь з в у к о в ы е з а к о н ы. Стало быть, в генезисе они имеют с о ц и а л ь н у ю природу. А это означает, что они не являются чем-то извечным, неизменным и неподвижным. Пока этноязыковые образования, входящие в данную языковую общность, более или менее аморфны, неустойчивы, нестабильны, распределение звуковых норм между ними характеризуется такой же неустойчивостью, нечеткостью. Намечаются лишь определенные, характерные для отдельных этно-языковых единиц фонетические т е н д е н ц и и, которые лишь постепенно стабилизируются и приобретают черты звуковых «законов». Наследием прежней нечеткой дистрибуции фонетических норм является любопытный феномен, который мы называем п е р е к р е с т н ы м и п з о г л о с с а м и [15]. Сущность этого феномена состоит в том, что ни в одном из родственных языков или диалектов установленные для них «звуковые законы» не выдерживаются сплошь, последовательно, по всему языковому материалу. Обязательны единичные вкрапления по фонетической норме того или иного родственного языка. Так, если брать индоевропейские языки, в языках группы «сатем» находим отдельные слова, оформленные по норме «кентум».

Объяснительная историческая фонетика постоянно должна считаться с явлением перекрестных изоглосс.

3. Лексика как система. Историческая лексикология, проследившая историю слов на разных этапах истории народа, остается наукой описательной. Объяснительное языкознание заинтересовано прежде всего в изучении лексики как с и с т е м ы. Системообразующим фак-

⁵ Высказанные мною в свое время соображения по этому вопросу [11] заинтересовали китайских коллег, и статья моя была переведена на китайский язык [в журнале «Говай юйянь сюэ» («Изучение языков за рубежом»), Пекин, 1980, № 1].

тором в формировании лексики является сознание общественного человека в его взаимодействии с миром, с объективной действительностью.

Освоение человеком объективной действительности включает три операции: 1) с е л е к ц и ю, вовлечение в сферу сознания тех элементов, предметов и явлений, которые актуальны при данном состоянии общества, и закрепление этих элементов в памяти; 2) а б с т р а к ц и ю, включение каждого осознанного феномена в какой-либо обобщающий концепт; 3) к л а с с и ф и к а ц и ю: группировку осознанных феноменов по тем или иным классификационным признакам [11].

На разных этапах развития общества каждая из этих операций имела свои особенности, свой особый тип: человек по-разному отбирал и отделял «нужное» от «ненужного», по-разному абстрагировал, по-разному классифицировал. Стало быть, структура лексики как системы все время менялась и меняется в зависимости как от природно-географической среды, так и, в особенности, от уровня хозяйственного и социального развития. Изучение этих меняющихся лексических структур, начиная от зарождения звуковой речи и до настоящего времени, логически приводит нас к проблеме лексико-семантической типологии, к выявлению разных типов состава и организации лексического материала в зависимости от среды обитания, хозяйственной деятельности, общественного строя, особенностей народной психологии. Интерес этой проблемы, как в психолингвистическом, так и социолингвистическом плане, очевиден.

Трудности, которые здесь встают, ни в малейшей степени не снимаются так называемой «семиотической» (знаковой) теорией языка, одним из эфемерных созданий модернистского языкознания. Что слово — это не сам предмет и не его эквивалент, а всего лишь условный знак предмета, было ясно уже Платону, который в диалоге «Кратил» обосновал то положение, что связь между предметом и его наименованием не естественная (φύσει), а условная, «по установлению» (θέσει). Что касается термина «семиотика», то и он не нов. Его ввел в науку в XVII в. английский философ Д. Локк (1632—1704) [16]. «Молодая» наука, семиотика оказалась трехсотлетнего возраста. Банальная истина, что слово есть знак, не внесла ничего ценного не только в объяснительное, но и в описательное языкознание. Псевдоноваторские теории лингвистического модернизма имеют свойство быстро устаревать, и мы видим, что ажиотаж вокруг семиотики идет на убыль. Время — судья справедливый и неумолимый. Классик В. Гумбольдт будет жить века, а модернистские «новаторы» через какое-то время канут в пучину забвения. Языкознание наших дней нуждается не в модернизме, а скорее в неоромантизме.

4. Э т и м о л о г и я. Как я отмечал выше, этимология по замыслу — наука объяснительная. Она призвана объяснить происхождение и историю слов во всех аспектах: фонетическом, основообразовательном и словообразовательном, семантическом. На этом пути уже достигнуты значительные успехи, в особенности в области индоевропейских языков. Вместе с тем в последнее время в этимологии наблюдается известный методологический застой, и приходится даже слышать утверждения, что этимология себя исчерпала. Вернее будет сказать, что исчерпала себя младограмматическая традиция, которая в других областях лингвистики преодолевается, а в этимологии продолжает господствовать.

Предельная глубина большинства этимологических словарей — так называемый «праязык». Но реконструируемое праязыковое состояние само оказывается не чем-то примитивным, изначальным и монолитным, а результатом многотысячелетнего предшествующего развития. И стремление проникнуть в эти более отдаленные глубины, в до-п р а я з ы к о в о е состояние языковых семей, представляется чем-то естественным. Но сделать это одним рывком, как пытался Н. Я. Марр со своей теорией четырех первоначальных элементов, наввно и безнадежно. Лингвистическая палеонтология должна быть методологически четкой и безупречной. Только при этом условии она может дать научно значимые результаты [17].

Не исключено, например, что односложным корням типа закрытого слога индоевропейского праязыка предшествовал тип односложных открытых корней, какой распознается в адыгских языках на Кавказе.

На путях глубинной палеонтологии вырисовывается такое архиархаичное состояние, когда язык располагал только одним гласным звуком неопределенной окраски и только одним столь же неопределенным сонантом. И лишь постепенно позиционные варианты этого гласного и этого сонанта приобретали статус самостоятельных фонем и включались в систему социоразличительных и смысловых различительных оппозиций [18].

Но даже не забираясь в такие глубины, можно многое сделать, чтобы улучшить наши этимологические словари, поднять на более высокий уровень их познавательную ценность. Для этого нужно прежде всего, чтобы этимология была тесно связана со смежными гуманитарными дисциплинами: этногенезом, археологией, историей культуры, общей историей, этнографией, фольклором.

Этимология должна в полной мере считаться с принципами и достижениями реальной лингвистики и тщательно учитывать все известные или исторически мыслимые ареально-лингвистические конфигурации, в которых мог участвовать исследуемый язык.

Этимологу все время следует считаться с таким феноменом, как **рекрестные изоглоссы** (см. выше).

В этимологических словарях, как правило, недостаточно учитывается роль звуковой символики. Это — большая ошибка, существенно снижающая ценность многих этимологических словарей.

Постоянная опора на реалии — одна из гарантий надежности этимологических решений. От слов — к реалиям, от реалий — к словам, такой двусторонний разбор должен быть законом для этимолога.

Следует, наконец, ограничить произвол и гадательность в семантической стороне этимологии путем выявления повторяемости определенных семантических переходов в самых различных, родственных и неродственных языках⁶.

5. **Лингвистическая типология.** Типологические построения возможны как на описательном (формальном) уровне, так и на объяснительном. В первом случае они не составляют особой трудности. Можно взять любой набор признаков — фонетических, морфологических, синтаксических — и положить их в основу группировки языков по «типам».

Совсем иное дело — объяснительная типология. Здесь исследователи ожидают большие трудности. Мы говорили выше, откуда эти трудности происходят: от двойственной природы языка; язык и коммуникативная техника, и познавательная система. Что значит дать объяснительную интерпретацию языковому структурному типу? Это значит соотносить данную структурную модель с определенной моделью мыслительных операций (селекция — абстракция — классификация), а через мышление — с определенной моделью социального устройства и этнической культуры. Но такое прямое соотнесение требует величайшей осторожности, так как соответствующие языковые структуры могли до нас в технизованном виде, после того как их идейное содержание полностью выветрилось. Не удивительно, что скороспелые теории Н. М. Марра о стадиях развития языка и «едином глоттогоническом процессе» оказались примитивными и бесплодными.

Но ошибки изживаются, а проблемы остаются. Не следует выплескивать ребенка вместе с водой. Советские ученые нашли более позитивные подходы к морфосинтаксической типологии, свободные от вульгарно стадильных схем и в то же время содержащие определенные элементы объяснительной интерпретации. Таково исследование С. Д. Кацнельсона [19], работы Г. А. Климова [10] и др. В частности, такие морфосинтаксические категории, как выражение субъектно-объектных отношений (активный,

⁶ Подробнее на проблемах этимологии я останавливаюсь в подготовленной к печати статье «Как улучшить этимологические словари».

эргативный, номинативный строй) или именные классификации (класс социально активный и неактивный) явно имеют подоплеку в мышлении, в этносоциальной культуре. Точнее сказать — имели когда-то. Их идеологическое наполнение уходит в прошлое, по мере того как уходят в прошлое породившие их условия общественного бытия и общественного сознания. До нас они доходят уже как формализованная техника, а не как актуальная идеология.

Нельзя ли морфосинтаксическую типологию в ее историческом развитии соотнести и связать с типологией лексико-семантической, о которой речь шла выше? Такая постановка как будто естественна и сама собой напрашивается. В действительности она нереальна. Нереальна потому, что процесс технизации протекает в лексике и грамматике совсем по-разному. Что означает технизация в лексике? Переход слова в разряд терминов. Когда слово приобретает статус термина, оно утрачивает полисемию, все семантические обертоны, всю ту оболочку, которую мы называем идеосемантикой [20]. Значение его становится предельно ограниченным, узким и точным. Слово в статусе термина относится к семантически живому слову, как телеграфный столб к зеленой ветвистой сосне.

Но этот процесс перехода слов в термины захватывает лишь небольшую часть лексики и неограничен во времени.

Иное дело — грамматика. Здесь процесс технизации и формализации является определяющим с самого начала и по всему фронту. Всякая грамматика формальна, но не существует формальной лексики (кроме терминов и частей речи, обслуживающих грамматику: местоимений и пр.). Морфосинтаксические феномены и конструкции тоже имели когда-то свое идеологическое наполнение, свою идеосемантику. Но она постепенно улетучилась в практике коммуникативного использования. Проблема «лексика и мышление» может ставиться как в синхронном, так и историческом плане. Проблема «морфосинтаксис и мышление» — только в историческом и преесторическом.

Из всего сказанного вытекает, что бесполезно искать какую-либо связь и параллелизм между типологией лексико-семантической и типологией морфосинтаксической, если не считать самых начальных периодов формирования как лексики, так и грамматики.

6. Курс Введения в языкознание должен в идеале состоять из двух разделов: Введение в описательное языкознание и Введение в объяснительное языкознание. Становится все более очевидным, что это две разные науки. Лингвистику в целом относят к гуманитарным наукам. Это неточно. К гуманитарным наукам относится только объяснительное языкознание. Относить сюда же описательную лингвистику можно только по недоразумению. Куда же ее надо отнести? Ответ очень прост. Коль скоро описательная лингвистика изучает язык как коммуникативную технику, ее место — среди технических наук. Но «техника», особенно в наше время — понятие необъятное. Можно уточнить: теория информации, кибернетика — вот ближайшая родня описательной лингвистики. Из традиционных наук — логика и математика. Наконец, когда речь идет о звукопроносительном механизме, лингвист нуждается в данных физики (акустики), анатомии и физиологии. Ни одного фундаментального контакта с общественными науками.

Совершенно иначе обстоит дело с объяснительным языкознанием. Оно тысячами нитей связано именно с гуманитарными науками. Философия (особенно теория познания), психология, социология, общая история, история культуры, археология, этнография, фольклор, литературоведение.

То, что лингвистика до сих пор не осознала ясно, что она состоит из двух наук, говорит о том, что она находится пока в младенческом состоянии. Так же точно астрономия в пору своего младенчества не осознавала, что она состоит из двух наук: космографии и астрофизики.

Перед описательным языкознанием сейчас, как сто и двести лет назад, стоит задача оптимального по методике описания лексики и грамматики

конкретных языков в синхронном и диахронном плане. Обобщенный опыт таких описаний используется на теоретическом уровне для построения формально-типологических моделей с охватом максимального числа языков.

Опора на конкретный языковой материал должна быть обязательной предпосылкой всяких теоретических построений. Приходится это подчеркивать, потому что некоторые лингвисты за рубежом, а частью и у нас, наловчились строить теории языка дедуктивно, без языкового материала [21]. Читать произведения таких теоретиков — дело благодарное. Когда продерешься через джунгли надуманных абстракций и терминологических манипуляций, приходишь к какой-нибудь банальнейшей истине, вроде того, что язык есть знаковая система.

Объяснительное языкознание только еще расправляет крылья. Когда оно раскроет все свои потенции, о которых речь шла выше, оно станет одной из центральных наук гуманитарного круга. Великий и пока еще не выполненный долг, который лежит на объяснительном языкознании, вытекает из исключительной роли, какую играет язык в жизни общества и в истории человечества. Язык — универсален. Будучи сам драгоценнейшим, поистине чудесным даром культуры, язык представляет способ объективации всех других проявлений культуры, всех аспектов общественного бытия и сознания, отложение всего исторического опыта и практики народной жизни. Вот почему объяснительному языкознанию суждена роль самой универсальной из всех общественных наук. К нему будут тянуться все другие гуманитарии. Со своей стороны лингвисты гуманитарного профиля сочтут для себя долгом быть в курсе всего значительного, что добыто и достигнуто в других гуманитарных науках. Это будет новая эра в истории языкознания.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кедров Б. М. Классификация наук. I. Энгельс и его предшественники. М., 1961, с. 42—43.
2. D'Alembert. Discours préliminaire. Paris, 1912 (1-е изд. Paris, 1751).
3. Риккерт Г. Науки о природе и науки о культуре. СПб., 1911.
4. Риккерт Г. О системе ценностей.— Логос, 1914, т. 1, вып. 1.
5. Windelband W. Geschichte und Naturwissenschaft. Strassburg, 1904.
6. Маркс К. Капитал. Послесловие ко второму изданию.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 23, с. 21.
7. Giovanni Battista Vico. Principi di una scienza nuova. Napoli, 1725.
8. Плеханов Г. В. К вопросу о развитии монистического взгляда на историю.— В кн.: Плеханов Г. В. Избранные философские произведения. Т. I. М., 1956.
9. Философский энциклопедический словарь. М., 1983, с. 685.
10. Климов Г. А. Принципы контенсивной типологии. М., 1983.
11. Абаев В. И. Отражение работы сознания в лексико-семантической системе языка.— В кн.: Ленинизм и теоретические проблемы языкознания. М., 1970.
12. Энгельс Ф. Конраду Шмидту 27 окт. 1890.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд., т. 37, с. 419.
13. Абаев В. И. Язык как идеология и язык как техника. Когда семантика перерастает в идеологию.— В кн.: Язык и мышление. II. Л., 1934.
14. Абаев В. И. Еще о языке как идеологии и как технике.— В кн.: Язык и мышление. VI—VII. Л., 1936.
15. Абаев В. И. О перекрестных изоглоссах.— В кн.: Этимология. 1966. М., 1968.
16. Locke J. An essay concerning humane understanding. London, 1690.
17. Knobloch J. Problemi e metodi della paleontologia linguistica.— Atti del VI Convegno internazionale di linguisti. Brescia, 1977.
18. Абаев В. И. О вариативности сонантов.— FL, 1973, т. VI, 1/2, с. 194, 196.
19. Кацнельсон С. Д. Типология языка и речевое мышление. М., 1972.
20. Абаев В. И. Понятие идеосемантики.— В кн.: Язык и мышление. XI. М.—Л., 1948.
21. Storz G. Sprachanalyse ohne Sprache. Bemerkungen zur modernen Linguistik. Stuttgart, 1975.

ДОМАШНЕВ А. И., АРУЕВА Е. Л.

ИЗ НАБЛЮДЕНИЙ НАД ЛЕКСИКОГРАФИЧЕСКОЙ ПРАКТИКОЙ

(На материале современного немецкого языка ГДР и ФРГ)

Выступая в 1964 г. на лингвистическом коллоквиуме, посвященном вопросам положения немецкого языка в обоих германских государствах — ГДР и ФРГ, профессор мюнхенского университета В. Бец привел в своем докладе [1] данные сопоставительного анализа лейпцигской и мангеймской редакций словаря Дудена, свидетельствующие, по мнению докладчика, о достаточно высоком уровне дивергентного развития нормы немецкого языка в ГДР и ФРГ. Сравнив обе редакции словаря Дудена, В. Бец установил, что в словнике на одну только букву «А», состоящем в целом из 4000 лексических единиц, каждое десятое слово не регистрируется в одном из словарей, каждое двадцатое имеет различия в значениях и дефинициях, каждое сороковое содержит расхождения в грамматической характеристике. Опыт Беца повторил М. Юргенсен [2], сопоставивший обе редакции Дудена в части словника на букву «М», подтвердив его основные выводы.

С одной стороны, с точки зрения объема лексики и расхождений в регистрации ее словарями этим данным следовало верить. Годы бурного социалистического строительства всей экономической, общественно-политической и духовной жизни ГДР были отмечены в языке динамичным развитием новой лексики: в среднем она развивалась в ГДР в 4 раза интенсивнее, чем в ФРГ, о чем свидетельствуют данные, приведенные лингвистом из ГДР. Г. Шпарманом. Он отметил, что из общего числа неологизмов (3467), характерных для современного немецкого языка и извлеченных из словника в 91 000 лексем, 814 неологизмов приходится на немецкий язык ГДР, т. е. около 25%, тогда как на ФРГ — только 200 неологизмов (6%) [3]. С другой стороны, эти данные вызвали известные сомнения. Хотелось проверить исходную лексикографическую основу самих словарей, чтобы узнать, не кроются ли различия в лексике немецкого языка в ГДР и в ФРГ в различии принципов лексикографического описания слова в двух указанных изданиях словаря Дудена. Далее в в статье будет показано, что в значительной степени такое предположение подтвердилось.

В предпринятом нами исследовании делается попытка системного описания особенностей кодификации современного немецкого языка лексикографами ГДР и ФРГ. Оно предусматривает сопоставительный анализ всех особенностей словарного представления структурных черт немецкого языка, находящих отражение в анализируемых лексикографических источниках. Факты дифференцированного развития лексики, характеризующие современный немецкий язык в последние десятилетия и находящие отражение в лексикографических изданиях обеих стран, рассматриваются тем самым не обособленно, а в тесной связи с другими особенностями кодификации немецкого языка в словарях обоих германских государств.

Материалом для исследования послужили списки слов на буквы «А» и «В» в лейпцигском издании орфографического словаря Дудена 1976 г. (в дальнейшем сокращенно ДУДЕН Л) — около 9000 вокабул и мангеймского издания этого словаря 1980 г. (ДУДЕН М) — около 13 500 вокабул. Кроме того, были проанализированы результаты сплошной выборки из словников обеих словарей различных фактов лексико-семантической дивергенции немецкого языка в ГДР и ФРГ.

Плодотворный системный анализ тех или иных лексикографических изданий возможен, на наш взгляд, только при рассмотрении данного вопроса в русле тенденций, определяющих современный уровень развития лексикографии, и прежде всего тенденции к лексикографической параметризации языка, впервые выявленной Ю. Н. Карауловым. Содержательный смысл этой тенденции состоит в стремлении «закреплять в словарной форме результаты изучения всех уровней языковой структуры, представлять в виде лексикона все языковые единицы содержательного и формального плана и отношения между ними, экстраполировать в словарь результаты анализа самых разнообразных языковых явлений» [4, с. 110]. Как отмечает Ю. Н. Караулов, лексикографический параметр, являясь характеристикой языка, может находить разное выражение в том или ином словаре в зависимости от целей, которые преследует этот словарь, а также от специфики языковой структуры, которую он отражает. Тем самым лексикографический параметр может служить для различения словарей. Именно поэтому методика параметрического анализа словарей, предложенная Ю. Н. Карауловым, представлялась нам весьма плодотворной для сопоставительного исследования словарей Дудена. Наша задача состояла в выявлении различий между обоими словарями и их особенностей, сложившихся за последние десятилетия существования двух редакций этого словаря, а также специфики языковых явлений, обнаруживающих тенденцию к определенной дивергенции в немецком языке в условиях существования двух германских государств.

Сопоставительный параметрический анализ обоих изданий словаря Дудена позволил более полно и точно сравнить, классифицировать и описать лексикографическую информацию, содержащуюся в них, а также более точно измерить и описать выявленные в результате этого сравнения расхождения, существующие между обоими изданиями как в презентации, так и в интерпретации словарного состава немецкого языка, используя для этой цели основные характеристики лексикографического параметра — глубину раскрытия (представления) и способ задания. Используя термин «параметр» применительно к описанию и классификации лексикографической информации в словарях Дудена, мы понимаем его, вслед за Ю. Н. Карауловым, как «способ лексикографической интерпретации того или иного структурного элемента или функционального явления языка и их экстралингвистических соответствий» [4, с. 111].

На первом этапе сопоставительного параметрического исследования словарей Дудена было установлено, что общее число релевантных для них параметров совпадает — их было выделено 45. Анализ обнаружил как сходства, так и различия в количестве, способах организации и подачи информации, содержащейся в словарях.

Языковая информация, представленная в орфографических словарях Дудена обеих редакций, обнаруживает полное совпадение по следующим параметрам: язык (немецкий), вход в словарь (прямой, алфавитный), орфографический (побуквенная передача), сослагательное наклонение, повелительное наклонение, инфинитив глагола, спряжение глагола в настоящем времени, отделяемые-неотделяемые приставки, прошедшее время. Совпадение по параметру «язык» обуславливает одинаковое значение для параметров: сослагательное и повелительное наклонения, инфинитив, спряжение глагола в настоящем времени, отделяемые-неотделяемые приставки глагола, прошедшее время, являющихся структурогенными, собственно языковыми параметрами, значения которых дискретны и не варьируются в словарях одного и того же языка [4, с. 70]. Категориальный параметр «глагол» для немецкого языка предполагает такие грамматические характеристики, как формы сослагательного и повелительного наклонений настоящего и прошедшего времени для сильных глаголов; для слабых глаголов данные параметры принимают в словарях, как правило, нулевое значение. В пределах проанализированного словарного материала было обнаружено практически полное совпадение языковой информации по основным характеристикам перечисленных выше параметров — глубине раскрытия и способу задания: оба словаря Дудена дают

грамматическую информацию по данным параметрам для сильных глаголов, для слабых глаголов лишь в редких случаях, например: *backen*; *du bäckst* (также *backst*); *er bäckt* (также *backt*). В обоих словарях эти параметры задаются перечислением соответствующих глагольных форм. Эти особенности лексикографической интерпретации глагола традиционны для немецкой лексикографии и обусловлены структурными особенностями немецкого языка.

Столь же обусловленным является и совпадение в обоих словарях параметра «вход в словарь» и орфографического параметра, т. к. в современной лексикографической практике именно эти параметры часто выступают в синкретической форме: орфографическая информация дается в сочетании с фонетической и предполагает прямой алфавитный вход в словарь. Таким образом, полное совпадение языковой информации по перечисленным выше параметрам в словарях Дудена обусловлено следующими моментами: во-первых, совпадением по параметру «язык», во-вторых, самим характером действия этих параметров — их принадлежностью к структурным параметрам, в-третьих, доминантным характером орфографического параметра.

Существование различных способов формального выражения одного и того же параметра обуславливает случаи варьирования способов задания параметров в словарях Дудена. Расхождения такого рода существуют между словарями при раскрытии параметров «переходность глагола» и «безличность». Переходность глагола выражается в обоих словарях имплицитно посредством словарной дефиниции и форм настоящего и прошедшего времени глаголов. ДУДЕН Л, кроме того, использует для формального выражения значения данного параметра специальные пометы, ДУДЕН М не снабжает переходные глаголы этими пометами. Безличность глагола в обоих анализируемых изданиях может быть представлена при помощи формы 3-го лица единственного числа настоящего времени в сочетании с безличным местоимением *es*. В лейпцигском словаре для выражения безличности глагола используется, кроме того, специальная помета.

Наиболее значительными расхождениями в представлении языковой информации в словарях Дудена являются расхождения, обусловленные варьированием глубины раскрытия (представления) лексикографических параметров. Эти расхождения отмечены в словарях при раскрытии структурных, или собственно языковых параметров (например, род, число и склонение имени существительного; словообразовательный, фразеологический параметры), а также лингвистических параметров (дефинитивный, лингвострановедческий, нормативный и др.). Анализируемые издания представляют собой, как было показано выше, многопараметровые словари, по доминирующему параметру они являются орфографическими справочниками. Это условие определяет неполноту глубины представления для целого ряда параметров. В тех случаях, когда параметр представлен в обоих словарях не на полную глубину, сопоставительный анализ словарного материала позволил выделить два вида расхождений: 1) в одном из словарей большее число вокабул снабжено той или иной характеристикой (фонетической, семантической, грамматической), чем в другом; 2) в одном из словарей эти характеристики разработаны более полно и детализованно.

В результате сопоставительного параметрического анализа было установлено, что для мангеймского словаря характерна большая глубина представления ряда структурных параметров в количественном аспекте этой характеристики, т. е. в тех случаях, когда информация по какому-либо параметру дается в словарях имплицитно. Например, ДУДЕН М снабжает большее количество имен существительных грамматическими характеристиками рода, склонения и числа, большее число имен прилагательных — формами степеней сравнения. Большая глубина в раскрытии словообразовательного параметра и параметра «причастие» в мангеймском словаре обусловлена большим по сравнению с лейпцигским словарем количеством причастий I и II, словообразовательных элементов, композитов и дериватов, поданных на алфавитный вход словарей

в качестве самостоятельных заголовочных слов. Так, например, в словнике словаря ДУДЕН М (на буквы «А» и «В») отмечено около 3820 композитов и дериватов, не зарегистрированных в словнике словаря ДУДЕН Л, который содержит около 420 таких единиц, не отмеченных в словнике мангеймского словаря.

Столь значительные расхождения в регистрации словарями этого разряда лексики обусловлены прежде всего определенными установками составителей словарей по вопросу о необходимости включения в словник композитов и дериватов. Если для многих заголовочных слов в мангеймском словаре характерно наличие обширного словообразовательного гнезда, включающего большое количество производных от этого заголовочного слова, то лейпцигский словарь намеренно ограничивает круг этих слов, часто (в случае композитов) указывая в составе словарной статьи с пометой «*zusammensetzung*» лишь один пример в качестве модели образования других композитов: ДУДЕН Л — «*Balsam, der, -s, ...ame... Zus. Balsamkraut usw.*» ДУДЕН М, напротив, в этих случаях включает в словообразовательное гнездо заголовочного слова возможно большее количество производных от него. Например, внутри словообразовательного гнезда к заголовочному слову *Betrieb* ДУДЕН М регистрирует 58 композитов и дериватов; ДУДЕН Л регистрирует в данном случае лишь 12 единиц.

Лейпцигскому словарю свойственна большая глубина представления ряда структурогенных параметров в качественном аспекте в тех случаях, когда языковая информация дается в словарях эксплицитно, посредством словарных помет. В частности, при раскрытии категориального параметра ДУДЕН Л более широко и дифференцированно использует специальные пометы *Verb, ADJ. (Adjektiv), Adverb* и т. д.; при раскрытии словообразовательного параметра используются отсылочные пометы, указывающие на словообразовательные связи, например: «*Autobus, der...busses, ...busse (Omnibus) (grch + lat. Kurzw. aus Automobil + Omnibus)*».

При сопоставлении по глубине раскрытия лингвистических параметров обоих словарей, содержание которых может включать экстралингвистический фактор — денотативный, исторический, культурный и т. д., были выявлены аналогичные расхождения. ДУДЕН М обнаруживает большую глубину в представлении ряда лингвистических параметров в качественном аспекте этой характеристики. Например, в рамках терминологического параметра в словнике мангеймского словаря отмечены 180 терминов из различных областей человеческих знаний и интересов, которых нет в словнике лейпцигского словаря. В лейпцигском словаре отмечены лишь 26 единиц такого рода. Аналогичным образом дело обстоит и с регистрацией обоими словарями Дудена лексики в рамках ареального, стилистического, ономастического параметров: ДУДЕН М содержит в своем словнике большее количество вокабул, относящихся к названным разрядам лексики.

Расхождения в качественном аспекте глубины представления этих и ряда других параметров связаны с различной степенью их детализации. Например, разная степень детализации при обозначении территориального дифференцирующего признака приводит иногда к снабжению одних и тех же вокабул различающимися пометами: *Bub*: ДУДЕН Л («*oberdt. für Junge*»); ДУДЕН М («*südd., österr. u. schweiz. für: Junge*»). В плане детализации ареального параметра путем использования ряда уточняющих помет следует отметить новые для немецкой лексикографии пометы: *S BRD, SW BRD, S. u. W BRD, NW BRD*, которыми снабжает вокабулы *Anrainer, auswinden, Beicht, Beige, Brathendl* и др. лейпцигский словарь: *auswinden* ДУДЕН Л — («*landsch., bes. S BRD, österr.u.schweiz. etw. auswringen*»); ДУДЕН М — («*landsch.u. schweiz. für: auswringen*»). Наличие этих помет является характерной чертой 17-го издания лейпцигского словаря; сопоставление его с предыдущим, 16-м изданием обнаруживает отсутствие в последнем помет такого типа. Используя эти пометы вместо традиционно-обобщенных *landsch., süddt.*, ДУДЕН Л подчеркнуто ограничивает тем самым сферу употребления данных вокабул узусом ФРГ.

Наиболее значительные расхождения были отмечены в глубине раскрытия параметров, связанных с семантической характеристикой: дефинитивного и параметра однозначности—многозначности. Для дефинитивного параметра, как и для других лексикографических параметров, неполнота глубины его представления в обоих словарях проявляется двояко: в количественном аспекте (не все вокабулы получают в словарях Дудена семантическую характеристику; основным критерием необходимости информации о значении служат возможные затруднения в понимании той или иной вокабулы) и в качественном (в большинстве случаев дефиниции словарей Дудена представляют собой лаконичные формальные определения, задача которых состоит в том, чтобы «не столько истолковать, сколько выделить» данное значение, отграничить его от других значений и употреблений) [5, с. 24].

Различия между словарями Дудена в глубине представления дефинитивного параметра в количественном аспекте данной характеристики обусловлены именно «факультативным» характером дефиниций в данных лексикографических изданиях: поскольку не все вокабулы получают в них семантическую характеристику, обе редакции в ряде случаев принимают разные решения относительно того, какие именно вокабулы необходимо снабдить семантическими определениями. Отмечая неполноту представления дефинитивного параметра в обоих словарях Дудена (семантизация осуществляется для 36% вокабул, совпадающих в словниках обоих словарей), наше исследование позволяет констатировать большую глубину представления этого параметра в лейпцигском словаре. Это преимущество определяется прежде всего наличием в словнике словаря ДУДЕН Л большего числа вокабул, снабженных словарной дефиницией (количество вокабул, снабженных дефиницией в словаре ДУДЕН Л, составляет около 70% от общего числа вокабул, в одностороннем порядке снабженных дефиницией в одном из словарей).

Большая глубина представления дефинитивного параметра в лейпцигском словаре в качественном аспекте обеспечивается большей содержательностью словарных определений за счет включения в их структуру большего числа существенных семантических признаков: Aggression ДУДЕН Л — (völkerrechtswidriger Angriff; imperialist. Überfall — Psych Angriffsverhalten; ДУДЕН М — (Angriffs/verhalten/, Überfall).

Особо следует подчеркнуть преимущество лейпцигского словаря в плане полноты и содержательности словарных дефиниций топонимов, а также слов и терминов общественно-политического содержания, для которых характерно единообразие, наличие единой содержательной модели семантического определения, полнота и развернутость которого обеспечиваются за счет учета важнейших конструктивных семантических признаков. Истолкование терминов общественно-политического содержания осуществляется в лейпцигском словаре последовательно с позиций марксистско-ленинского мировоззрения.

Расхождения в содержании словарных дефиниций обоих словарей обусловлены не только причинами субъективного характера — определенными традициями, сложившимися за годы раздельного существования двух редакций Дудена, своеобразием методов и приемов, используемых ими при презентации и интерпретации словарного материала. Эти расхождения отражают и объективный процесс изменений в лексико-семантической системе языка, в том числе и черты семантической дивергенции, характерные для современного немецкого языка ГДР и ФРГ, ср.:

Basis

ДУДЕН Л — (1. Grundlage, Ausgangspunkt — 2. Math. Grundlinie, -seite, Fläche; Grundzahl — 3. Arch. Säulenfuß, Sockel, Unterbau — 4. Gesellsch. die ökonomische Struktur der Gesellschaft in einer gegebenen Etappe ihrer Entwicklung)

ДУДЕН М — (Grundlage, -Linie, -Fläche; Grundzahl; Fuß[punkt]; Sockel; Unterbau; Stütz, -Ausgangspunkt).

С дефинитивным лексикографическим параметром тесно связан параметр однозначности—многозначности. Адекватная лексикографическая интерпретация лексической многозначности является одной из важных проблем современной лексикографической практики. Сопоставительный анализ словарных дефиниций многозначных слов выявил расхождения в лексикографической интерпретации лексической многозначности в лейпцигском и мангеймском изданиях словаря Дудена. Большинство расхождений, имеющих место в дефинициях словарей Дудена, обусловлено причинами субъективного характера — тем, что редакции этих изданий по-разному решают вопрос о необходимости сжатого или, наоборот, развернутого описания эпидигматики той или иной вокабулы. Однако среди анализируемого материала были отмечены расхождения, связанные как с объективным, так и с субъективным факторами: во-первых, изменениями, происходящими в лексико-семантической системе языка, во-вторых, изменениями в самих словарных семантических определениях, обусловленными углублением и расширением познания окружающего мира и стремлением изменить, преобразовать смысл слова в соответствии с новым уровнем развития языка, науки и культуры [5, с. 15].

Процессы изменения внутреннего содержания слова — появление новых значений и, наоборот, устаревание значений, а также их уточнение и обогащение находят различное отражение в словарных дефинициях словарей Дудена: 1) в рамках проанализированного словарного материала отмечены расхождения между словарными дефинициями словарей в плане описания семантической деривации слов, содержательная структура которых включает новые ЛСВ — семантические неологизмы, в том числе и такие, которые характерны только для узуса ГДР и ФРГ. Так, например, новые ЛСВ вокабул *administrieren* («bürokratisch verwalten, bürokratisieren»), *Akademiker* («Mitglied einer Akademie»), развившиеся в немецком языке ГДР, зафиксированы только лейпцигским словарем; 2) для лейпцигского словаря характерно стремление уточнить, углубить значения слов и терминов (прежде всего в сфере общественно-политической лексики). Например, ДУДЕН Л фиксирует в дефинициях вокабул *aggressiv*, *abmeiern*, *Aktion*, *Antagonismus* и др. ЛСВ, которых нет в дефинициях мангеймского словаря и которые соответствуют пониманию этих слов и терминов с позиций марксистского мировоззрения:

abmeiern

ДУДЕН Л — (Feudalismus: einen Meier aus seinem Meiergut treiben; kapitalist. Wirtsch. einen wirtschaftlich ruinierten Klein- od. Mittelbauern von seinem Grundbesitz vertreiben)

ДУДЕН М — (hist. für jmdm. den Meierhof, das Pachtgut, den Erbhof entziehen; veralt. für: jmdn. absetzen);

3) мангеймский словарь в свою очередь регистрирует большее количество ЛСВ в дефинициях таких, например, вокабул, как *Bourgeoisie*, *Börse*, *Arbitrage*, которые представляют собой наименования, обозначающие явления из сферы капиталистических производственных отношений и тем самым более характерные для языкового употребления ФРГ. Сопоставляя словарные дефиниции вокабулы *Bourgeoisie*: ДУДЕН Л («die herrschende Klasse in der kapitalistischen Gesellschaft»); ДУДЕН М («[wohlhabender] Bürgerstand; marxist.: herrschende Klasse in der kapitalistischen Gesellschaft»), мы видим, что дефиниция мангеймского словаря включает как буржуазное истолкование понимания этого термина, так и марксистское, причем следует отметить, что последнее (со специальной пометой marxist.) появилось лишь в последнем, 18-м издании этого словаря, предыдущие издания ограничивались дефиницией «wohlhabender Bürgerstand».

Большое внимание было уделено рассмотрению нормативного параметра, поскольку оба издания орфографического словаря Дудена представляют собой нормативные издания, построенные на принципах прескрипции. Нормативный параметр в этих словарях находит выражение в значительной степени имплицитным путем, в виде вариантов литератур-

ной нормы на разных уровнях языка (орфоэпия, лексика, грамматика), поданных на алфавитный вход словаря.

Сопоставительный анализ заголовочных слов и словарных статей выявил около 220 вариантов — морфологических и фонетико-орфографических расхождений при разработке словарной статьи одного и того же слова. Большая часть расхождений (89% от их общего числа) обусловлена тем, что один из словарей кодифицирует в своем словнике два и более вариантов вокабулы, в то время как другой регистрирует только один вариант. Лейпцигский словарь почти в два раза превосходит мангеймский по количеству указанных возможных вариантов, при этом наиболее развернутыми группами расхождений являются: 1) фонетические варианты имен существительных и глаголов с наличием или полной редукцией гласного в интерконсонантной позиции: *ausgehen, ausgehn* (ДУДЕН Л); *ausgehen* (ДУДЕН М); 2) орфографические варианты иностранных слов: *Biskaya*, также *Biscaya* (ДУДЕН Л), *Biskaya* (ДУДЕН М); 3) варианты словоформ, представляющие собой полные и синкопированные формы родительного падежа единственного числа существительных мужского и среднего рода: *Brisolett* — ДУДЕН Л: *das, (e)s, -e*; ДУДЕН М: *das, -s, -e*. 11% от общего числа расхождений, отмеченных между обоими словарями в рамках нормативного параметра, составляют расхождения, основывающиеся на кодификации словарями разных вариантов одной и той же вокабулы. Словари Дудена дают иногда несопадающие рекомендации в случаях слитного или раздельного написания вокабул и орфографии ряда топонимов: ДУДЕН Л — *Äquatorial-Guinea, Bahrein, Aserbaidshan, Alpinum-das, s, ...na*; ДУДЕН М — *Äquatorialguinea, Bahrain, Aserbaidshan, Alpinum das, -s, ...nen*.

Сопоставление обоих словарей по количественному параметру или исследование расхождений регистрационного порядка, имеющих место в их словниках, дало следующие результаты, которые могут быть представлены в виде таблицы, фиксирующей случаи регистрации в одностороннем порядке, только одним из словарей Дудена, вокабул, принадлежащих к различным разрядам лексики и лексико-грамматическим группам:

Разряды и лексико-грамматические группы слов	ДУДЕН Л	ДУДЕН М
Композиты и дериваты	420	3820
Словообразовательные элементы	12	25
Причастия	18	105
Диалектизмы	20	185
Просторечная лексика	4	146
Историзмы и архаизмы	12	73
Терминологическая лексика	58	215
Ономастическая лексика	116	420
Заимствованная лексика	8	167
Лексика со страноведческим фоном	4	35
Фоновая лексика ГДР и ФРГ	28	53
Варианты слов и словоформ	130	66
Число вокабул, зарегистрированных только в одном из словарей	830	5310

Таблица демонстрирует значительное различие мангеймской редакции словаря Дудена в количественном аспекте глубины представления целого ряда параметров, что создает расхождения регистрационного порядка между словниками обоих словарей. Общее количество вокабул, содержащихся в словниках каждого словаря на буквы «А» и «В», составляет: ДУДЕН Л — 8960 единиц, ДУДЕН М — 13 440 единиц. Таким образом, в словниках анализируемых изданий совпадают 8130 вокабул, словник мангеймского словаря содержит на 4480 вокабул больше, чем словник лейпцигского словаря.

Процесс дифференциации в немецком языке ГДР и ФРГ в области лексики характеризуется следующими особенностями: 1) расхождения ин-

вентарного порядка, обусловленные появлением новых слов, которые вошли в лексику современного немецкого языка вследствие возникновения новых понятий, связанных только с одной из двух общественных систем; 2) явления семантической дивергенции, особенно в области идеологически обусловленной лексики, характеризующиеся появлением слов, возникших в результате дифференциации значений одного и того же знака; 3) глубокое проникновение в немецкий язык ФРГ англоамериканизмов и влияние русского языка на лексику современного немецкого языка ГДР, которое проявляется в основном в образованиях по аналогии.

Сопоставительный параметрический анализ обеих редакций словаря Дудена позволил установить, что факты инвентарной дивергенции в развитии лексики современного немецкого языка в обоих германских государствах находят словарное представление в анализируемых изданиях прежде всего в рамках лингвострановедческого параметра, одним из аспектов содержания которого является отражение лексики, обладающей фоновой обусловленностью по отношению к социально-политическому и культурно-историческому контексту ГДР и ФРГ. Явления семантической дивергенции (изменение значений слов, общих для языкового употребления в обоих германских государствах, стремление к сознательному регулированию языкового употребления в этих государствах, разнонаправленность языковых влияний на современный немецкий язык в ГДР и ФРГ) находят отражение в обоих изданиях словаря Дудена в рамках дефинитивного параметра и параметра заимствования.

Лингвострановедческий параметр относится к новым параметрам языковой структуры, вскрытым недавно на базе современных теоретических воззрений [4, с. 61]. Выделение этого параметра основывается на необходимости учета в словарях кумулятивной функции языка, функции закрепления накопленного носителями языка коллективного опыта непосредственно в формах языка, включении культуры в язык и языка в культуру, связи языка и культуры [6, с. 7]. Содержанием этого параметра является словарное представление тех разрядов слов, в которых существенным компонентом значения является культурный компонент (безэквивалентная, коннотативная и фоновая лексика). Словари Дудена представляют в настоящее время в рамках лингвострановедческого параметра наряду с разрядами слов, значение которых включает культурный компонент (слова-реалии, обозначающие явления различных национальных культур), также лексические единицы, сопряженные с конкретным страноведческим фоном ГДР и ФРГ, — свойством экстралингвистического значения лексических единиц отражать специфику определенного культурно-исторического и социально-политического контекста [7].

Особенностью анализируемых словарей являются расхождения в регистрации ими лексики, обладающей отмеченной выше спецификой экстралингвистического значения. Дифференциация словарного состава, характерная для развития лексики современного немецкого языка в ГДР и ФРГ, фиксируется в этих словарях. При этом лейпцигская и мангеймская редакции обнаруживают дифференцированный подход к включению в свои словники лексики, имеющей ограничительный государственный характер, который заключается в преимущественном отражении этими изданиями лексических единиц, актуальных для ареала своего государства. Методом сплошной выборки из обоих словарей Дудена было выделено около 525 единиц, представляющих собой наименования предметов и явлений, характеризующихся принадлежностью к конкретному страноведческому контексту ГДР или ФРГ. С точки зрения включенности в словники обоих словарей эти единицы распределяются следующим образом:

	ДУДЕН Л	ДУДЕН М
Фоновая лексика ГДР	340 ед.	150 ед.
Фоновая лексика ФРГ	30 ед.	285 ед.

Зоны пересечения информации такого рода в обоих словарях невелики: ДУДЕН М содержит в своем словнике 44% вокабул, происхождение

и функционирование которых связано с ареалом ГДР, от общего числа единиц такого рода, зарегистрированных в лейпцигском словаре. ДУДЕН Л в еще меньшей степени отражает лексику, связанную со страноведческим фоном ФРГ: только 10,5% вокабул такого рода, зарегистрированных в словнике мангеймского словаря, отмечены и в словнике лейпцигского словаря. Большинство фоновых лексических единиц ГДР и ФРГ относится к сферам: 1) политики — *Friedenslager, Parteiaktiv, Wählerauftrag* (ГДР); *Politologie, Radikalenerlaß* (ФРГ); 2) экономики и производства — *Chemisierung, Komplexbrigade, übererfüllen* (ГДР); *Lohn-Preis-Spirale, Lastenausgleich* (ФРГ); 3) культуры и образования — *Elternbeirat, Kulturschaffende, Spartakiade* (ГДР); *Studienprofessor, Realschule, Funklotterie* (ФРГ).

Значительную часть фоновой лексики ГДР и ФРГ составляют официальные номинации, сложившиеся в обеих странах в государственно-административной, хозяйственной, правовой деятельности (наименования такого рода составляют около 40% лексики ГДР, находящей отражение в словарях Дудена, и около 42% фоновой лексики ФРГ).

Интерпретации фоновой лексики ГДР и ФРГ, находящей отражение в обоих словарях, также свойствен ряд особенностей. Словари Дудена недостаточно последовательно используют средства импликации и экспликации лингвострановедческой информации интересующего нас аспекта — фоновой лексики ГДР и ФРГ. ДУДЕН М более последовательно, чем ДУДЕН Л, использует средства экспликации этой информации, снабжая большинство (110 из 150) зарегистрированных в его словнике лексических единиц ГДР специальной лексикографической пометой DDR. Такой пометой снабжены вокабулы *Finalprodukt, Jugendbrigade, Leistungslohn* и мн. др. ДУДЕН Л использует специальные пометы такого типа реже, для него характерно преимущественное употребление средств имплицитного выражения лингвострановедческой информации посредством словарной дефиниции: «*Bürgerliches Gesetzbuch (seit 1976 in der DDR ersetzt durch das ZGB, in der BRD noch gültig)*».

Исследование особенностей презентации и интерпретации фоновой лексики ГДР и ФРГ в рамках лингвострановедческого параметра позволяет сделать вывод о тесной связи, существующей в данном случае между лингвострановедческим параметром и лексикографическими параметрами аббревиации, синтагматическим, ономастическим. Эта связь проявляется в возможности синкретического выражения рассматриваемой нами лингвострановедческой информации в рамках указанных параметров. Исследуя связь лингвострановедческого параметра с ономастическим, мы отмечаем факт возможного представления лингвострановедческой информации синкретично при помощи ономастического параметра, который в современных немецких словарях охватывает, кроме традиционных ономастических объектов, единицы, сопряженные с конкретным страноведческим фоном ГДР или ФРГ: *Freier Deutscher Gewerkschaftsbund, Gesellschaft für Deutsch-Sowjetische Freundschaft, Freie Deutsche Jugend* (ГДР); *Freie Demokratische Partei, Deutscher Gewerkschaftsbund* (ФРГ). Кроме этих единиц следует выделить также группу номинаций, представляющих собой наименования конкретных предприятий, фирм, торговых организаций, учебных заведений обеих стран, различных синтетических материалов, производимых ими, которые регистрируются обоими словарями в одностороннем порядке. Так, например, ДУДЕН Л регистрирует в составе словника наименования *Leunawerke* («kurz für VEB Leuna-Werke „Walter Ulbricht“»), *Rosendorf* («Zentralinstitut für Kernphysik in der DDR»), *Schwarze Pumpe* («Ort u. Braunkohlenkombinat im O. der DDR»), *Dederon* («Bez. für Polyamidfaserstoffe der DDR»).

Этих единиц нет в словнике мангеймского словаря, который в свою очередь в одностороннем порядке регистрирует наименования *Farbwerke Hoechst AG* (chem. «Fabrik in Frankfurt-am-Main-Höchst»), *Telefunken* («Unternehmen der Elektroindustrie»), *Dralon* («synthet. Faser»). Интересно отметить, что случаев пересечения ономастической информации такого рода в обоих словарях практически не отмечено. Вовлечение ономастиче-

ского параметра в сферу представления лингвострановедческого параметра в описанных выше случаях обусловлено самим характером ономастической лексики, которая, по мнению Е. М. Верещагина и В. Г. Костомарова, «обладает национально-культурным компонентом в своей семантике, т. е. если ей и не свойственны лексические понятия, которые можно было бы отождествлять с лексическими понятиями апеллятивов, то для нее вполне характерны... лексические фоны» [8, с. 177].

Своеобразие формально-структурного состава номинаций в сфере государственного администрирования, законодательства, финансовых и других учреждений — значительная их часть принадлежит к многокомпонентным именным словосочетаниям, образующим так называемые лексические единства, — предопределяет некоторые особенности презентации данных единиц в анализируемых словарях. Одним из возможных путей представления в них лексики такого рода является кодификация их в виде примеров свободной сочетаемости к определенным заголовочным словам: ДУДЕН Л — *national; die Nationale Front der DDR (Abk. NF); die National-Demokratische Partei Deutschlands (Abk. NDPD); der Nationale Verteidigungsrat der Deutschen Demokratischen Republik; die Nationale Volksarmee; ДУДЕН М — ständig; Ständige Konferenz der Kultusminister der Länder; Union; Christlich-Demokratische Union (Deutschlands) (CDU); Christlich-Soziale Union (CSU)*. Приведенные примеры свидетельствуют о том, что составители словарей выбирают в качестве примеров свободной сочетаемости наименования, актуальные для конкретного лингвострановедческого контекста своей страны, являющиеся употребительными и общеизвестными для носителей немецкого языка в ГДР и ФРГ. Четко выраженная ориентация такого рода в выборе примеров свободной сочетаемости особенно хорошо видна также в примерах: ДУДЕН Л — *Mitglied; der Volkskammer (MdV); ДУДЕН М — Mitglied; des Bundestages (M.d.B. или MdB)*.

Особенности формально-структурного состава номинаций государственных и иных номенклатур ГДР и ФРГ, представляющих собой лексические единства — многокомпонентные именные словосочетания, обуславливают и возможность их синкретического представления в рамках параметра аббревиации. Анализ выделенного лексического материала позволяет установить, что эти возможности реализуются в обоих словарях следующим образом: 1) лексические единства, представляющие собой многокомпонентные именные словосочетания и обладающие фоновой обусловленностью по отношению к страноведческому контексту одной из стран, подаются в обоих словарях только в виде аббревиаций: в мангеймском словаре — на вход в алфавитном порядке словника, в лейпцигском — специальным входом в виде отдельного списка аббревиатур и сокращений в конце словаря. Таким образом презентуются, например, лексические единства *DFD (Demokratischer Frauenbund Deutschlands), DRK (Deutsches Rotes Kreuz der DDR)* и др. в лейпцигском словаре; лексические единства *DBGM (Deutsches Bundes-Gebuchsmuster), HR (Hessischer Rundfunk)* и т. д. — в мангеймском словаре; 2) лексические единицы, представляющие собой сложные слова (часто — трехкомпонентные композиты) и характеризующиеся сопряженностью со страноведческим фоном ГДР или ФРГ, представлены в обоих словарях дважды — в мангеймском издании на алфавитный вход подаются заголовочные слова в полной форме и их аббревиации: *Jungsozialist (Juso), Public Relations (PR), Lastenausgleichsgesetz (LAG)*; в лейпцигском издании возможные сокращенные формы заголовочных слов, зарегистрированных в словнике в алфавитном порядке, подаются отдельным входом в специальном списке сокращений: *Dienstleistungskombinat (DLK), Wohnungsbaukombinat (WBK)*; 3) лексические единства подаются в обоих словарях в качестве примеров свободной сочетаемости к заголовочным словам, а также как самостоятельные заголовочные слова на вход словника или специальным входом в списке аббревиатур: ДУДЕН Л — *Gut; ein volkseigenes Gut... (Abk. VEG); liberaldemokratisch; die Liberal-Demokratische Partei Deutschlands (Abk. LDPD)*; ДУДЕН М — *rheinisch-westfälisch; das Rheinisch-Westfälische Elektrizitätswerk (Abk. RWE)*.

Явления семантической дивергенции — изменения значений слов (прежде всего в общественно-политической сфере), общих для языкового употребления в обоих германских государствах, находят в словарях Дудена прямое отражение в рамках дефинитивного лексикографического параметра. Сопоставление словарных дефиниций лексических единиц общественно-политического и экономического содержания в обоих словарях выявило значительные расхождения в дефинициях и их связь с характером контроля над семантическим состоянием слов, осуществляемым лексикографами обеих стран. Для составителей лейпцигского словаря управление социальной значимостью слова означает установление научного контроля над планом содержания общественно-политического пласта лексики, выработку терминов, точно отображающих общие признаки и существенные особенности предметов и явлений действительности. Контроль над семантическим уровнем языка, осуществляемый лексикографами ФРГ — составителями мангеймского словаря, носит в целом ряде случаев характер семантических манипуляций планом содержания лексических единиц, извращающих содержание социальных законов. Расхождения в словарных дефинициях лексики общественно-политического содержания отмечены при семантизации словарями 255 вокабул такого рода.

Нами проанализированы характер и формы отражения идеологии в лексикографической практике обоих германских государств и исследованы конкретные дефиниционные приемы, которые обуславливают расхождения в словарных дефинициях лексики общественно-политического содержания. Одной из характерных черт отражения идеологии в анализируемых изданиях является отбор словарных дефиниций. Лейпцигский словарь обнаруживает последовательно большую глубину в раскрытии дефинитивного параметра применительно к разряду общественно-политической лексики (целый ряд вокабул, обозначающих основополагающие понятия их сфер общественно-политической и экономической терминологии, таких, как *Demokratie*, *Diktatur*, *Klassenkampf*, *Politik* и многие другие, снабжены дефиницией только в словаре ДУДЕН Л).

Составители мангеймского словаря используют в целях контроля над содержанием общественно-политических терминов и ряд других дефиниционных приемов:

1) опущение одного из значений слова. Так, например, дефиниция глагола *deklassieren* в мангеймском словаре не содержит ЛСВ «*der ursprüngl. Klasse durch wirtschaftl. od. polit. Einflüsse entfremden*», входящий в состав дефиниции лейпцигского словаря;

2) направленное усечение синтагматической информации [9, с. 150]. Использование этого приема ведет к упрощенчеству, поверхностному подходу к определению содержания общественно-политических терминов, к вульгаризации понятий: *Politik* ДУДЕН Л — «*Teilnahme an Staatsangelegenheiten, Verwaltung des Staates, Bestimmung von Form, Aufgaben u. Inhalt der Tätigkeit des Staates*» (Lenin); *übertr. für Berechnung*]; ДУДЕН М — «*/Lehre von der/ Staatsführung; zielbewußtes Verhalten*»;

3) введение в определение идеологизированного классификатора и квалификатора наиболее часто используется составителями обоих словарей в словарных дефинициях наименований разнообразных философских, политических и экономических течений: *Manchestertum* ДУДЕН Л — «*im Kapitalismus extremste Richtung des Freihandels*»; ДУДЕН М — «*liberalistische volkswirtschaftliche Anschauung*».

Характерная черта развития современного немецкого языка в ГДР и ФРГ — разнонаправленность иноязычного влияния — находит отражение в словарях Дудена в рамках параметра заимствования и выражается в особенностях презентации этого разряда лексики обоими изданиями. Из обоих словарей в полном объеме их словника были выделены англо-американские заимствования на фоноструктурном уровне: ДУДЕН Л содержит около 820 англо-американских заимствований; ДУДЕН М — около 1410 англоамериканизмов. Таким образом, ДУДЕН М содержит в 1,7 раза больше англоамериканизмов, чем ДУДЕН Л.

Качественный анализ англо-американских заимствований, совпадаю-

ших в обоих словарях, показывает, что в большинстве случаев они представляют собой хорошо известные, укрепившиеся в немецком языке слова: *Camping, Cocktail, Couch, Design, Dress, Fan, Farm, Hobby*.

Среди англоамериканизмов, отмеченных только в словнике мангеймского словаря, преобладают более новые, многие из которых конкурируют с традиционными немецкими словами: *Center, Date, Freak, Light-Show, Logikal, Mobile, Nurse, Poster, Reader, Timing*.

Заемствования-русизмы представлены в словарях Дудена малочисленной группой: в словнике лейпцигского словаря отмечены 103 единицы с пометой (russ.), мангеймский словарь регистрирует 93 единицы с аналогичной пометой. Презентации словарями заимствований из русского языка присущи следующие особенности: русизмы, в одностороннем порядке зарегистрированные в мангеймском словаре, в основном представляют собой слова-реалии, связанные с определенным историческим контекстом: *Druschina, Gospodin, Nagaika, Domra* и т. д. Русизмы, отмеченные только в словнике лейпцигского словаря, являются словами, неразрывно связанными с советской действительностью и широко известными в ГДР: *Novator, Stachanowbewegung, Lunochod*.

Расхождения между обоими словарями в презентации прямых заимствований из русского языка незначительны в количественном и качественном отношении. Это подтверждает наблюдения многих исследователей относительно того, что значительное влияние русского языка на немецкий язык в ГДР проявляется в первую очередь не в прямых заимствованиях, а в ориентации новых наименований в разнообразных сферах жизни ГДР на внутреннюю организацию русских слов — кальки и заимствование моделей «внутренней формы слова» [10, с. 98]. Заимствования такого рода составляют значительную часть лексики, обладающей фоновой обусловленностью по отношению к страноведческому контексту ГДР: *Parteiaktiv, Planerfüllung, Held der Arbeit, materielle Interessiertheit, der sozialistische Wettbewerb, Kulturpark*.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Betz W.* Der zweigeteilte Duden.— In: Deutsch — gefrorene Sprache in einem gefrorenen Land? Literarisches Colloquium. Berlin (West), 1964.
2. *Jurgensen M.* Die Sprache im zweigeteilten Duden.— Zeitschrift für deutsche Sprache, 1970, Bd. 26, № 1/2.
3. *Sparmann H.* Neues im deutschen Wortschatz unserer Gegenwart.— Sprachpflege, 1979, Hf. 5.
4. *Караулов Ю. Н.* Лингвистическое конструирование и тезаурус литературного языка. М., 1981.
5. *Арбатский Л. И.* Толкования значений слов. Семантические определения. Ижевск, 1977.
6. *Денисова М. А.* Лингвострановедческий словарь. Народное образование в СССР. М., 1978.
7. *Муравлева Н. В.* Лексические инновации общественно-политического содержания в современном немецком языке (на материале прогрессивной политической печати ФРГ): Автореф. дис. на соискание уч. ст. канд. филол. наук. Калинин, 1978.
8. *Верещагин Е. М., Костомаров В. Г.* Лингвострановедческая теория слова. М., 1980.
9. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. Киев, 1981.
10. *Розен Е. В.* Новое в лексике немецкого языка. 2-е изд. М., 1976.

ШАХНАРОВИЧ А. М., ГОЛОД В. И.

КОГНИТИВНЫЕ И КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ
РЕЧЕВОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Одна из наиболее актуальных проблем современной психолингвистики — проблема адекватного описания языковой способности человека. По существу, все психолингвистические исследования служат одной цели: раскрытию природы этой способности. Наиболее удобным полем исследования языковой способности как механизма, обеспечивающего владение языком, является онтогенез речевой деятельности, в процессе которого многие факты оказываются наблюдаемыми, поддающимися анализу и представляющими автоматизированные и свернутые «в норму» процессы в дезавтоматизированном и максимально развернутом виде.

Построение теоретической модели, представляющей природу языковой способности человека, предполагает анализ эмпирического материала на трех уровнях: во-первых, на уровне характеристики средств, используемых человеком для реализации языковой способности, во-вторых, характеристики систем, в которых функционируют данные средства, в-третьих, характеристики материального субстрата, обеспечивающего осуществление указанных процессов, или, иными словами, характеристики (неполной, разумеется) психофизиологического механизма этих процессов.

Первый уровень является собственно лингвистическим. В настоящее время достаточно полно и подробно описаны средства, используемые носителями языков разной типологии в процессе общения, имеется ряд описаний онтогенетического развития языковых средств.

Значительно меньше известно о формировании психолингвистических механизмов коммуникативной функции. В этом плане весьма перспективны исследования последних лет, в которых прослеживаются особенности формирования коммуникативных средств, начиная с довербального периода жизни и вплоть до появления конвенциональных коммуникативных знаков [1—6]. Несмотря на значительные различия в подходах и методах исследования, различия в интерпретации эмпирического материала, все эти работы объединяет одна мысль: функциональной системой, в которой происходит формирование коммуникативных средств, является совместная деятельность взрослого и ребенка. Это представление соответствует идее Л. С. Выготского, согласно которой только совместная деятельность людей в определенных социальных условиях развития является «пусковым механизмом» речевого общения [7]. Таким образом, теоретической платформой, своего рода концептуальной базой для всех упомянутых исследований является концепция культурно-исторического развития Л. С. Выготского.

На основе экспериментов удалось выяснить, что динамика развития психолингвистического механизма усвоения языка характеризуется переходом от целостных, нерасчлененных, синкретических форм знакового поведения ко все более аналитическим [8].

Сравнительно мало известно об организации психофизиологического субстрата развития языковой способности в онтогенезе. Одной из попыток объяснения того, как это происходит, является идея «пластичности» детского мозга, тесно связанная с гипотезой эквипотенциальности полушарий мозга на ранних этапах онтогенеза. Согласно этой гипотезе, ребенок рождается с функционально равнозначными полушариями и в процессе развития происходит латерализация речевой функции в левом полушарии. Однако в последние десять лет были получены факты, противоречащие гипотезе эквипотенциальности полушарий. Выяснилось [9—10],

что на самых ранних ступенях онтогенеза имеет место тонкое различие признаков речевых стимулов, т. е. отчетливая асимметрия полушарий относительно речевой функции. В исследовании [11] было показано, что нарушения речи в детском возрасте значительно чаще встречаются при поражениях левого (как у взрослых), чем правого полушария. Все эти факты привели к пониманию того, что проблема мозговой организации речевой функции в онтогенезе представляет собой проблему межполушарного взаимодействия в процессе восприятия и порождения коммуникативных единиц. Очень важным является и тот факт, что по мере изменения внутренней структуры функции происходит изменение ее мозговой организации. На разных этапах онтогенеза речевой деятельности ведущее место занимают последовательно недоминантное и доминантное полушария. С деятельностью недоминантного полушария связывается осуществление таких компонентов речевой деятельности, как образность, понимание метафорического значения, коннотативные значения, эмоциональная окраска высказывания, а также целый ряд семантико-синтаксических функций высказывания. Эти факты, как и многие другие результаты психолингвистических и психофизиологических исследований, дают возможность обратиться к внутренним механизмам речевой коммуникации, без прояснения которых не может быть адекватного описания модели этого процесса и его результатов. При анализе внутренних механизмов речевой коммуникации, как нам представляется, наиболее существенной единицей анализа должен быть текст.

Если рассматривать текст как актуализацию свойств описанных в нем объектов, то единственный способ выявить актуальные свойства объектов — изучать их восприятие в условиях неопределенных инструкций, т. е. в условиях максимально свободного оперирования текстами [12]. Речь идет об условиях коммуникативных ситуаций, в которых и происходит обмен языковыми знаками, объединенными в тексты. В психолингвистическом смысле текст — это реализация структурных компонентов языковой способности. Развернутый текст в коммуникативном акте содержит в себе в «снятом» виде всю историю онтогенетического формирования языковой способности. Именно благодаря рассмотрению этой истории оказывается возможным подойти к пониманию таких феноменов, как внутренняя речь, формирование программы речевого высказывания, реализация языковой способности.

Функционирование текста в коммуникативном акте (в среде «коммуникатор — реципиент») будет иметь место, если произойдет смысловое восприятие текста, которое возможно только при соотнесении содержания текста с опытом индивида. Это весьма существенно для понимания внутренних механизмов речевой коммуникации, поскольку такое соотнесение — один из существенных компонентов этого механизма. Опыт можно определить как набор эталонов, в соответствии с которыми индивид производит квалификацию, оценку, селекцию элементов окружающего его мира. Можно выделить эталоны следующих типов — по уровню обобщения и способу отражения материального мира сознанием индивида, эталоны представления и понятия. Перцептивный эталон — зафиксированное в опыте обобщение перцептивных характеристик объекта, образа предмета, в том числе и отраженного в тексте. Перцептивный эталон можно определить еще как первичную обработку информации, как начало формирования когнитивных структур.

Представление — это зафиксированное в опыте обобщение предметов по их функции в деятельности. Речь идет об одной из основных оперативных единиц субъективной семантики, поскольку представление — функциональное обобщение, являющееся редукцией перцептивных характеристик образа.

Одним из этапов развития представления является формирование общего образа, который нельзя считать понятием в строгом смысле слова из-за недостаточной абстрактности. Представление и общий образ фиксируют наиболее полную картину когнитивного развития индивида. Применительно к идеальной (мыслительной) деятельности, в частности, примени-

тельно к деятельности по смысловому восприятию текстов, отражение общих образов в сознании есть результат когнитивных процессов. Соотнесение когнитивных структур сознания с предметным аспектом текста и составляет когнитивный аспект текста как знакового образования. Однако текст никогда не существует сам по себе, как некая объективная реальность. В реальных процессах деятельности (мыслеречедеятельности) он всегда представляет собой продукт и инструмент коммуникации.

Уже отмечалось, что между действительностью и отражающим эту действительность текстом находится специальная работа сознания по выделению элементов действительности, по расчленению предметной ситуации с особой целью — с целью выражения этих элементов языковыми средствами. Данная работа сознания представляет собой в свернутом и редуцированном виде когнитивный аспект текста, а само выражение языковыми средствами того или иного предметного содержания является коммуникативным аспектом текста. При таком способе представления мы можем применить к исследованию текста как психолингвистического феномена категории формального и семантического синтаксирования, введенные Л. С. Выготским в связи с обсуждением проблемы сознания [13—15].

Одним из существенных внутренних компонентов общения является содержание общения, т. е. то знание, которое надлежит передать партнеру по коммуникативному акту. Для того чтобы передать знание, необходимо его сформировать. В формировании знаний большая роль принадлежит упомянутой индивидуальной классифицирующей системе (системе эталонов), которая в конечном счете составляет некую «сетку», как бы «пропускающую» через себя опыт индивида. Результатом такого «пропускания опыта» является классификация объектов. Для коммуникации необходимо провести акт номинации объектов по каким-то релевантным признакам. Эти признаки фиксируются в понятиях или в предшествующих понятиям формах отражения и генерализации.

А. Н. Леонтьев писал о том, что общественно выработанные словесные значения, усваиваясь субъектом, приобретают как бы новую свою жизнь, новое движение в его индивидуальной психике. В этом движении они вновь и вновь, но особым образом соединяются с чувственной тканью, которая непосредственно связывает субъект с предметным миром, как он существует в объективном пространстве и времени [16]. Это движение значений прослеживается в весьма широком круге специально сконструированных экспериментальных ситуаций и в большом числе видов человеческой деятельности. Сюда, без сомнения, входит и деятельность по восприятию языковых знаков.

Экспериментальные исследования психологии субъективной семантики позволили увидеть, сколь пристрастно отношение субъекта к входящему с ним в контакт предметному миру, как активно субъект структурирует этот мир, создавая для себя его проекцию. В процессе взаимодействия с миром у субъекта складывается нечто, называемое «картиной мира», картина свойств вещей в их отношениях друг к другу и к субъекту [12]. Эти представления как бы сосредоточены в некоторых структурах, которые являются единством отношения, функционирования и знания и потому подлежат семантическому анализу, неотделимому от анализа особенностей актуализации знания. Таким образом, проблема структур, которые мы можем назвать когнитивными (поскольку они формируются только одним путем — путем познания окружающего мира), и проблема содержания текста как продукта некоторой деятельности по актуализации когнитивных структур смыкаются и предстают в некотором единстве. По мере онтогенетического развития индивида коммуникативные (звуковые) номинации и когнитивные содержания развиваются раздельно, но при этом в тесной взаимосвязи. Косвенным подтверждением этого является описанный в советской дефектологии феномен «общее недоразвитие речи». Особенностью этой формы патологии является как раз недоразвитие когнитивных структур вследствие недоразвития коммуникативных содержаний. Упомянутые структуры формируются главным образом для того,

чтобы быть участниками акта передачи знания. Передача знания в акте общения, вступление в отношения общения возможны при условии совпадения двух типов структур: структур языковой способности и когнитивных структур. По мере развития индивида коммуникативные единицы (единицы номинации) и когнитивные содержания вступают во взаимодействие и служат основанием тех новых психических содержаний, которые появляются с развитием речи.

Как отмечает Ф. Кликс [17], процессы понятийного обобщения и абстрагирования обеспечивают отбор концептуальных и сенсорных признаков, которые соответствуют мотивам и целям деятельности индивида. Абстракция сенсорных признаков дает основания для множественной категоризации (множественности выделяемых оснований для классификаций). Этот процесс лабилен и неустойчив. Выделенные классы и наборы признаков хранятся в памяти короткое время. Как только возникает необходимость в категоризации нового типа, сложившиеся когнитивные структуры могут распадаться. Фиксируются же они в языковых знаках.

Подобно тому, как речь возникла из потребности называния вещей в процессе коммуникации, она может использоваться для обозначения результатов когнитивных процессов, т. е. внутренних психических состояний. По мере фиксации в памяти происходит структурное оформление механизма выделения категориальных признаков. Устойчивая множественная классификация вообще возможна только благодаря разнообразным языковым обозначениям. Только с их помощью в памяти стабилизируются специфические конфигурации признаков, соответствующие категориям, к которым может быть отнесен некий предмет. Таким образом, выделение категорий связано с когнитивными процессами. Специфической особенностью развития средств общения в онтогенезе является переход от целостных, нерасчлененных средств кодирования ситуации ко все более аналитическим. Это отчетливо прослеживается при анализе семантических изменений, наблюдаемых в онтогенезе при переходе от однословных высказываний к многословным. На этапе однословных высказываний «голофраза» целиком фиксирует всю ситуацию, в которой реализуется коммуникативный акт. Говоря словами Л. С. Выготского, «первичное слово... — это скорее образ, скорее картина, умственный рисунок понятия, маленькое повествование о нем. Оно — ...художественное произведение» [18]. Однословное высказывание ребенка, являясь составной частью всей ситуации общения, реализует и соответствующие коммуникативные цели и задачи. На это указывают данные о характере интерпретации довербальных форм поведения и однословных высказываний взрослыми партнерами коммуникативных актов [19]. Однословное высказывание ребенка, включенное в конкретную ситуацию коммуникативного взаимодействия и одновременно отражающее эту ситуацию в целом, может рассматриваться как своеобразный текст, особым синкретическим образом охватывающий все необходимые компоненты коммуникативного акта как потенциальные возможности.

По мере перехода к многословным высказываниям в ходе онтогенетического развития репертуар коммуникативных возможностей речевой деятельности расширяется и начинает реализовываться конвенционально символическими средствами языковой системы. В основе этого процесса лежит изменение когнитивных структур, опосредующих деятельность индивида, что связано с развитием формально-логического мышления. В результате в текстах, являющихся средством коммуникативного взаимодействия, оказываются эксплицитно представленными как компоненты языковой способности, так и когнитивные структуры.

В начале статьи мы обратились к эмпирическим данным, которые свидетельствуют о специфической организации межполушарного взаимодействия при осуществлении речевой деятельности. Анализ этих данных позволяет заключить, что психофизиологической основой коммуникативной деятельности является совместная работа обоих полушарий головного мозга, каждое из которых вносит свой специфический вклад в процесс общения. В плане обсуждаемой в статье проблемы интерес представляет

выделение таких компонентов языковой способности и когнитивной структуры, которые связаны с реализацией в коммуникативном акте единиц, обеспечивающих, с одной стороны, целостность содержательной структуры текста, а с другой — аналитическую расчлененность стоящей за данным текстом экзистенциальной реальности. Оба эти компонента в конкретных актах коммуникации действуют в неразрывной связи, что и обеспечивает нормальное протекание общения, использующего в качестве своего средства речевую деятельность.

Коммуникативным средством реализации целостности содержательной стороны когнитивной структуры является текст, понимаемый как единица речевой деятельности. В этом плане текст по своей семантике равнозначен семантике однословного высказывания, «голофразе» детской речи [20]. Он содержит в себе как бы всю «картину» ситуации общения в ее единстве и нерасчлененности. Когнитивным механизмом, лежащим в основе порождения текста, является актуально-семантический аспект речевого поведения. Когнитивной единицей процесса общения является образ или эталон, который при порождении текста в коммуникативном акте расчленяется на составляющие элементы с помощью имеющихся в распоряжении коммуникантов языковых средств, а при восприятии текста реконструируется. Сказанное делает понятным источник семантической неоднозначности текста как средства общения.

ЛИТЕРАТУРА

1. Исенина Е. И. Психолингвистические закономерности речевого онтогенеза. Иваново, 1983.
2. Горелов И. Н. Функциональный базис речи в онтогенезе. Челябинск, 1974.
3. Bruner J. S. The ontogenesis of speech acts.— *Journal of child language*, 1975, № 2.
4. Bates E. Language and context. New York, 1976.
5. Bates E. The emergence of symbols. New York, 1979.
6. Greenfield P. M. A developmental study of the communication of meaning: the role of uncertainty and information.— In: *The development of meaning*. Ed. by French P. Tokyo, 1979.
7. Выготский Л. С. Орудие и знак в развитии ребенка.— В кн.: *Выготский Л. С. Собр. соч.* М., 1984, т. 6.
8. Голод В. И., Шахнарович А. М. Семантические аспекты порождения речи. Семантика в онтогенезе речевой деятельности.— ИАН СЛЯ, 1982, № 3.
9. Molfese D. L. Infant cerebral asymmetry.— In: *Language development and neurological theory*. Ed. by Segalowitz S. J. and Gruber F. A. New York, 1977.
10. Entus A. K. Hemisphere asymmetry in processing dichotically presented speech and non-speech stimuli by infants.— In: *Language development and neurological theory*. Ed. by Segalowitz S. and Gruber F. A. New York, 1977.
11. Симерницкая И. Г. Доминантность полушарий. М., 1978.
12. Артемьева Е. Ю. Психология субъективной семантики. М., 1980.
13. Выготский Л. С. Проблема сознания.— В кн.: *Выготский Л. С. Собр. соч.*, М., 1982, т. 1.
14. Ахутина Т. В., Наумова Т. И. Смысловой и семантический синтаксис. Детская речь и концепция Л. С. Выготского.— В кн.: *Психолингвистические проблемы семантики*. М., 1983.
15. Шахнарович А. М. Исследования синтаксиса детской речи и идеи Л. В. Выготского о семантическом синтаксировании.— В кн.: *Научное творчество Л. С. Выготского и современная психология*. М., 1981.
16. Леонтьев А. Н. Восприятие и деятельность.— В кн.: *Восприятие и деятельность*. М., 1976, с. 21.
17. Калкс Ф. Пробуждающееся мышление. У истоков человеческого интеллекта. М., 1983.
18. Выготский Л. С. Мышление и речь.— В кн.: *Выготский Л. С. Собр. соч.*, М., 1982, т. 2.
19. Гринфилд П. М. Информативность, пресуппозиция и семантический выбор в однословных высказываниях.— В кн.: *Психолингвистика*. М., 1984.
20. Doré J. Holophrases, speech acts and language universals.— *Journal of child language*, 1975, № 2.

АПРЕСЯН Ю. Д.

ИНТЕГРАЛЬНОЕ ОПИСАНИЕ ЯЗЫКА И ТОЛКОВЫЙ СЛОВАРЬ

Интегральным, или единым, мы будем называть такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь согласованы друг с другом по типам помещаемой в них информации и по формальным языкам ее записи [1, с. 5]. Этот тип описания, сложившийся первоначально в лингвистическом моделировании, представляет, как нам кажется, и общетеоретический интерес. Очевидно, что всякое научное описание языка должно в идеале стремиться к интегральности, т. е. к такой картине языка, в которой грамматические правила и словарные статьи настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию.

В настоящей работе делается попытка извлечь некоторые лексикографические следствия из концепции интегрального описания языка. Более конкретно, задача состоит в исследовании тех требований, которые грамматика и другие лингвистические правила, включая семантические, прагматические и коммуникативные, предъявляют к описанию лексики в силу принципа интегральности; вопрос об обратном воздействии лексикографического описания на грамматику (в указанном выше широком смысле), сам по себе исключительно интересный, в данной работе будет занимать нас в меньшей степени. Выяснив эти требования, мы попытаемся представить в общих чертах структуру и состав словарной статьи толкового словаря, мыслимого как компонент интегрального лингвистического описания.

1. Об интегральном описании языка

Выше мы сказали, что свойством интегральности обладает такое лингвистическое описание, в котором грамматика и словарь настроены друг на друга и способны к информационному взаимодействию. Это, в частности, значит, что словарная статья каждой лексемы должна в явном виде содержать всю лингвистическую информацию, обращения к которой могут требовать правила грамматики. Рассмотрим три примера.

Известно, что грамматика русского языка оперирует синтаксическим признаком исчисляемости — неисчисляемости существительных. Исчисляемыми обычно называются имена таких объектов, которые можно считать. Таковы, например, существительные ДЕРЕВО, ДОМ, КНИГА, РУКА, СЛОВО (исчисляемые) в противоположность существительным БЕДНОСТЬ, ДАВЛЕНИЕ, КАРТОФЕЛЬ, НЕВЗГОДА, ТИШИНА (неисчисляемым). Синтаксически исчисляемые существительные отличаются от неисчисляемых тем, что могут употребляться в количественной конструкции, т. е. в сочетании с числительным в качестве зависимого; ср.: *две руки* <книги>, *пять деревьев* <домов, слов>, но не **две бедности* <невзгоды>, **пять картофелей* <тишин>.

Заметим, что наличие у какого-то существительного форм множественного числа еще не делает его синтаксически исчисляемым. Так, большинство лексем, обозначающих физические параметры предметов или процессов, формально имеют множественное число, но счету не поддаются. Ср.: *высокие* <низкие> *температуры* <скорости>, *большие глубины* <давления, напряжения>, но не **четыре температуры* <скорости> (в том значении, которое здесь имеется в виду), **пять глубин* <давлений, напряжений>.

Признак исчисляемости не всегда мотивирован семантически. Весьма показательны в этом отношении пары (квази)синонимов, один из которых

является бесспорно исчисляемым существительным, а другой — бесспорно неисчисляемым. Таковы, например, существительные СМЕРТЬ (ср. поговорку *Двум смертям не бывать, а одной не миновать*, рассказ Л. Толстого «Три смерти») и ГИБЕЛЬ (ср. **две <три> гибели*).

Поскольку синтаксические признаки исчисляемости — неисчисляемости в общем случае не могут быть автоматически выведены из каких-либо других свойств соответствующих существительных, они должны фиксироваться в словаре. В противном случае словарь не сможет взаимодействовать с грамматикой, во всяком случае, с тем ее синтаксическим правилом, на основе которого распознаются и формируются количественные конструкции. Отметим первый практический лексикографический шаг в этом направлении [2].

Рассмотрим теперь более сложный и интересный признак ряда глагольных лексем, замеченный довольно давно (см., например, [3, с. 179 и сл.]), но введенный в активный научный оборот в последние 10—15 лет, — семантический признак стативности (см. [4, с. 100—109]; [5, с. 121]; [6]; [7, с. 713]; [8, с. 105 и сл.]; [9, с. 39—40]; [10, с. 244 и сл.]; [11, с. 43 и сл.]; [12, с. 91—101]; в этих работах указано большинство свойств стативных глаголов, перечисляемых в нашей сводке, приводимой ниже). Нет нужды говорить, что признак стативности не регистрируется ни в одном словаре. Между тем он имеет интересные морфологические, словообразовательные, синтаксические и семантические проявления, так что ссылка на него должна быть предусмотрена в самых разных типах правил.

К стативным можно отнести глаголы, обозначающие: а) существование, ср.: БЫТЬ, ИМЕТЬСЯ, СУЩЕСТВОВАТЬ; б) наличие свойства, ср.: БЕЛЕТЬ, ВИДНЕТЬСЯ, ВЫДЕЛЯТЬСЯ, ОТЛИЧАТЬСЯ (ср.: *Он отличается независимостью*); в) равенство, идентичность, ср.: ВЕСИТЬ (*два фунта*), НАСЧИТЫВАТЬ (*Деревня насчитывает сто домов*), РАВНЯТЬСЯ, СОСТОЯТЬ (*из восьми блоков*), СТОИТЬ (*два рубля*); г) различные пространственные, временные и «отображательные» взаимоотношения между двумя (или более) предметами, ср.: ВКЛЮЧАТЬ (*Список включает тридцать имен*), ВРЕЗАТЬСЯ (*Отмель врежется глубоко в воду*), ИЗОБРАЖАТЬ (*Что изображает эта картина?*), НАВИСАТЬ (*Скалы нависают над морем*), СОДЕРЖАТЬ, СОПРОВОЖДАТЬ (*Бред сопровождает лихорадку*), СООТВЕТСТВОВАТЬ; д) владение, принадлежность, ср.: ВЛАДЕТЬ, ИМЕТЬ, ОБЛАДАТЬ, ПРИНАДЛЕЖАТЬ; е) восприятие, ср.: ВИДЕТЬ, ОБОНЯТЬ, ОСЯЗАТЬ, СЛЫШАТЬ, ЧУВСТВОВАТЬ; ж) волевые состояния, ср.: ЖАЖДАТЬ; ЖЕЛАТЬ, ХОТЕТЬ; з) эмоциональные состояния и отношения, ср.: БОЯТЬСЯ, ГОРДИТЬСЯ, НАДЕЯТЬСЯ, СТЫДИТЬСЯ; ЛЮБИТЬ, НЕНАВИДЕТЬ, НРАВИТЬСЯ, УВАЖАТЬ; и) интеллектуальные состояния, ср.: ВЕРИТЬ, ДУМАТЬ (*что, в противоположность думать о чем*), ЗНАТЬ, ПОНИМАТЬ, СЧИТАТЬ.

Иногда к числу стативных относят и глаголы, обозначающие положение в пространстве, — ВИСЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ. В более проницательных семантических классификациях они выделяются в особый класс «статичных» глаголов [6, с. 494].

В значениях девяти перечисленных выше классов стативных глаголов трудно найти какой-либо общий смысловой компонент. В каждом или почти в каждом классе стативность предстает в каком-то новом семантическом обличье. Однако, несмотря на отсутствие постоянного семантического коррелята в значениях всех стативных глаголов, они имеют ряд общих морфологических, словообразовательных, синтаксических и семантических проявлений. Точнее, чем «стативнее» глагол, тем в большей мере ему присущи перечисляемые ниже свойства. Проблематично существование такого канонического статива, который обладал бы ими всеми. Поэтому почти на каждое свойство можно подобрать контрпримеры. И все же они не разрушают общего понятия стативности, хотя могут потребовать его расщепления.

(1) Для многих стативов ограниченно возможны или вовсе невозможны формы императива в его основном значении, ср.: *Смотри на картину*,

но не **Видь картину, Изучай математику*, но не *Знай математику. Оговоримся, что глагол ЗНАТЬ в фактивной функции (как и некоторые другие стативы групп з), и)) имеет форму императива, притом прагматически весьма любопытную, — см. раздел 3; ср. также замечания о формах *знай* и *видь* в [11, с. 72—73].

(2) Стативы, за немногими исключениями (преимущественно из групп г), е), з), и)), не имеют форм СОВ (ершенного вида); ср.: *Поэт изображает <изобразил> своего героя таким Дон-Жуаном, Автор сопровождает <сопроводил> текст примечаниями* (значение действия, обе формы) и *Картина изображала горное озеро, увиденное сквозь заросли мощных ядовито-зеленых растений* (Ф. Искандер), *Бред сопровождал лихорадку* (стативное значение, только НЕСОВ; ср. невозможность **Картина изобразила горное озеро, *Бред сопровождал лихорадку*). В тех случаях, когда номинально форма СОВ у стативов есть, она отличается по значению от стандартных семантических соотношений СОВ и НЕСОВ [см. ниже, пункт (10)].

(3) Стативы не образуют делимитативов и пердуративов, т. е. не имеют способов действия (производных) типа **познать (что-л. некоторое время), *прознать (математику три года)*.

(4) Стативы не сочетаются с наречиями образа действия типа ЛОВКО, МАСТЕРСКИ, НЕБРЕЖНО, ОСТОРОЖНО, С ЭНТУЗИАЗМОМ, ТЩАТЕЛЬНО, ЭНЕРГИЧНО и с наречиями скорости и градуальности типа БЫСТРО, МЕДЛЕННО, ПОСТЕПЕННО; ср.: *Он осторожно смотрел на пациента*, но не **Он осторожно видел пациента, Он быстро выучивает физику*, но не **Он быстро знает физику*.

(5) Стативы не сочетаются с так называемыми «инклюзивными» обстоятельствами времени типа за <в> два часа, за <в> три года (отличающимися от обычных обстоятельств длительности типа три часа, два года значением законченности действия); ср.: *Джон выучивает географию за <в> два часа*, но не **Джон знает географию за <в> два часа*.

(6) Стативы не употребляются в возвратно-пассивной конструкции; ср. неправильность **Он любит < *ненавидится, ?уважается > всеми, кто его знает, ?Теорема Бернулли плохо вами понимается, *А что считается по этому поводу тобой?* Даже конструкция со страдательным причастием для них невозможна или сильно затруднена, а сами формы, являющиеся по происхождению причастными, во многих случаях обнаруживают отчетливую тенденцию к превращению в прилагательные; ср.: ВИДИМЫЙ, ЛЮБИМЫЙ, ОСЯЗАЕМЫЙ, УВАЖАЕМЫЙ.

(7) Стативы не могут находиться в области действия предикатов типа ДЕЛАТЬ, ЗАНИМАТЬСЯ; ср. *Он занимается <занят> тем, что смотрит на картину*, но не **Он занимается <занят> тем, что видит картину*. По-видимому, похожий фактор препятствует сочетанию стативов с модальными глаголами типа ПОЗВОЛЯТЬ, РАЗРЕШАТЬ, ВЕЛЕТЬ, ПРИНУЖДАТЬ, ПРИКАЗЫВАТЬ и т. п., ср.: *Он не позволил <не велел> мне изучать математику*, но не **Он не позволил <не велел> мне знать математику*.

(8) В случае сочинения стативов они не могут обозначать следующих друг за другом событий. Высказывания типа *Он хорошо знает и понимает музыку*, в отличие от высказываний типа *Он открывает и закрывает дверь*, всегда обозначают только одновременные состояния.

(9) В форме НЕСОВ стативы не имеют актуально-длительного и настоящего (профетического) значений; ср.: *Когда он вошел, я учил физику*, но не **Когда он вошел, я понимал <знал> физику; Завтра все студенты нашей группы занимаются теоремой Бернулли*, но не **Завтра все студенты нашей группы знают <понимают> теорему Бернулли*. Добавим, что поскольку у стативов нет актуально-длительного значения, они не могут употребляться в псевдосочинительных конструкциях с повторением глагола. Ср.: *Сапожник бился, бился и наконец за ум хватился* (Крылов), *Пули летели и летели* (Гаршин) при сомнительности или невозможности **Он знал, знал математику, и все без толку, *Он знал и знал математику*. Такие конструкции имеют «значение длительности и постоянства предикативного признака, „сп.тошь“ заполняющего собой значительный проме-

жуток времени» [13, с. 34—35]; из этой работы заимствованы и приведенные здесь примеры).

(10) В форме СОВ, если номинально она у них есть, стививы имеют не каноническое «точечное», а начинательное (ингрессивное) значение; ср.: *Он думает <подумал>, что дома никого нет, Его сын любит <полюбил> музыку, Скалы нависают <нависли> над морем.*

(11) Формально у некоторых стививов имеется многократный способ действия, ср.: ЗНАВАТЬ, ВИДЫВАТЬ, СЛЫХИВАТЬ. Однако, в отличие от подлинно многократных глаголов типа СИЖИВАТЬ, ХАЖИВАТЬ, они не обозначают повторяющихся событий.

(11) У некоторых стививных глаголов, первым актантом которых является живое существо, оно обозначает не субъект действия, а его объект, в частности, объект восприятия; ср.: *Мальчик видит лису* — с лисой ничего не происходит, а состояние мальчика (точнее, состояние сетчатки глаз мальчика) меняется. Если в таких ситуациях и есть субъект действия, то это скорее второй актант глагола (в нашем примере — лиса). Таким образом, семантика подлежащего и дополнения стививных глаголов может диаметрально отличаться от семантики подлежащего и дополнения активных глаголов. В этом отношении они сближаются с пассивной формой активных глаголов.

Вне всяких сомнений, перечисленные свойства допускают обобщение. Ясно, однако, что как бы мало обобщенных свойств у нас ни осталось, в полном лингвистическом описании русского языка они должны быть явно зафиксированы в виде правил или условий к правилам. Правила или условия к ним должны блокировать распознавание или построение невозможных для стививов морфологических форм, дериватов, синтаксических конструкций или семантических структур.

Ввиду многочисленности стививов их невозможно перечислять во всех подобных правилах. С другой стороны, в значениях (толкованиях) стививных глаголов нет никакого общего смыслового компонента, из которого признак стививности можно было бы выводить автоматически. Следовательно, правила должны апеллировать непосредственно к признаку СТАТИВН(ости). Лексикографически это значит, что признак СТАТИВН (или серия таких признаков) должен быть приписан всем стививным лексемам в словаре. В противном случае правила не смогут с ними взаимодействовать.

Рассмотренные примеры иллюстрируют проблему односторонней подстройки словаря к грамматике: взаимодействие словаря с грамматикой на этом участке описания языковой системы будет обеспечено, если в словарные статьи лексем будут явным образом включены требуемые синтаксические или семантические признаки или если они окажутся автоматически выводимыми из других явно упоминаемых в словаре свойств лексем.

Следующий пример, разработанный автором совместно с Л. Л. Иомдиным, более поучителен. Он показывает глубокие обратные связи между грамматикой и словарем, когда оказывается необходимым либо найти весьма нетривиальную лексикографическую трактовку слова, либо согласиться на радикальную ревизию важнейших грамматических правил. Речь пойдет о лексикографическом описании синтаксических валентностей английского глагола ANSWER в основном значении «отвечать».

На первый взгляд, никакой серьезной проблемы здесь нет: синтаксические валентности ANSWER находятся во взаимно-однозначном соответствии с его семантическими валентностями, и задача, следовательно, сводится к тому, чтобы обнаружить эти последние.

Ответ — это реакция одного коммуниканта на вопрос другого. Следовательно, в ситуации ответа принимают участие четыре семантических актанта: 1) деятель (кто отвечает), 2) содержание (что именно отвечает), 3) адресат (кому отвечает) и 4) стимул (на что отвечает).

Все четыре актанта имеют ясное синтаксическое выражение.

Первый актант (деятель, обычно лицо) выражается именной группой, ср.: *He <John> didn't answer* «Он <Джон> не ответил».

Второй актант (содержание) выражается а) придаточным дополни-

тельными предложением (с союзом THAT или бессоюзным), ср.: *He answered (that) he didn't remember anything* «Он ответил, что ничего не помнит»; б) косвенным вопросом, ср.: *You didn't answer why you had been absent <with whom you had spent the night >* «Ты не ответил, почему тебя не было с кем ты провел ночь >»; в) вопросительным, отрицательным, неопределенным или указательным местоименным существительным, ср.: *What did he answer?* «Что он ответил?», *He answered something I couldn't make out* «Он ответил что-то, чего я не мог понять»; г) словом WORD в отрицательном или вопросительном контексте, ср.: *He didn't answer a word* «Он не ответил ни слова»; д) адвербиальными фразами IN THE AFFIRMATIVE «положительно», IN THE NEGATIVE «отрицательно», которые ни на что существенно не влияют и поэтому в дальнейшем не учитываются.

Третий актант (адресат, обычно лицо) выражается именной группой, ср.: *Answer me <John>, please* «Ответь мне <Джону>, пожалуйста».

Наконец, четвертый актант (стимул) выражается а) существительными типа QUESTION «вопрос», REMARK «реплика», PROPOSITION «предложение», INVITATION «приглашение» и т. п., вводимыми предлогом TO или беспредложно; ср. *He answered all the questions* «Он ответил на все вопросы»; б) указательным местоименным существительным, ср.: *You didn't answer it <that>* «Ты на это не ответил».

При описании синтаксических валентностей предикатного слова существительное значение имеет также информация 1) о факультативности — обязательности валентностей и 2) об их совместимости — несовместимости.

Информация по первому пункту предельно проста: как следует из приведенных выше примеров, все «правые» валентности ANSWER синтаксически факультативны.

Информация о совместимости — несовместимости несколько сложнее. Две валентности ANSWER — вторую и третью — можно считать совместимыми при любых обстоятельствах. Что касается четвертой валентности, то она совместима со второй и третьей только тогда, когда выражена именной группой с предлогом TO, и несовместима в случае беспредложной реализации; ср. неправильность **You answered nothing that question*, **You didn't answer him that question*.

Даже в случае предложной реализации четвертая валентность ограничено совместима со второй и третьей. Назовем эти ограничения.

Вторая валентность не может быть выражена косвенным вопросом: ср. неправильность **To that question he answered why he had retired*.

Если вторая валентность выражена придаточным дополнительным предложением, то группа четвертого актанта *to something* должна быть вынесена в препозицию к нему. Для остальных допустимых способов выражения второй валентности это необязательно. Ср.: *He answered nothing to that question*, *To that question he answered nothing* «На этот вопрос он ничего не ответил», но только *To that question he answered that the case would be reconsidered* «На этот вопрос он ответил, что дело будет пересмотрено», при невозможности **He answered that the case would be reconsidered to that question*.

Что касается третьей валентности, то для ее совмещения с четвертой желательна реализация второй валентности со всеми присущими этому ограничениями.

Конечно, эти сведения намного превосходят по объему и детальности формулировок те скудные пометы об управлении, которые обычно даются в толковых словарях. И все же кажется, что синтаксическая нетривиальность ANSWER сильно преувеличена. Разница между ANSWER и его ближайшим английским квазисинонимом REPLY или русским аналогом ОТВЕЧАТЬ как будто чисто количественная, а не качественная: просто его управляющие свойства гораздо сложнее. Но здесь трудно усмотреть проблему. В лингвистике давно были предложены методы лексикографирования в виде моделей управления даже более сложных управляющих свойств слов (см., например [14; 15, с. 119—156]). Надо зафиксировать всю изложенную выше содержательную информацию на формальном языке моделей управления, и задача как будто решена.

Нетривиальность, уникальность и даже загадочность ANSWER дают о себе знать только тогда, когда мы покидаем почву лексикографии и переходим в область синтаксиса.

Первая синтаксическая странность, обращающая на себя внимание, состоит в том, что ANSWER является, по-видимому, единственным английским глаголом, который может иметь три разных беспредложных дополнения: *to answer something* «ответить что-л.», *to answer somebody* «ответить кому-л.», *to answer the question* «ответить на вопрос». Но к такого рода неожиданностям лексикограф должен быть готов: уникальность некоторых синтаксических свойств лексем — явление совершенно ординарное.

Вторая — критическая — особенность ANSWER, тесно связанная с этим уникальным свойством, касается правил образования пассивных конструкций. При ANSWER не только первое, но и третье беспредложное дополнение (четвертый актанта) легко допускает пассивизацию: *My question has not been answered yet* «Я еще не получил ответа на свой вопрос». Этот факт ставит ANSWER в исключительное положение, потому что не укладывается в существующие правила образования пассивных конструкций в английском языке, а они и без того достаточно экзотичны.

Как известно, в английском литературном языке, в отличие от большинства типологически и генетически родственных ему языков, возможны, помимо нормального пассива, еще три: 1) с перемещением в позицию подлежащего второго или третьего актанта, выполняющего роль косвенного дополнения при активной форме глагола; ср.: *He was helped* «Ему помогли», *He was given a book* «Ему дали книгу»; у ANSWER, несмотря на его близость к глаголам типа GIVE «давать», этот пассив менее обычен; 2) с перемещением в позицию подлежащего второго актанта, выполняющего при активной форме глагола роль предложного дополнения или обстоятельства, ср.: *The picture was not looked at* «На картину (никто) не посмотрел»; 3) с перемещением в позицию подлежащего второго актанта, выполняющего при активной форме глагола роль предложного дополнения со значением местонахождения, ср. *The bed has not been lain* *<slept>* in «В постели никто еще не лежал <не спал>».

Как видим, рассмотренная выше пассивная конструкция с глаголом ANSWER, действительно, отличается от всех известных пассивных конструкций английского языка тем, что в ней в позицию подлежащего перемещается четвертый актанта глагола. Таким образом, мы оказываемся перед альтернативой — либо предпринять радикальный пересмотр английского синтаксиса и ввести в него — из-за одной-единственной лексемы! — четвертую пассивную конструкцию, либо дать другое лексикографическое описание ANSWER, которое не потребует никаких революций в синтаксисе. При прочих равных условиях предпочтительнее второй путь.

Для решения указанной трудности мы предлагаем описывать управляющие свойства ANSWER не одной, а двумя разными моделями управления, связанными между собой довольно необычным словарным правилом конвертирования. Основная модель — четырехместная, с предложным дополнением *to something* на четвертом месте: *He didn't answer me anything to that question* «Он мне ничего не ответил на этот вопрос». Вторая модель — тоже четырехместная, но не допускающая реализации второго и третьего семантических актанта. Четвертый семантический актанта ANSWER перемещается в ней на вторую синтаксическую валентность и выражается только б е с п р е д л о ж н ы м дополнением: *He answered all the questions* «Он ответил на все вопросы». Условием конвертирования первой модели во вторую является отсутствие в данном предложении второго и третьего семантических актанта ANSWER. Одна пассивная конструкция, с выносом второго семантического актанта (содержания) в позицию подлежащего, образуется по первой модели управления, а другая, с выносом четвертого семантического актанта (стимула) в позицию подлежащего, образуется по второй модели управления.

Это решение не только идеально укладывается в имеющиеся правила

наглийского синтаксиса, но и существенно упрощает формулировку условий совместной реализации трех «правых» валентностей.

Анализ глагола ANSWER ясно показывает, что слова в словаре нельзя описывать в отрыве от грамматических правил, а грамматические правила нельзя формулировать без учета индивидуальных, а иногда и уникальных свойств слов. Необходимо проследивать самые отдаленные следствия принимаемых лексикографических решений на всем пространстве грамматических фактов и следствия грамматических решений на всем пространстве лексем. Именно так строится интегральное описание языка.

2. Классификационная и операционная лексикографическая информация

Толковый словарь как компонент интегрального лингвистического описания должен включать два логически различных типа лексикографической информации — классификационную и операционную.

Классификационная информация — это информация о различных свойствах лексем, на основе которых они становятся объектами правил. Такова информация о части речи, синтаксических признаках типа исчисляемости — неисчисляемости, моделях управления, семантических и прагматических признаках типа стативности, перформативности и т. п.

Операционная информация — это информация о самих правилах, т. е. предписаниях о том, в какой другой объект должен быть переработан данный объект при той или иной совокупности условий. В контексте нашей работы речь идет, разумеется, не об общих правилах грамматики, а лишь о тех правилах, которые охватывают небольшие группы лексем или даже отдельные лексемы и которые поэтому естественнее всего отражать именно в словаре.

В действующих лингвистических моделях различаются два типа лексикографически релевантных правил — трафаретные (частные) и словарные¹. Трафаретные правила касаются ограниченных групп лексем с отчетливо выделяемыми общими свойствами, например, совпадающими синтаксическими, семантическими или прагматическими признаками, совпадающими конструкциями и т. п. Они записываются в специальном компоненте модели, который было бы уместно назвать грамматикой словаря, или малой морфологией и малым синтаксисом. В словарную статью каждой лексемы, для которой релевантно такое правило, помещается ссылка на него, например, в виде его имени. Она-то и активирует правило. Словарные правила касаются одной лексемы или очень узкой группы лексем, не имеющих интересных общих свойств, и включаются целиком в словарную статью каждой такой лексемы.

С другой точки зрения, правила делятся на конструктивные и контрольные. Конструктивные правила — это правила анализа и синтеза определенных лингвистических объектов. Так, правила семантического анализа вырабатывают семантические представления предложений по их синтаксическим представлениям. Контрольные правила — это правила-фильтры, которые позволяют на основании универсальных или характерных для данного языка ограничений отсеивать неудачно проанализированные или синтезированные лингвистические объекты как неправильные. Они имитируют способность говорящих отличать правильное от неправильного в языке.

Поскольку операционная информация обычно не включается в толковые словари, имеет смысл показать на конкретном материале, какого рода сведения имеются в виду.

В [13, с. 57 и сл., с. 87 и сл.] описаны конструкции типа *сидела шила, ходит ворчит, лежит думает, стоит киснет, идем дремлем* и параллель-

¹ Раньше мы различали только общие и частные (=словарные) правила [16]. Разбиение частных правил на трафаретные и словарные было предложено в [17, с. 11—14].

ные конструкции с союзами И, ДА, ср.: *сидит и <да> слушает, лежит и не спит, стою и плачу, ходишь <идешь> да смотришь*. Они обозначают «конкретное действие, осуществляемое в процессе пребывания в том или ином состоянии». При этом позиция действия относительно свободна (ср.: ВОРЧАТЬ, ДРЕМАТЬ, ДУМАТЬ, КИСНУТЬ, ПЛАКАТЬ, СЛУШАТЬ, СМОТРЕТЬ, СПАТЬ, ШИТЬ и т. п.), а позиция «состояния» связана, т. е. заполняется очень немногими глаголами. Н. Ю. Шведова упоминает только пять таких глаголов: ИДТИ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ и ХОДИТЬ. Менее обычны, но все же не исключены в этой позиции и некоторые другие глаголы перемещения и положения в пространстве, ср.: ВИСЕТЬ, ЕЗДИТЬ, ЕХАТЬ, ЛЕТАТЬ, ЛЕТЕТЬ и т. п. Хотя на первый взгляд предложения типа *Вишу (и) думаю, Лечу <летаю> (и) смотрю* могут показаться экзотичными, легко представить реальные ситуации (скалолаз на страховке, летчик в полете), когда они оказываются вполне уместными.

Внешние синтаксические связи конструкции определяются ее свободным элементом в большей мере, чем связанным. Именно он обычно распространяется за счет второстепенных членов предложения; ср. примеры из [13]: *Народ на нас стоит смотрит* (Лесков), *А я все это сижу да слушаю* (Лесков), где дополнения *на нас* и *все это*, несмотря на свою контактность со «связанным» глаголом, подчинены «свободному» глаголу.

Достоинством еще одно свойство этой конструкции. В ней выполняется условие полного согласования обеих глагольных форм по презентации (либо личные формы, либо инфинитивы, ср.: *Так и будешь сидеть смотреть*), виду, времени, залогу, числу и лицу/роду. Подчеркнем, что для данной конструкции исключены причастная и деепричастная формы обоих глаголов и пассивная форма «свободного» глагола.

Итак, способностью формировать эту конструкцию обладают две группы глаголов: основные глаголы перемещения (ЕЗДИТЬ, ЕХАТЬ, ИДТИ, ХОДИТЬ, ЛЕТАТЬ, ЛЕТЕТЬ и т. п.) и глаголы положения в пространстве (ВИСЕТЬ, ЛЕЖАТЬ, СИДЕТЬ, СТОЯТЬ). Семантическая неоднородность класса глаголов, формирующих конструкцию, может навести на мысль, что соответствующие синтаксические правила должны быть включены непосредственно в словарные статьи перечисленных выше глаголов. Такое решение, однако, не содержит никакого обобщения и, в сущности, игнорирует интересное явление малого синтаксиса русского языка. Поэтому предпочтительнее описывать эту конструкцию не несколькими словарными правилами, а одним трафаретным. Словарная статья каждой лексемы, способной ее формировать, должна содержать ссылку на это правило малого синтаксиса.

Рассмотрим теперь пример словарного правила.

При путативных глаголах СЧИТАТЬ, ДУМАТЬ, ПОЛАГАТЬ валентность содержания мнения (что субъект считает) может выражаться пропозициональными местоименными наречиями ИНАЧЕ, КАК, ТАК: *А как вы считаете <думаете, полагаете>?, Я считаю <думаю> так <иначе>*². Тот факт, что наречия КАК, ТАК, ИНАЧЕ заполняют именно валентность содержания, подтверждается возможностью их замены пропозициональными местоименными существительными типа НИЧТО, ОДНО, СЛЕДУЮЩЕЕ, ЧТО, ЭТО; ср.: *А что вы считаете <думаете, полагаете>?, Я это не считаю <не думаю>*. Последним свойством, т. е. свойством управлять пропозициональным местоименным существительным, обладают и многие другие путативные и сходные с ними глаголы, ср.: *Я допускаю <признаю, подозреваю> следующее <вот что>*. Однако нам неизвестен ни один путативный глагол, кроме СЧИТАТЬ, ДУМАТЬ и ПОЛАГАТЬ, который обладал бы способностью канонически управлять пропозициональными наречиями КАК, ТАК, ИНАЧЕ. Это их сугубо

² Все три наречия могут выступать в другом своем значении, в функции обстоятельства образа действия: *Как он ходит? — Он ходит так <иначе>*. Различие между пропозициональным и чисто адвербиальным значениями этих наречий аналогично различию между рациональным и сенсорным значениями оценочных наречий как они описаны в [18, с. 15 и сл.].

индивидуальное свойство должно описываться соответствующим словарным правилом, распознающим конструкцию «глагол + его первое дополнение» в контексте названных наречий.

И трафаретное, и словарное правила являются конструктивными: они строят определенный фрагмент синтаксической структуры предложения в указанных выше условиях. Теперь рассмотрим не конструктивное, а контрольное правило, правило-фильтр, которое позволяет браковать синтаксические структуры с неправильными синтаксическими связями между словами. Речь пойдет о сочетаемостных ограничениях, регламентирующих возможность связи между некоторыми путативными глаголами и некоторыми оценочными наречиями.

Применительно к интересующему нас материалу в множестве оценочных наречий русского языка можно выделить по крайней мере три разряда, каждый из которых маркируется своим синтаксическим признаком или признаками. В первый входят наречия типа УДАЧНО, УМЕЛО, УСПЕШНО, которые характеризуют только действия, ср: *Он удачно <умело, успешно> прооперировал больного*. Они, естественно, не сочетаются с путативами, поскольку путативы не обозначают действий (ср. неправомерность **Он удачно <умело, успешно> считает вашу работу интересной*). Во второй разряд входят наречия типа ПОЛОЖИТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО, ПОЗИТИВНО, НЕГАТИВНО, которые характеризуют, как правило, субъект оценки (ср. *положительно <отрицательно> охарактеризовать что-л. <отозваться о чем-л.>*), но не **положительно <отрицательно> прооперировать больного*). Такие наречия должны были бы сочетаться с путативными глаголами. Наконец, в третий разряд входят наречия типа ХОРОШО, ПЛОХО, НЕПЛОХО, которые обладают обоими названными свойствами, т. е. характеризуют и действия, и объекты оценок; ср. *хорошо <плохо> убирать квартиру* (хорошее <плохое> мнение об уборке квартиры, а не о квартире) — *хорошо <плохо> отозваться о своем сотруднике* (хорошее <плохое> мнение о сотруднике, а не об отзыве). Благодаря последнему свойству они тоже должны были бы сочетаться со всеми путативами.

Фактически, однако, большинство путативов, за исключением ДУМАТЬ, СУДИТЬ и, может быть, РАССМАТРИВАТЬ, РАСЦЕНИВАТЬ, СМОТРЕТЬ, не сочетаются ни с какими из этих оценочных наречий. Можно сказать *Он очень хорошо <плохо> думает о вас*, но не **Он очень хорошо <плохо> считает вас*, *Мы положительно рассматриваем <расцениваем> новые тенденции в мировой торговле*, но не **Мы положительно найдем <полагаем> новые тенденции в мировой торговле*.

Еще более поразительным является тот факт, что слово МНЕНИЕ, семантически производное от глагола СЧИТАТЬ (МНЕНИЕ = «то, что мы считаем»), совершенно свободно сочетается со словами ХОРОШИЙ, ПЛОХОЙ, НЕПЛОХОЙ, ПОЛОЖИТЕЛЬНЫЙ, ОТРИЦАТЕЛЬНЫЙ; ср. *хорошее <плохое, положительное, отрицательное> мнение о ком-чем-л.* Мы вынуждены, таким образом, заключить, что несочетаемость многих путативных глаголов с оценочными наречиями типа ХОРОШО, ПЛОХО, ПОЛОЖИТЕЛЬНО, ОТРИЦАТЕЛЬНО является их личным и семантически немотивированным свойством. Оно должно описываться в словарных статьях соответствующих путативов контрольным правилом, отсеивающим те синтаксические структуры, в которых установилась (ложная) синтаксическая связь между данным путативом и оценочным наречием указанного выше типа³.

³ Любопытный разряд оценочных наречий, имеющих прямое отношение к обсуждаемому вопросу, образуют наречия типа ВЕРНО, НЕВЕРНО, НЕПРАВИЛЬНО, ПРАВИЛЬНО, СПРАВЕДЛИВО. Это — едва ли не единственный разряд оценочных наречий, более или менее свободно сочетающихся с любыми путативными (и другими подобными) глаголами. Они характеризуют мнения (или другие ментальные акты) с точки зрения их соответствия — несоответствия действительности или представлению говорящего о ней. Ср.: *верно <правильно, справедливо> думать <считать>, что Р;* *верно <неверно, неправильно> рассматривать <расценивать> Р; верно <справедливо> судить о Р.*

Мы предвидим, что далеко не все лингвисты согласятся с нашей интерпретацией описанных выше правил как лексикографических фактов. Многие сочтут, что словарь неоправдано расширяется за счет грамматики или что в нем дублируются по существу грамматические сведения. Поэтому мы считаем необходимым подчеркнуть, что ни в коем случае не стремились к погружению грамматики в словарь. В основе нашего лингвистического описания лежит представление о принципиальном паритете словаря и грамматики. Все действительно общие, лексически не ограниченные или не слишком ограниченные закономерности мы бы хотели описывать именно грамматическими правилами. Включение в словарь операционной информации допускается только тогда, когда всякое иное решение делает описание более громоздким и лингвистически менее прощательным. Что касается лексикографического дублирования ряда грамматических сведений, то оно действительно имеет место. Необходимо, однако, иметь в виду, что словарь в большей мере, чем любой другой компонент лингвистического описания, совмещает теоретическое знание и практические сведения справочного характера. В силу последнего свойства он не только допускает лексикографическое дублирование некоторых грамматических правил, но и прямо требует его. Такое дублирование экономит усилия тех, кто обращается к словарю за справками. Хорошо известно, например, что информация о грамматическом роде существительных во многих случаях выводима из их внешней формы. Соответствующие правила сообщаются в грамматиках русского языка. Это отнюдь не делает излишней помету о роде в словарных статьях существительных.

Итак, толковый словарь должен содержать два основных типа информации о лексемах — классификационную и операционную.

Теперь необходимо выяснить, какие свойства лексем могут оказаться существенными для собственно грамматических или других лингвистических правил. Проведенное нами исследование показывает, что правила могут требовать обращения к любым семиотически значимым аспектам лексемы и что, следовательно, все такие аспекты должны стать предметом лексикографирования в рамках интегрального описания языка. Этот тезис придется принять на веру, потому что развернуть его фактическое обоснование в рамках журнальной статьи невозможно.

3. Строение языкового знака и типы лексикографической информации

В данной работе языковой знак рассматривается как многосторонняя сущность, у которой выделяются по крайней мере следующие семиотически значимые аспекты: 1) означаемое, 2) морфология, 3) семантика, 4) прагматика, 5) коммуникативные свойства, 6) синтактика. К сожалению, в этой статье мы не можем аргументировать нашего отказа от соссюровской концепции двусторонности языкового знака и моррисовской концепции четырехсторонности языкового знака.

Стилистический аспект знака не был здесь упомянут не по недосмотру, а совершенно сознательно. О нем пока нельзя говорить с достаточной степенью определенности, потому что в лексикографической стилистике, как и в стилистике вообще, есть еще много неясного. Номенклатура стилистических помет, разработанная в практической лексикографии с исключительной тщательностью, складывалась, тем не менее, по большей части стихийно. Поэтому в теоретическом отношении она гораздо менее обоснована, чем, скажем, системы морфологических и синтаксических помет. Этим, в частности, объясняется то, что стилистическая информация в толковых словарях не отделяется в достаточной мере от семантической, коммуникативной и прагматической и не интерпретируется с этих точек зрения. А такая интерпретация необходима.

Мы уже обращали внимание на то, что многие стилистические пометы имеют глубокое семантическое содержание [19, с. 517]. В ряду квазиси-

нонимов ГЛАЗА, ОЧИ, ЗЕНКИ, например, лишь стилистически нейтральное слово ГЛАЗА обозначает орган зрения любого живого существа и применимо к описанию любых глаз, независимо от их размера, выражения, красоты и т. п. Книжное слово ОЧИ и просторечное пейоративное ЗЕНКИ отличаются от своего нейтрального квазисинонима ГЛАЗА не чисто стилистически, как принято думать, но и семантически. ОЧИ обозначают большие, выразительные, красивые глаза, притом обычно глаза человека. ЗЕНКИ тоже обозначают только глаза человека, но маленькие, некрасивые, неприятные.

Пометы типа «усилительное» и «эмоционально-усилительное» имеют очевидную коммуникативную подоплеку. Они маркируют лексемы, акцентирующие определенные части высказывания как коммуникативно более важные, чем другие.

Еще более значительно прагматическое содержание стилистических помет. За такими привычными стилистическими пометами, как «вежливое», «вульгарное», «грубое», «проничное», «ласкательное», «неодобрительное», «презрительное», «пренебрежительное», «шутливое», «эвфемистическое», стоят сложные и интересные ситуации общения, требующие серьезной прагматической экспликации.

В тех случаях, когда определенная стилистическая помета имеет несомненно семантическое, коммуникативное или прагматическое содержание, она, как нам кажется, должна помещаться в подзону стилистических помет соответствующей зоны словарной статьи. Ясно, однако, что до тех пор, пока нет надежной содержательной интерпретации всех типов стилистических помет, преждевременно выделять стилистический аспект знака на паритетных началах с другими его аспектами.

Итак, в дальнейшем мы будем иметь дело только с шестью типами информации, которые были упомянуты выше, — означающим, морфологией, семантикой, прагматикой, коммуникативными свойствами и синтактикой. И классификационная, и операционная информация может быть систематизирована по этим шести рубрикам, так что всего получается 12 типов лексикографически релевантной информации. Не только изложить, но хотя бы представить все эти типы в короткой статье невозможно. Поэтому мы ограничимся тем, что, не различая в дальнейшем классификационную и операционную информацию, назовем основные подтипы каждого из шести семиотических типов лексикографической информации, сопровождая их, в случае необходимости, минимальными пояснениями и полунамеками на примеры. В системе нумерации различных рубрик мы попытаемся показать, как мыслится иерархия уровней представления лексикографической информации в структуре словарной статьи.

1. Означающее: 1.1. Орфография; 1.2. Фонетическая транскрипция; 1.3. Слоговая структура⁴; 1.4. Просодические сведения: 1.4.1. Словесное ударение; 1.4.2. Фразовое ударение; ср. вводный оборот ДОЛЖНО БЫТЬ, отличающийся от омонимичного ему словосочетания *должно быть* тем, что никогда не несет главного фразового ударения.

2. Морфология: 2.1. Морфологическая структура (см. [21]); 2.2. Деривационная структура (см. [22]); 2.3. Часть речи; 2.4. Типы словоизменения (в частном, но самом важном случае — ссылка на стандартную парадигму); 2.5. Формальная неполнота парадигмы: 2.5.1. Характеризующая слово в целом, ср.: ДОЛЖЕН, РАД и т. п.; 2.5.2. Характеризующая лексему, т. е. слово в определенном значении; ср. НАСТУПАТЬ в «военном» значении — без формы СОВ, хотя в других значениях она у НАСТУПАТЬ есть; ср. также антонимичный глагол ОТСТУПАТЬ с обеими видовыми формами во всех значениях, включая «военное»; 2.5.3. Характеризующая лексему в определенной конструкции или в определенном словосочетании; ср. глаголы ЕСТЬ, ПИТЬ, ПИСАТЬ, ЧИТАТЬ, имею-

⁴ Информация о слоговой структуре слова как тип информации, сообщаемой в толковом словаре, давно перестала быть лексикографическим новшеством; см., например, Вебстеровские словари и словарь [20].

щие соотносительные формы СОВ. СЪЕСТЬ, ВЫПИТЬ, НАПИСАТЬ, ПРОЧИТАТЬ только в конструкции с реализованным прямым дополнением, но не в абсолютивной конструкции *Он ест <пьет, пишет...>*.

3. Семантика: 3.1. Семантические стилистические пометы (типа «книжное»); 3.2. Сведения о семантической неполноте словоизменительной парадигмы; ср. лемсему ГЛАВНЫЙ, которая в суперлативе имеет только значение высшей степени признака (*главнейшая задача*), но не значение очень высокой степени признака, и лемсему ВАЖНЫЙ, которая имеет оба эти значения (*важнейшая задача дня*, «самая важная», *важнейшая деталь* «очень важная»); 3.3. Толкование; 3.4. Правила взаимодействия значений: 3.4.1. Правила зачеркивания; 3.4.2. Правила модификации; 3.4.3. Правила области действия (типы правил 3.4.1—3.4.3 рассмотрены в [16]); 3.5. Нетривиальные семантические признаки (типа стативности у глаголов); 3.6. Референционные и анафорические сведения (ср. различия между дейктическими и анафорическими значениями лемсемы ЭТОТ — ТОТ, ЗДЕСЬ — ТАМ, СЮДА — ТУДА и т. п.); 3.7. Энциклопедические сведения (объем энциклопедической информации в толковых словарях неуклонно растет; см. большие словари [23, 24, 20, 25, 27], учебные словари [28, 30] и экспериментальный [14]); 3.8. Конситуативная информация, включая типичные следствия и выводы; 3.9. Сведения о семантической производности; ср. МНЕНИЕ — имя содержания по путативу СЧИТАТЬ, ВРАЧ — имя субъекта по действию ЛЕЧИТЬ; 3.10. Перечень единиц, связанных с данной единицей парадигматическими семантическими отношениями: 3.10.1. Синонимы; 3.10.2. Аналоги; 3.10.3. Конверсивы; 3.10.4. Антонимы; 3.10.5. Гиперонимы; 3.10.6. Гипонимы; 3.10.7. Семантические производные: 3.10.7.1. Имя действия; 3.10.7.2. Имя субъекта действия; 3.10.7.3. Имя объекта действия; 3.10.7.4. Имя инструмента действия; 3.10.7.5. Имя места действия и т. п.

4. Прагматика: 4.1. Прагматические стилистические пометы; 4.2. Прагматические признаки, например, перформативность; 4.3. Коннотации, культурный и образный мир лемсемы; ср. коннотации цветообозначений; 4.4. Указание социальных статусов говорящего и слушающего (ср. нюансы употребления местоимений ТЫ и ВЫ вежливого); 4.5. Иллокутивные функции лемсемы; ср. набор типичных иллокутивных функций императива — приказ, требование, инструкцию, рекомендацию, совет, предостережение, предложение, приглашение, просьбу и т. п. — и этот факт, что некоторые лемсемы имеют не эти стандартные, а весьма идиосинкротические иллокутивные функции в императиве; так, фактивный глагол ЗНАТЬ в повелительном наклонении имеет уникальную иллокутивную функцию сообщения адресату собственного знания; ср.: *Знай, что он тебя обманул <что она тебя любит>*.

5. Коммуникативные свойства: 5.1. Коммуникативные стилистические пометы; 5.2. Закрепление в функции темы; 5.3. Закрепление в функции ремы; ср. предикативные существительные, наречия, наречные обороты и заставшие глагольные формы типа ГИБЕЛЬ, БЕЗ СЧЕТА, ДО ЧЕРТА, ЗАВАЛИСЬ, ПРУД ПРУДИ и т. п., обозначающие чрезмерное отклонение чего-л. от нормы величины, интенсивности или количества, — они всегда образуют рему высказывания; 5.4. Закрепление в функции данного; 5.5. Закрепление в функции нового.

6. Синтактика: 6.1. Модель управления; 6.2. Синтаксические признаки (например, исчисляемость — неисчисляемость); 6.3. Стандартные лексические функции-параметры; 6.4. Сочетаемость ограничения: 6.4.1. Коммуникативные: 6.4.1.1. Функция маркировки темы; ср. частицы А, ЖЕ, -ТО; 6.4.1.2. Функция маркировки ремы; ср. частицы ДАЖЕ, ИМЕННО, ЛИШЬ, ТОЛЬКО; 6.4.1.3. Функция маркировки данного; 6.4.1.4. Функция маркировки нового; 6.4.2. Прагматические, например, ограничения на тип речевого акта, в котором может участвовать данная лемсема; ср. фразу ОЧЕНЬ НУЖНО, которая в значении проницательного отрицания отличается от свободного словосочетания *очень нужно* тем, что употребляется только в авторской и прямой речи и не употребляется в косвенных речевых актах: *Очень нужно ему советоваться с вами*, но не

*Я считаю, что очень нужно ему советоваться с вами, при абсолютной правильности Я считаю, что ему очень нужно посоветоваться с вами; 6.4.3. Референционные сочетаемостные ограничения: 6.4.3.1. Сведения о кореферентности — некорреферентности актантов данной лексики с актантами других лексем; ср. требование кореферентности семантического субъекта наречий типа МОЛЧА, ВЕСЕЛО, УГРЮМО с подлежащим глагола, от которого они зависят: *Грузчики молча переносили ящики на баржу*, но не **Ящики молча переносились грузчиками на баржу*; 6.4.3.2. Сведения о денотативных статусах именных групп — актантов данной лексики; ср. конкретно-референтный статус группы подлежащего при глаголе РАСТВОРЯТЬСЯ в актуально-длительном значении и родовой статус — в потенциальном: *Сахар растворяется в воде* [10, с. 248]; 6.4.4. Семантические сочетаемостные ограничения; 6.4.5. Лексические сочетаемостные ограничения; 6.4.6. Синтаксические сочетаемостные ограничения, например, ограничения, налагаемые на порядок слов при данной лексеме; ср. целевое ЧТОБЫ, которое может находиться и в пре-, и в постпозиции к главному предложению, и нецелевое ЧТОБЫ, которое может находиться только в постпозиции к главному: *Ветер затихает, чтобы через мгновение задуть с новой силой*, но не **Чтобы через мгновение задуть с новой силой, ветер затихает* [11, с. 69—70]; 6.4.7. Морфологические сочетаемостные ограничения; ср. глагол СТОИТЬ в значении условного или временного союза, который требует от подчиненного ему инфинитива формы совершенного вида: *Стоит ему выйти, как все начинают галдеть*, но не **Стоит ему выходить, как все начинают галдеть*; 6.4.8. Просодические сочетаемостные ограничения.

В связи с установкой на содержательное обсуждение типов лексикографической информации мы не будем рассматривать в данной работе технически очень важного вопроса о форме подачи соответствующих сведений в словаре. Приведенная выше типовая схема в достаточной мере показывает, что структура словарной статьи мыслится как упорядоченное множество зон, каждая из которых вводится своей меткой и допускает глубокое иерархическое дробление на все более мелкие подзоны.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апресян Ю. Д. О поверхностно-семантическом компоненте в модели «Смысл — Текст». — В кн.: Логико-семантические вопросы искусственного интеллекта. Труды по искусственному интеллекту. Вып. 551. Тарту, 1980.
2. Hornby A. et al. The Advanced learner's dictionary of current English. London, 1958.
3. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.
4. Vendler Z. Linguistics in philosophy. New York, 1967.
5. Lakoff G. Irregularity in syntax. New York — Chicago, 1970.
6. Miller J. E. Stative verbs in Russian. — Foundations of language. International journal of language and philosophy, 1970, № 6.
7. Lyons J. Semantics. V. 2. London — New York, 1977.
8. Thelin N. B. Towards a theory of aspect, tense, and actionality in Slavic. — Acta Universitatis Upsaliensis. Studia Slavica Upsaliensis, 1978, 18.
9. Апресян Ю. Д. Нетривиальные семантические признаки и правила выбора значений. — В кн.: Восприятие языкового значения. Межвузовский сборник. Калининград, 1980.
10. Мелик Х. Р. Семантика предложения и семантика вида в русском языке (к классификации глаголов Зено Вендлера). — В кн.: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XV. Современная зарубежная русистика. М., 1985.
11. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982.
12. Главинская М. Я. Семантические типы видовых противопоставлений русского глагола. М., 1982.
13. Шведова Н. Ю. Очерки по синтаксису русской разговорной речи. М., 1960.
14. Предварительные публикации Института русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Вып. 2, 4, 7, 23, 26, 28, 29, 34, 35, 37, 38, 42, 62, 63, 80, 85, 86. М., 1970 — 1976.
15. Апресян Ю. Д. Лексическая семантика. Синонимические средства языка. М., 1974.
16. Апресян Ю. Д. К формальной модели семантики. Правила взаимодействия значений. — В кн.: Представление знаний и модели процессов понимания. Новосибирск, 1980.
17. Апресян Ю. Д., Цинман Л. Л. Об идеологии системы ЭТАП-2. — В кн.: Формальное представление лингвистической информации. Новосибирск, 1982.

18. *Арутюнова Н. Д.* Об объекте общей оценки.— ВЯ, 1985, № 3.
19. *Апресян Ю. Д.* Английские синонимы и синонимический словарь.— В кн.: Англо-русский синонимический словарь. М., 1979.
20. *The world book dictionary.* V. I—II. Ed. by Barnhart C. L., Barnhart R. K. Chicago — London, 1984.
21. *Worth D. S., Kozak A. S., Johnson D. B.* Russian derivational dictionary. New York, 1970.
22. *Тихонов А. Н.* Словообразовательный словарь русского языка. Т. 1, 2. М., 1985.
23. *Webster's New international dictionary of the English language.* Springfield (Mass.), 1961.
24. *Random House dictionary of the English language.* New York, 1973.
25. *Robert P.* Dictionnaire alphabétique et analogique de la langue française, V. I—VI. Paris, 1953—1961.
26. *Larousse du XXe siècle en six volumes.* Paris, 1955—1956.
27. *Littré E.* Dictionnaire de la langue française. V. 1—7. Paris, 1958.
28. *Reum A.* Petit dictionnaire du style. Leipzig, 1953.
29. *Reum A.* A dictionary of English style. Leverkusen, 1955.
30. *Agricola E.* Wörter und Wendungen. Wörterbuch zum deutschen Sprachgebrauch. Leipzig, 1970.

ОХОТИНА Н. В.

**ТЕНДЕНЦИИ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ИННОВАЦИОННЫХ КАТЕГОРИЙ
В НАДЭТНИЧЕСКИХ ЯЗЫКАХ БАНТУ**

Вопросы, касающиеся влияния экстралингвистических факторов на грамматическую структуру языка, в частности, взаимозависимость коммуникативного статуса языка и тенденций изменения его грамматической структуры, все больше занимают внимание языковедов. Наиболее плодотворными в этой области могут быть исследования на материале близкородственных языков, внутренние расхождения которых весьма незначительны и которые в синхронном плане имеют равноуровневый статус — от внутриэтнического до надэтнического. Именно такими, как очевидно, являются языки банту. Эти языки тем более «удобны» для подобных исследований, что определяющей чертой их грамматической структуры, наиболее устойчивой и легко вычленимой на современном уровне, являются так называемые согласовательные классы. Сравнительный анализ именно этих звеньев грамматической системы дает возможность выявить инновационные процессы, совершающиеся в языках различного функционально-коммуникативного статуса. Особый интерес в этом плане представляет рассмотрение данного звена грамматики в надэтнических языках банту.

Надэтническими считаются языки, которые обслуживают более чем одну этническую общность и ареал распространения которых не обусловлен какими-либо территориальными или политико-административными границами. Надэтнический язык может быть государственным или функциональным языком более чем одной административной единицы, т. е. одновременно выступать в таковой функции и для других политико-административных единиц, вплоть до государств. Надэтнический язык в прошлом (более или менее отдаленном) выполнял функцию *lingua franca* или торгового языка. Как правило, надэтнический язык является родным (= первым) языком лишь незначительного числа говорящих по сравнению с общим количеством говорящих на нем. Для подавляющего большинства — это второй или даже третий язык. Тем не менее по количеству говорящих, ареалу распространения и коммуникативно-функциональному статусу надэтнический язык является как бы вершиной пирамиды в социолингвистической иерархии языков. Язык такого статуса обязательно письменный, однако с неодинаково длительной традицией (от средневековья до начала XX в.). Литературные традиции того или иного надэтнического языка могут быть неравнозначны, и, естественно, их литературные нормы могут находиться в разной степени становления. Особенностью надэтнического языка является насыщенность его лексики заимствованиями как небантуязычными, так и бантуязычными. При этом небантуские заимствования надэтнического языка могут образовывать особую подсистему, захватывая все уровни языка, вплоть до изменения типологических приемов, изначально свойственных языкам банту.

Такими языками являются языки суахили и лингала, которые отвечают всем вышеприведенным критериям, хотя и со значительной степенью варьирования по отдельным параметрам. Ср., например, неравнозначность письменных и литературных традиций: если суахили имеет достаточно древние письменные (с X—XII вв. на основе арабского алфавита, затем с середины XIX в. на основе латиницы) и установившиеся литературные традиции [1], то письменность лингала возникает лишь в начале XX в. (на основе латиницы), а литература на этом языке зарождается

лишь в середине нашего века [2]. По другим параметрам языки суахили и лингала могут быть также скоординированы с учетом определенного допущения, не искажающего исходные постулаты координатных показателей.

Суахили является государственным языком в Республиках Танзания (как материковой части, так и островов Занзибара, Пемба, Мафия) и Кении. Кроме того, на нем говорят в Республике Уганда, восточной части Республики Заир, северо-западных районах Малагасийской Республики (о. Мадагаскар), на южном побережье Республики Сомали, северных районах Мозамбика, на севере Ботсваны и за пределами континента в Южной Аравии и в Синде. Количество говорящих на суахили превышает 50 млн. чел., в то время как первым, родным языком он является не многим более чем для 1 млн. чел. [3].

Язык лингала — один из официальных языков Республик Заир и Конго. Ядром его считается родной язык народности бангала, живущей в среднем течении р. Конго, а также в устьях ее притоков Убанги, Лукиние, Касае и др. (≈ 750 тыс. чел.). В остальных ареалах распространения лингала является вторым или третьим языком. Общее число говорящих на лингала ≈ 2 млн. чел. Оба языка, хотя и в разное время, выполняли функции торговых языков.

Установив, таким образом, аналогию между экстралингвистическими признаками языков суахили и лингала, хотелось бы несколько слов сказать об истории исследования того звена грамматической системы, которое является объектом наблюдения.

В бантуистике проблемы согласовательных классов до сих пор служат предметом обсуждения и дискуссий. В отечественной африканистике немало работ, посвященных собственно истории вопроса, в которых излагаются различные точки зрения, а иногда приводятся оценочные характеристики той или иной интерпретации классов (см., например [4]). Поэтому здесь можно ограничиться рассмотрением мнений лишь крупнейших представителей и, по сути дела, основоположников главных направлений в зарубежной бантуистике, а именно, К. Мейнхофа, К. М. Дока и М. Гасри. Сразу же следует сказать, что несмотря на теоретические различия в предпосылках, постулируемых представителями того или иного направления, не обнаруживается значительного расхождения в трактовке языковых реалий в содержательном плане. Расхождения отражаются при терминологическом кодировании, что показывает, какие аспекты данной грамматической категории, в частности класса, особо акцентируются. Так, К. Мейнхоф, виднейший представитель так называемого «классического» направления в бантуистике, называет классы «именными» (*Nominalklassen*) [5], в то время как основоположник школы «форма и функция» («*form and function*») предпочитает употреблять термин «согласовательные классы» (*concord classes*) [6]. Тот же термин «согласовательные классы» принимает и М. Гасри, основоположник школы «только формальной» («*only form*») [7]. Так, терминологическое разночтение обнаруживает не столько принципиальное различие в понимании класса как языкового явления, а лишь языковой уровень, который представляется тому или иному исследователю наиболее важным при определении класса. Для К. Мейнхофа определяющими являются морфологический и семантический уровни, а К. М. Док и М. Гасри акцентируют внимание прежде всего на синтаксическом и, затем, на формально-морфологическом уровне. Это не означает, однако, что К. Мейнхоф не фиксирует синтаксических характеристик класса. Для него наиболее важным оказывается семантическое содержание класса, что обнаруживается в ходе описания классов, выявление семантической общности тех или иных классов не только в каком-либо одном языке, а во всех языках банту, установление филологических универсалий, семантики классов. Для К. М. Дока и М. Гасри семантический аспект не представляется столь важным.

Показатель класса, префикс — словоформообразующая морфема. Префикс может передавать категорию числа (ед. и мн.), идею собирательности или быть иррелевантным к данной категории. Некоторые классы могут быть грамматически полисемантическими, т. е. кроме категории числа вы-

ражать категории диминутивности или аугментативности (та и другая могут передавать также оттенки пейоративности). Более того, существуют классы, которые выступают как корреляты по признаку конкретность/абстрактность. Все перечисленные значения (число, оценочные признаки, абстрактность) в банту выступают как грамматические категории, поскольку они «работают» и на морфологическом, и на синтаксическом уровнях. Так, например, суахили: *mtu* «человек» (1 кл. ед. ч.) — *watu* «люди» (2 кл. мн. ч.); шона: *mbere* «гиена» (9 кл. ед. ч.) — *zibere* «огромная гиена» (21 кл. ед. ч. аугментатив); зулу: *inkosi* «вождь» (9 кл. конкретн.) — *ubukosi* «власть» (14 кл. абстрактн.). Естественно, что изменение префикса влечет за собой и изменение согласовательной модели, т. е. перекодировку по соответствующему классу согласуемых с именем существительным членов предложения (местоимений, прилагательных, глагола и т. п.).

Такие корреляции в надэтнических языках значительно деформируются, что прежде всего и наиболее очевидно проявляется при корреляции по числу. В данном звене грамматической системы фиксируется тенденция стандартизации категории мн. числа, т. е. вместо связанной корреляции типа 1 кл. ед. числа — 2 кл. мн. числа, 9 кл. ед. числа — 10 кл. мн. числа и т. п. возникает «неправильная» корреляция типа 1 кл. ед. числа — 6 кл. мн. числа, 9 кл. ед. числа — 2 кл. мн. числа. Так, например, ср. суахили¹: *mtoto* «ребенок» (1 кл. ед. ч.) — *watoto* «дети» (2 кл. мн. ч.), *nyumba* «дом» (9 кл. ед. ч.) — *nyumba* (10 кл. мн. ч.), но *mchina* «китаец» (1 кл. ед. ч.) — *machina* «китайцы» (6 кл. мн. ч.), *rafiki* «друг» (9 кл. ед. ч.) — *warafiki* (2 кл. мн. ч.) и т. п. Таким образом, в языке суахили выдвигаются два класса мн. числа, которые принимают на себя функции грамматической категории парадигматического порядка, это 6 класс с преф. *ma-* и 2 класс с преф. *wa-*. При этом в определенном грамматическом контексте эти префиксы могут быть взаимозаменяемы, например: *mwinjia* «инженер» (1 кл. ед. ч.) — *mainjia* «инженеры» (6 кл. мн. ч.) = *wainjia* (2 кл. мн. ч.). Особенно часты случаи употребления преф. *ma-* в суахили в условиях, когда имя существительное в ед. числе имеет префикс, равный 0-, т. е. с именами 5 и 9 классов, например: *inzi* «муха» (9 кл. ед. ч.) — *inzi* «мухи» (10 кл. мн. ч.) = *mainzi* (6 кл. мн. ч.), *iraja* «бедро» (11 кл. ед. ч.) — *iraja* «бёдра» (10 кл. мн. ч.) = *maraja* (6 кл. мн. ч.). Как очевидно, преф. *ma-* 6 кл. мн. числа становится маркером категории мн. числа не только имен изначально связанного с ним 5 класса ед. числа, но и имен существительных 1, 9 и 11 классов. Несомненно, что в данном случае в суахили реализуется процесс стандартизации категории мн. числа. То, что в качестве показателя стандартизованного мн. числа избирается префикс 6 класса *ma-*, диктуется, по всей видимости, его исходными значениями, а именно — дискретное множество, собирательное и непрерывное множество, например: *tagayagaya* «циновки» (6 кл. мн. ч.) — *gayagaya* «циновка» (5 кл. ед. ч.); *tagomba* «волокно из банановых листьев» (6 кл. мн. ч.) — *ugomba* «одно из волокон банановых листьев» (11 кл. ед. ч.); *maji* «вода» (6 кл. ед. ч.). Кроме того, в этот класс входят номинанты парных предметов, например, *majicho* «глаза» (6 кл. мн. ч.) — *jicho* «глаз» (5 кл. ед. ч.), *makwato* «раздвоенное копыто у парнокопытных» (6 кл. мн. ч.) — *kwato* «одна часть копыта у парнокопытных» (5 кл. ед. ч.). Интересно отметить в этой связи, что имя существительное «уши», образованное от глагола «слушать» и являющееся несомненно поздним образованием, причисляется во мн. числе также к 6 классу: *masikio* «уши» (6 кл. мн. ч.) — *sikio* «ухо» (5 кл. ед. ч.) < *sikia* «слушать, слышать».

Таким образом, выбор префикса инновационного стандартизованного мн. числа представляется грамматически предсказуемым.

В языке лингала процесс стандартизации категории мн. числа также легко обнаруживается. Однако в этом языке, кроме префикса 6 класса *ma-*, в этой функции чаще выступают префиксы 2 класса *ba-* и 4 класса *ni-*, например: *balimona* «гранатовые деревья» (2 кл. мн. ч.) — *limona*

¹ Часть материалов, касающихся языка суахили, взята из работы «Теоретическая грамматика языка суахили», которая подготавливается к печати автором совместно с Громовой Н. В.

«гранатовое дерево» (9 кл. ед. ч.), *balingisi* «переводчики» (2 кл. ед. ч.) — *lingisi* «переводчик» (5 кл. ед. ч.), *bafito* «планки» (2 кл. мн. ч.) — *fito* «планка» (9 кл. ед. ч.), *minu* «зубы» (4 кл. мн. ч.) — *linu* «зуб» (5 кл. ед. ч.), *minganga* «врачи, знахари» (4 кл. мн. ч.) — *monganga* «врач, знахарь» (1 кл. ед. ч.), *tamboka* «города» (6 кл. мн. ч.) — *mboka* «город» (9 кл. ед. ч.), *taboko* «руки» (6 кл. мн. ч.) — *loboko* «рука» (11 кл. ед. ч.), *malangiti* «одеяла» (6 кл. ед. ч.) — *bolangiti* «одеяло» (14 кл. ед. ч.). То же относится и к показателю 10 класса мн. ч. *n-/m-*, который может коррелировать по признаку числа не только по регулярной модели (10 кл. мн. ч. — 9 кл. ед. ч.), но с именами существительными 3 и 11 классов, например: *nsuni* «тела» (10 кл. мн. ч.) — *mosuni* «тело» (3 кл. ед. ч.) — *nkasa* «листья» (10 кл. мн. ч.) — *lokasa* «лист» (11 кл. ед. ч.) и т. п. Но сути дела, в лингала все классы мн. числа, как правило, обслуживают более чем один класс ед. числа [8].

Процесс стандартизации числа в лингала столь продвинул, что иногда изменение префикса может быть фиксировано в синтагме, притом что все остальные члены синтагмы сохраняют согласование, морфологически мотивированное префиксом имени существительного. Ср., например: *baye banene ba bana ba biso babele* (= *mibele*) *bazali malam* «эти начальники детей наших двух они-есть хорошие»; здесь числительное *-bele* «два» может согласовываться и «правильно», т. е. по префиксу 2 кл. мн. ч. *ba-*, как все остальные члены синтагмы, и по префиксу 4 кл. мн. ч. *mi-* — в нарушение «правильного» согласования².

Процесс стандартизации мн. числа, столь продвинутый в надэтнических языках, тем не менее не является атипологическим для языков банту. Этот процесс можно наблюдать и в межэтнических языках, а в начальной стадии и во внутриэтнических языках. Ср., например, руанда (межэтнический язык): *ataboko* «руки» (6 кл. мн. ч.) — *ukuboko* «рука» (15 кл. ед. ч.); куриа (внутриэтнический язык): *amaina* «ямы» (6 кл. мн. ч.) — *ubui-na* «яма» (14 кл. ед. ч.), *amatui* «уши» (6 кл. мн. ч.) — *ogotui* «ухо» (15 кл. ед. ч.). В надэтнических языках этот процесс стимулируется и приобретает характер регулярности под влиянием коммуникативных функций, выполняемых этими языками.

Грамматической инновацией, хотя и типологически предсказуемой, является в языке суахили возникновение принципиально нового разряда слов — наречий. Лексическим «резервом» для этого разряда слов служат, с одной стороны, так называемые идеофоны, а с другой стороны, имена существительные 7 согласовательного класса, одной из лексико-семантических характеристик которого является номинация образа действия [5, 9]. Что касается идеофонов, то они даже в современном языке суахили достаточно представительны и, выполняя функции атрибуции, могут определять не только глагол, прилагательное (что обычно свойственно «классическим» наречиям), но и имена существительные, притом что такие словосочетания не являются результатом семантико-синтаксического эллипсиса (ср. русск. *совсем старик* < *он стал совсем стариком* и т. п.), но изначально неразворачиваемыми, например: *adui sana* «враг сильный» (букв. «враг очень») и т. п.

Имена существительные 7 класса, номинирующие образ, способ действия, в современном языке суахили как бы разбиваются на два разряда — имена существительные и наречия. При этом имена существительные и вновь образуемые наречия противопоставляются друг другу по грамматическим характеристикам. А именно: имена существительные не могут коррелировать по признаку числа и употребляются только с преф. *ki-*, например: *kiswahili* «язык суахили» (< «говорить так, как говорят суа-

² Следует сказать, как это отмечают и исследователи языка лингала, — в разговорной речи возможна немотивированная трансформация согласовательной модели, что более всего характерно для 11 класса, например: *loyembo loyemu la biso lozali lolami* «песня эта наша она-есть красивая» и *loyembo oyo ya biso ezali malam*, где указательное местоимение согласовано по 3 кл. ед. числа, притяжательная частица *ya* и прилагательный согласователь *e-* — по 9 кл. ед. числа, прилагательное по 6 кл. мн. ч. *ma-*, т. е. обнаруживается почти полная потеря согласования.

хилийцы») при отсутствии противопоставления по 8 кл. мн. числа. Что же касается наречий, образованных от корней прилагательных, то среди них обнаруживаются следы корреляции 7—8 согласовательных классов. Проявляется это в том, что некоторые из них принимают префикс 8 класса *vi-/vy-/v-*, хотя такие словоформы настолько редки, что их можно задать списком, например: *vizuri* «красиво, прекрасно» < *vi-* + *-zuri*, где *-zuri* корнем прилагательного, ср.: *mtu mzuri* «человек красивый, прекрасный»; *vyema* «хорошо» < *vy-* + *-ema*, где *-ema* корень прилагательного, ср. *mtu mwema* «человек хороший»; *vingine* «иначе, различно» < *v-* + *-ingine*, где *-ingine* корень прилагательного, ср.: *mtu mwingine* «человек другой». Большинство же таких наречий образуется при помощи оформления корня прилагательных преф. *ki-*, например: *kidogo* «немного, мало» < *ki-* + *-dого*, где *-dого* корень прилагательного, ср.: *mtu mdogo* «человек маленький» и т. п. Однако наречия с преф. *vi-* не могут менять свой префикс на *ki-*, таким же образом наречия с преф. *ki-* не могут изменять его на *vi-*. Интересно отметить, что усиление признака или качества, выражаемого наречием с маркером *ki-*, выражается редупликацией наречия, например: *najua kidogo kidogo (kidogokidogo) lugha hii* «я знаю чуть-чуть (немного-немного) язык этот», ср.: *najua kidogo lugha hii* «я немного знаю этот язык» и т. п.

Одной из дистрибутивных особенностей преф. *ki-*, когда он образует наречия, является то, что он может выступать не только как префикс, но даже и как препрефикс. Такая его дистрибуция наблюдается в наречиях, образованных от имен существительных, например, *kiubaguzi* «расово» < *ki-u-baguzi*, где *u-* — префикс 11 кл.; *kiundugu* «по-братски» < *ki-u-n-dugu*, где *u-* — префикс 11 кл., а *n-* — префикс 9 класса.

Кроме цельнооформленных имен существительных и корней прилагательных, при помощи преф. *ki-* могут образовываться наречия и от цельнооформленных местоимений. Чаще всего таким образом оформляются притяжательные местоимения, согласованные по 17 локативному классу, например: *kikwetu* «по-нашему, как у нас» < *ki-kwetu*, *kikwao* «как у них», где *kwetu* и *kwao* — притяжательные местоимения соответственно 1-го и 3-го л. мн. числа, оформленные согласователем *ku-* 17 класса.

Что касается синтаксических характеристик наречий, то прежде всего следует отметить свободу их синтаксической дистрибуции в предложении и, затем, нахождение их вне системы согласования синтагмы, в которой они употребляются. Сумма характеристик позволяет выявить в языке суахили формирование нового лексико-грамматического разряда слов, которые можно определить как наречия [10]. Несомненно, что столь четко грамматически оформленный инновационный разряд слов, типологически не свойственный языкам банту, возникает под влиянием экстралингвистических факторов. Следует отметить, что в языке зулу, языке межэтнического общения, также намечается возникновение разряда наречий. В этом языке морфологическим маркером образования наречий становится преф. *ka-*, который занимает позицию префикса и может оформлять только корни прилагательных, например: *kahle* «хорошо» < *ka-* + *-hle*, *kancane* «мало» < *ka-* + *-ncane*, ср. (*umuntu*) *omuhle* «(человек) хороший», (*umuntu*) *omncane* «(человек) маленький» и т. п. Можно предположить, что показатель *ka-* является рудиментом префикса 13 согласовательного класса, который в современном языке зулу отсутствует. Совершенно очевидно, однако, что этот процесс в зулу еще только начинается и не так генерализован, как это обнаруживается в языке суахили.

Основная же особенность грамматического строя надэтнических языков — это возникновение категории одушевленности/неодушевленности, которая типологически не предсказуема и по сути своей иррелевантна для языков банту. Естественно предположить, что появление этой категории в языках, выполняющих функции надэтнических, диктуется не внутривидовыми изменениями, а экстралингвистическими причинами, природу которых, однако, трудно определить. Категория эта более четко выявляется в суахили и несколько менее рельефна в языке лингала, что, по всей видимости, объясняется тем, что язык суахили достаточно длитель-

ное время использовался в качестве надэтнического языка, в то время как лингала сравнительно недавно получил этот статус.

В суахили, как и в лингала, категория одушевленности/неодушевленности совмещается с корреляцией ед./мн. числа. Основной критерий противопоставления одушевленности и неодушевленности — семантический, а именно, все номинанты живых существ, независимо от того, к какому согласовательному классу они относятся, противопоставляются неживым объектам номинации. И несмотря на то, что для маркирования этой категории используются на уровне выражения префиксы классов и их согласовательные трансформы, на уровне содержания эта категория суперклассная, вводящая коренную лексико-семантическую переструктуризацию системы согласовательных классов. Из всех классов как бы изымаются все номинанты, маркирующие живые объекты, и противопоставляются всем остальным согласовательным классам, маркирующим неживые объекты, при этом для неживых объектов номинации сохраняется исходная система согласовательных классов.

В данном случае мы имеем дело с более глубинным явлением, чем образование таких типологически предсказуемых инновационных категорий, как стандартизация мн. числа, поскольку речь идет о переструктуризации процессов осмысления окружающей среды, о разграничении объектов именно по признаку живой/неживой, что, естественно, реализуется в языке. Некоторые исследователи языков банту, в частности языка лингала [8], предпочитают рассматривать это явление в рамках категории класса, кодируя такие номинанты, наряду с другими, как относящиеся к 1а классу. Такая интерпретация представляется не совсем удачной, поскольку, во-первых, она недостаточно последовательна на формальном уровне, а во-вторых, затемняет образование семантически отличной от классов, инновационной категории. Формальная некорректность отнесения всех одушевленных номинаций к 1а классу заключается, как кажется, в том, что в лингала имена существительные, обозначающие одушевленные объекты, сохраняют, особенно в ед. числе, изначальный префикс своего класса, заимствуя только согласовательную модель по 1 классу, например: *nzoku* «слон» (9 кл. ед. ч.), *ndeke* «птица» (9 кл. ед. ч.), *tonganga* «знахарь, врач» (3 кл. ед. ч.). Таким образом, кажется, было бы логичнее вычленять в каждом классе ед. числа подклассы одушевленных имен существительных — 3а, 9а и т.п., что, в свою очередь, не удовлетворяет требованиям емкости описания языка и, как уже говорилось, неадекватно отражает глубинность, надклассный характер категории одушевленности/неодушевленности. Еще большее неудобство такого оформления данной категории представляется для языка суахили, в описании которого, кстати, подобный метод не используется именно в связи с тем, что здесь категория одушевленности/неодушевленности выражается на морфологическом уровне более четко и могут быть сформулированы правила грамматического оформления данной категории.

В языке суахили маркировка категории одушевленности реализуется как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях. Основными морфологическими маркерами этой категории выступают префиксы 1 класса ед. ч. (*tu-/mw-/m-*) и 2 класса мн. ч. (*wa-/w-*); морфологические приемы маркирования одушевленности следующие: 1) замена исходного классного префикса имени существительного не 1 класса префиксом этого класса, например: *mwongozi* «вождь, руководитель» (1 кл. ед. ч.) < < *kiongozi* «вождь», первоначально «проводник» (7 кл. мн. ч.), 2) препрефиксация, т. е. префигирование маркера 1 класса к уже цельнооформленному имени существительному, например: *mndege* «птица» (1 кл. ед. ч.) < *m-n-dege*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа, *mnyama* «животное» (1 кл. ед. ч.) < *m-ny-ama*, где *-ny-* — префикс 9 кл. ед. числа и т. п. Зачастую слово не 1 класса без препрефикса остается в лексическом корпусе исходного класса, но уже с измененной семантикой, ср., например: *ndege* «самолет» (9 кл. ед. ч.), первоначально «птица»; *nyama* «мясо» (9 кл. ед. ч.), первоначально «животное». Естественно, что во мн. числе таким образом переоформленные имена существительные получают преф. *wa-/w-*,

например: *waongozi* «водители, руководители» (2 кл. ед. ч.), *wandege* «птицы» (2 кл. мн. ч.), *wanyama* «животные» (2 кл. мн. ч.) и т. п.

Возможна также неполная морфологическая маркированность одушевленных имен существительных, а именно префигирование маркера одушевленности только во мн. числе, т. е. префикса 2 класса *wa-* при отсутствии соответствующего префикса ед. числа, т. е. префикса 1 класса, например: *warafiki* «друзья» (2 кл. мн. ч.), первоначально *rafiki* «друзья» (10 кл. мн. ч.), но *rafiki* «друг» (9 кл. ед. ч.). При наличии тенденции к стандартизации числа, когда префиксы *ma-* (6 кл.) и *wa-* (2 кл.) могут быть грамматически синонимичны, возможно оформление одушевленного имени существительного во мн. числе преф. *ma-*, например: *warafiki* «друзья» (2 кл. мн. ч.) = *marafiki* «друзья» (6 кл. мн. ч.), *wachina* «китайцы» (2 кл. мн. ч.) = *machina* «китайцы» (6 кл. мн. ч.) и т. п. Некоторые номинанты одушевленных объектов при неполно морфологическом оформлении могут получать преф. *ma-* во мн. числе, сохраняя исходный префикс в ед. числе, а иногда и во мн. числе, например: *masimba* «львы» (6 кл. мн. ч.) = *simba* «львы» (10 кл. мн. ч.) — *simba* «лев» (9 кл. ед. ч.); *makunguru* «вороны» (6 кл. мн. ч.) = *kunguru* «вороны» (10 кл. мн. ч.) — *kunguru* «ворона» (9 кл. ед. ч.).

Такому сравнительно большому разнообразию оформления одушевленных имен существительных на морфологическом уровне противопоставляется строго запрограммированное обозначение одушевленности на синтаксическом уровне, а именно, согласовательная модель одушевленного имени существительного, независимо от того, префиксом какого класса оно оформлено, получает в ед. числе модель согласования 1 класса, а во мн. числе — модель 2 класса. Например: *simba huyu mkuu amekufa* «лев этот старый он-умер»; *simba hawa wakuu wamekufa* «львы эти старые они-умерли»; *masimba hawa wakuu wamekufa* «львы эти старые они-умерли». Как видно из примеров, одушевленное имя существительное или существительное *simba* «лев», изначально относящееся к 9 согласовательному классу с $\emptyset$ - в ед. числе, согласуется по 1 классу, а во мн. числе, несмотря на то, что оно сохраняет исходный префикс 10 класса, равный $\emptyset$ -, или оформляется префиксом 6 класса *ma-*, согласуется по модели 2 класса мн. числа. Совершенно очевидно, что одушевленные имена существительные, переформированные в ед. числе префиксом 1 класса, а во мн. числе префиксом 2 класса, в синтагме согласуются по модели этих классов. Нарушения согласования по этим моделям допустимы лишь в нескольких строго ограниченных случаях, вызываемых лексико-семантическими признаками каждого данного имени существительного или формальными характеристиками определенного звена согласовательной модели. Так, например, слово *kidudu* «микроб» (7 кл.), диминутив от *dudu* «насекомое» (5 кл.), не воспринимается говорящими на суахили как одушевленный объект, и поэтому согласовательная модель этого имени сохраняется исходная — в ед. числе по 7 классу, а во мн. числе по 8 согласовательному классу, как и другие неодушевленные номинанты 7 класса. Так же и лексико-семантический критерий допускает в словосочетании «сушеная рыба» использовать маркер одушевленности, т. е. префикс 1 класса, или равно сохранить имманентное согласование по 9 классу: *samaki aliyekaushwa* букв. «рыба она-которая-была-высушена» = *samaki iliyokaushwa* (1 кл. ед. ч. = 9 кл. ед. ч.). Префикс 6 класса мн. ч. *ma-*, маркирующий собирательную множественность, лексико-семантически значимую, может сохранить исходную согласовательную модель и для одушевленных имен существительных, например: *Wakati manyani yameingia bustani aliyatukana akayasimanga* «Когда бабуины они-вошли в-сад, она-их-ругала, она-их-бранила». В данном контексте преф. *ma-* и сохраняемая по нему согласовательная модель акцентируют то, что речь идет не о каком-либо количестве бабуинов, а о стаде бабуинов, т. е. акцентируется собирательное множество.

Допущение имманентного согласования в определенном звене согласовательной модели диктуется необходимостью и значимостью дифференциации ед. и мн. числа. Так, термины родства, сохраняющие исходные префиксы 9 и 10 классов, могут и предпочтительно сохраняют согласо-

ние притяжательных местоимений по этим классам, например: *ndugu yangu* «брат мой» (9 кл. ед. ч.) — *ndugu zangu* (10 кл. мн. ч.). Как представляется, согласование притяжательных местоимений по модели исходного класса сохраняется в силу того, что формы согласователей этого разряда слов в 1 и 2 классах оморфичны, а при согласовании по исходным 9 и 10 классам дифференцированы, ср., например: *ndugu wangu* «брат мой» (1 кл. ед. ч.) — *ndugu wangu* «братья мои» (2 кл. мн. ч.), но *ndugu yangu* «брат мой» (9 кл. ед. ч.) — *ndugu zangu* «братья мои» (10 кл. мн. ч.). Если учесть оморфичность и префиксов 9 и 10 классов, то необходимость дифференциации хотя бы в одном звене согласовательной модели становится еще более релевантной, поскольку лексемы этой группы терминологически обслуживают систему родственных отношений, до сих пор являющуюся этнографически значимой [11]. Несомненно, что эти «нарушения» вызываются экстралингвистическими факторами. Следует отметить, однако, что в нейтральном контексте возможно последовательное и регулярное согласование притяжательных местоимений по 1 кл. в ед. числе и по 2 классу мн. числа, т. е. *ndugu yangu* «брат мой» (1 кл. ед. ч.) — *ndugu wangu* «братья мои» (2 кл. мн. ч.). То же относится к некоторым другим номинантам, например: *rafiki yangu* «друг мой» (9 кл. ед. ч.) — *rafiki zangu* «друзья мои» (10 кл. мн. ч.), а также *rafiki wangu* «друг мой» (1 кл. ед. ч.) — *rafiki wangu* «друзья мои» (2 кл. ед. ч.).

Лексическая семантика подкласса одушевленных имен существительных, кроме имен 1 класса, традиционно называемого «классом людей», включает также: 1) термины родства, например, *baba* «отец» (исходно 9 кл. ед. ч.), *tama* «мать» (9 кл. ед. ч.); 2) термины титулования, например: *bwana* «господин» (9 кл. ед. ч.), *bibi* «госпожа» (9 кл. ед. ч.), *mwongozi* «вождь» (1 кл. ед. ч.); 3) номинации людей с точки зрения их взаимоотношений: *rafiki* «друг» (9 кл. ед. ч.), *adui* «враг» (9 кл. ед. ч.); 4) наименования всех живых существ: *sungura* «заяц» (9 кл. ед. ч.), *kidungadunga* «долгоносик» (7 кл. ед. ч.), *dudu* «насекомое» (5 кл. ед. ч.). При этом исходная принадлежность к тому или иному классу, очевидно, не учитывается.

Категория одушевленности/неодушевленности наличествует и в языке лингала. Однако она проявляется не так четко, как в языке суахили. Маркер одушевленности в лингала на морфологическом уровне обнаруживается только во мн. числе, т. е. в этом языке имеется только морфологически неполно оформленная модель категории одушевленности. Маркером в данном случае выступает префикс 2 кл. *ba-*, который не вытесняет исходный префикс имени существительного со значением одушевленности, но выступает в позиции препрефикса в тех случаях, когда речь идет не об именах существительных 1 кл. ед. числа, где префикс класса людей, изначально номинирующий одушевленные объекты, регулярно сменяет префикс 1 класса ед. числа. Ср., например: *moto* «человек» (1 кл. ед. ч.) — *bato* «люди» (2 кл. мн. ч.), но *bandeko* «братья» < *ba-n-deko*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа — *ndeko* «брат» < *n-deko*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа; *banzoku* «слоны» < *ba-n-zoku*, где *-n-* — маркер 9 кл. ед. числа и т. п. Процесс стандартизации категории числа, проявляющийся даже более сильно в языке лингала, чем в языке суахили, имеет те же результаты, о которых говорилось по поводу аналогичных процессов в языке суахили, а именно, в лингала во мн. числе одушевленные объекты номинации могут получать показатели не только 2 класса *ba-* обязательно в позиции препрефикса, если речь идет об именах существительных не 1 класса, но и сохранять имманентный префикс 4 или 6 классов (*mi-* или *ta-*), реже 10 кл. (*n-*), например: *minganga* «знахари, врачи» (4 кл. мн. ч.), *makilo* «вдовы/вдовцы», *pusi* «коты» (10 кл. мн. ч.). Иногда возможна взаимозаменяемость префиксов *ba-* (2 кл.) и *ma-* (6 кл.), ср., например: *makilo* = *bakilo* «вдовы». Префигирование префикса мн. ч. *ba-* зачастую не вытесняет имманентный префикс ед. числа при образовании мн. числа одушевленных имен существительных, например: *bandeko* «братья» (2 кл. мн. ч.) < *ba-n-deko*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа, *banzoku* «слоны» (2 кл. мн. ч.) < *ba-n-zoku*, где *-n-* — префикс 9 кл. ед. числа и т. п. Возможно префигирование префикса *ba-* к префиксу какого-либо другого

класса мн. числа, например: *minganga* «врачи, знахари» (4 кл. мн. ч.) = *baminganga* (2 кл. мн. ч.) < *ba-mi-nganga*, где *-mi-* — префикс 4 кл. мн. числа; *nzoku* «слоны» (10 кл. мн. ч.) = *banzoku* «слоны» < *ba-n-zoku* (2 кл. мн. ч.), где *-n-* — префикс 10 кл. мн. числа (ср. *nzoku iye* «слоны эти», 10 кл. мн. ч. = *banzoku baye* «слоны эти», 2 кл. мн. ч.).

Следует отметить, что при наложении препрефикса имманентный префикс погашает свои грамматические функции как на морфологическом, так и на синтаксическом уровнях, что относится как к языку суахили, так и к языку лингала. В такой дистрибуции имманентный префикс становится грамматически незначимым, он теряет не только способность порождать согласовательную модель, но и выражать категорию числа. Эти функции принимает на себя препрефикс. Исходный же префикс в позиции инфикса становится как бы неграмматической пометой принадлежности данного слова к изначальному классу. Этим и объясняется возможность сочетания препрефикса со значением мн. числа с изначальным препрефиксом ед. числа. Ср., например, суахили: *wanyata* «животные» < *wa-ny-ata*, где *wa-* — префикс 2 кл. мн. числа, а *-ny-* — показатель 9 кл. ед. числа; лингала: *bandeko* < *ba-n-deko* «братья», где *ba-* — префикс 2 кл. мн. числа, а *-n-* — показатель 9 кл. ед. числа, и т. п. При морфологически неполно оформленном способе образования одушевленных имен существительных в суахили и в лингала, исходный префикс ед. числа или префиксы мн. ч. *ta-* (в суахили и лингала), *mi-* и *n-* (в лингала) сохраняют категориальные характеристики числа, но теряют возможность манифестировать согласование существительного в синтагме, ср. в суахили: *kijana wangu ule anasoma* «юноша наш тот он-читает» и *vijana wangu wale wanasona* «юноши наши те читают» (о языке лингала см. ниже).

На синтаксическом уровне в лингала категория одушевленности выявляется гораздо четче, а именно, одушевленные номинанты, как правило, получают в ед. числе согласование по 1 классу, а во мн. числе по 2 классу, независимо от того, префиксом какого класса обозначается эта категория. Ср., например: *soda ona molami wa tokonzi* «солдат этот хороший вождя» (букв. «он-принадлежащий вождю»), где *soda* «солдат» (9 кл.) получает согласование по 1 классу, притом что исходный префикс, равный $\emptyset$ -, относит это слово к 9 классу. В этих случаях префикс исходного класса сохраняет за собой выражение категории числа, но теряет возможность определять синтаксическую модель. То же в примере: *minganga baye ba mboka wana bapeselaki bakono nkisi* «врачи эти деревни той они-дали больным лекарства», где *mi-* — префикс 4 кл. мн. числа выражает категорию числа, но иррелевантен на синтаксическом уровне. Естественно, что имена существительные, во мн. числе префигирующие препрефикс *ba-*, полностью теряют грамматическую значимость префикса исходного класса, например: *bandeke balamu bazali na ndako* «птицы хорошие они-находятся в доме», где *ba-* — префикс 2 кл. мн. числа выражает категорию мн. числа и манифестирует согласовательную модель в синтагме.

Необходимо, однако, отметить, что в лингала многие имена существительные, номинирующие одушевленные объекты, могут сохранять как исходный префикс, так и согласование по нему и в ед. и во мн. числе. Главным образом, такими существительными бывают номинанты животных, ср., например: *nzoku ena, ezali nke* «слон тот он-есть маленький» = *nzoku ona azali nke* «слон тот он-есть маленький», где в первом случае имя существительное *nzoku* «слон» сохраняет и исходный префикс 9 класса *n-* и модель согласования по этому же классу. Такая сравнительная неустойчивость формального маркирования категории одушевленности вызвана, как уже упоминалось ранее, недавним возникновением в этом языке категории одушевленности, коррелирующей с неодушевленностью.

Лексико-семантическое содержание группы существительных, номинирующих одушевленные объекты, кроме существительных 1 класса (класса собственно людей) может включать имена существительные, обозначающие: 1) термины родства, например: *nyonga* «мать», *nkoko* «прародитель»; 2) названия человеческих профессий, например: *soda* «солдат» (9 кл. ед. ч.), *kabinda* «плотник»; 3) социальный статус людей: *nsomi* «сво-

бодный человек», *nkolo* «хозяин»; 4) животных: *nzoku* «слон», *farasa* «лошадь», *pusi* «кот» и т. п. Относительная нерегулярность реализации в языке лингала категории одушевленность/неодушевленность не мешает ее вычленению в современном языке, а проявления ее на уровне выражения идентичны тем проявлениям, которые формально строги в языке суахили.

Таким образом, в надэтнических языках банту (лингала и суахили) появляется принципиально инновационная категория, типологически не предсказуемая грамматической структурой языков банту и вызываемая коммуникативной функцией этих языков. Представляется возможным, как уже упоминалось, связывать появление этой инновации с глубинным переосмыслением окружающей действительности, в результате которого возникает надклассная категория, противопоставляющаяся исконной системе классов по этому признаку, т. е. исконная система классов остается действительной, по сути дела, только для неодушевленных номинантов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Жуков А. А. Культура, язык и литература суахили. Л., 1983.
2. Топорова И. Н. Язык лингала. М., 1973.
3. Whiteley W. Swahili. The rise of a national language. London, 1969.
4. Жуков А. А. О некоторых грамматических категориях имен существительных в языках банту.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1966, т. 40 (Africana. Культура и языки народов Африки).
5. Meinhof K. Grundzüge einer vergleichenden Grammatik der Bantusprachen, Hamburg, 1948.
6. Doke C. M. Bantu linguistic terminology. London, 1935.
7. Guthrie M. Comparative Bantu. An introduction to the comparative and prehistory of the Bantu languages. V. 1. London, 1967.
8. Топорова И. Н. Грамматический очерк.— В кн.: Топорова И. Н. Лингала-русский словарь. М., 1983.
9. Охотина Н. В. Морфемная структура служебных слов и так называемых наречий в языке суахили.— В кн.: Языки Африки. Вопросы структуры истории и типологии. М., 1966.
10. Громова Н. В. Пути формирования наречий в языке суахили: Тезисы докладов советской делегации на 2-й симпозиум ученых социалистических стран на тему «Теоретические проблемы языков Азии и Африки» (Варшава — Краков, 9—16 ноября 1980 г.). М., 1980.
11. Мисюгин В. М. Суахилийская хроника средневекового государства Пате.— Труды Ин-та этнографии АН СССР, 1966, т. 40 (Africana. Культура и языки народов Африки).

ЛЕБЕДЕВА Л. Б.

К ПРОБЛЕМЕ ОБЩЕРЕФЕРЕНТНЫХ ВЫСКАЗЫВАНИЙ

В статье рассматриваются семантико-синтаксические особенности, которые присущи общереферентным высказываниям, и прослеживается их связь с характером референции. Референция — это отнесение высказывания к миру, референт — это тот элемент мира, к которому относится высказываемое. Само понятие референции, отражающее связь языка и действительности, сложилось и получило определенность при разработке логико-философских проблем языка науки [1, ср. 2—4]. Референциальный подход дал возможность по-новому, содержательно осмыслить сущность некоторых чисто лингвистических явлений прежде всего в области синтаксиса и семантики, т. е. именно в тех областях, которые обуславливают отбор языковых средств и принципы построения высказываний [5, 6]. Лингвистическая значимость референциальных характеристик особенно ясно проявляется при сопоставлении высказываний, различающихся по типу референции.

Наиболее существенным различием референциального плана, позволяющим выделить два противостоящих друг другу типа высказываний, мы считаем различие между конкретной и общей референцией и соответственно между высказываниями конкретно-референтными (или конкретными) и высказываниями общереферентными. Различны здесь в первую очередь сами референты и — уже вследствие этого — способы референции и связанные с ними характеристики высказываний. Референт конкретного высказывания — это отдельный индивидуальный объект или индивидуальное лицо (в частном случае — группа объектов или лиц), тождественные сами себе при возможном изменении некоторых характеристик: *Николай студент/будет инженером/холост/собирается жениться/живет за городом/поселился в общежитии/весел/печален* и т. д. (во всех случаях это один и тот же человек, именуемый Николаем). Референт общереферентного высказывания — это множество объектов, которые, независимо от всех прочих свойств, обнаруживают определенные общие признаки (*студенты, инженеры, женатые люди, городские жители, веселые люди* и т. д.), это открытый класс, куда объект может быть включен не потому, что это «он», а потому, что он «такой». В конкретном высказывании мы имеем дело с референцией в собственном, узком смысле слова, т. е. с указанием на объект, которое может быть и прямым (*этот человек*), и опосредованным — опираться на какой-то признак или совокупность признаков, которые отличают его от всех прочих объектов (хотя бы в данной ситуации) и затем, закрепляясь за ним, могут стать его опознавательным знаком. Если речь идет о лице и известно его имя, таким опознавательным знаком, естественно, становится имя. Конкретная референция должна обеспечить уверенное нахождение объекта, о котором делается высказывание. Общая референция призвана задать критерий, обеспечивающий отбор тех объектов, по отношению к которым высказываемое является правоммерным. Соотнесение с референтом при этом всегда опосредовано заданными в высказывании признаками.

Этим определяется ряд особенностей общереферентных высказываний, отличающих их от конкретных высказываний. В конкретном высказывании наблюдается четкое закрепление референтной функции за субъектным выражением, причем выбор пути для осуществления конкретной референции, как правило, никак не отражается на выборе предиката, т. е. смысл предиката не зависит от смысла субъектного выражения, ср.: *Этот человек/Николай/студент/мой друг/вошедший/парень в сером свитере* и т. д.

был очень возбужден. В общереферентном высказывании выбор признаков, опосредующих референцию, имеет первостепенное значение для смысла высказывания. Смысл субъекта далеко не безразличен для смысла предиката, и выбор предиката ограничивается тем строже, чем более дифференцированы признаки референта. Так, о классе референтов, обнаруживающих признак «человек», можно высказать гораздо больше, чем о классе референтов, очерченном смыслом слова *полковник*, которое предполагает предикаты, так или иначе связанные с родом деятельности, в данном случае с военной службой. Наличие смысловой координации между субъектом и предикатом является существенным признаком общереферентного высказывания. Если оно нарушается, то высказывание отклоняется от нормы. Такое нарушение заставляет воспринимать высказывание как относящееся к весьма конкретному референту, но завуалированное, притом преподнесенное в обобщенной форме, например: *Некоторые отличники любят дразнить младших сестренек*. Подобное нарушение может стать своеобразным стилистическим приемом, придающим повествованию оттенок тонкой иронии, как в следующем отрывке из «Смерти Вазир-Мухтара» Ю. Тынянова: «Человеческая несправедливость приносит тайную радость отставным полковникам, даже если она направлена лично против них, потому что отставной полковник к концу жизни ощущает в груди горькую точку. Эта горькая точка требует пищи. Отставные полковники могут умереть от благополучия. Не то прапорщик». В каждом из этих случаев стилистическая окрашенность высказываний основана именно на несоответствии формы содержанию: конкретно-референтное высказывание облекается в форму общереферентного.

Для смысла общереферентного высказывания большое значение имеет дифференциация референции, или — точнее — дифференциация признаков, позволяющих с наибольшей четкостью выделить в мире релевантные для высказывания объекты. К конкретному высказыванию это понятие неприменимо. В общереферентном высказывании основные признаки референта обычно задаются субъективным выражением. Однако границы класса, являющегося объектом общей референции, могут дополнительно уточняться другими путями. Класс может ограничиваться извне — в этом случае уточняется фрагмент мира, на который распространяется область действия референции. Эту функцию выполняют различные локативные члены, которые также вовлекаются в механизм референции [7]. Объем референтного класса может уточняться и другим способом — изнутри. В этом случае в высказывании указываются дополнительные признаки и сообщение относится только к выделенной по этим признакам части класса. Так, в высказывании *Мудрый человек честен* сообщение о честности делается по отношению к тем людям, которые мудры, а не к людям вообще. Такое высказывание более сложно, чем, например, высказывание *Человек смертен*, т. к. в нем осуществляется два семантических акта: акт выделения релевантной для сообщения части класса (не любой человек, а тот, который мудр) и акт сообщения о выделенных объектах (такой человек честен). Среди общереферентных высказываний, таким образом, выделяются два вида: высказывания только сообщающие (*Человек смертен*) и высказывания, где одновременно с актом сообщения производится акт выделения релевантной для сообщения части класса (*Мудрый человек честен*). Нас интересуют высказывания, совмещающие сообщение с выделением, и — более конкретно — средства, используемые в общереферентных высказываниях для сообщения и выделения, взаимодействие сообщения и выделения в них, а также возможность классификации предикатов по их отношению к функциям сообщения и выделения.

И выделение, и сообщение можно, по-видимому, рассматривать как акты глубинной предикации, хотя в поверхностной структуре высказывания они не обязательно представлены в предикатной форме. Возможно, очевидно, говорить о предикации выделения и предикации сообщения, предикатах выделения и предикатах сообщения и т. п. Высказывания с выделением и сообщением распадаются на два больших класса, различающихся наборами средств выделения и сообщения.

Признаки, характерные для первого класса, наиболее четко выражены у неопределенных высказываний со словом *некоторые* и их эквивалентов. Эти высказывания содержат сообщение о существовании в мире части класса, выделяемой по указанным признакам. Глубинная структура таких высказываний находит самое непосредственное отражение в дупредикатной структуре экзистенциальных эквивалентов неопределенных высказываний, например: *Есть/бывают/встречаются люди, которые обладают несколькими талантами*, ср.: *Некоторые люди обладают несколькими талантами*. В обоих случаях акт выделения принимает предикатную форму (в экзистенциальном предложении это предикат внутри атрибутивного придаточного), однако в экзистенциальном варианте предикатная форма соответствует также и предикации сообщения (*есть, бывают*). В неопределенном варианте предикация сообщения скрыта за атрибутивной связью субъектного имени *люди* со словом *некоторые* (квантор существования), которое в то же время расчленяет объем класса, называемого субъектным именем.

Выделяющая роль присубъектного атрибута в экзистенциальном предложении, аналогичная роли предиката при субъекте с кванторным атрибутом *некоторые*, не является отличительной чертой только общереферентных высказываний, хотя и здесь общереферентные высказывания обнаруживают свою специфику [8, с. 74—77]. В частности, в экзистенциальных предложениях с общереферентным субъектом прослеживается отчетливая тенденция к употреблению атрибутов с предикатной структурой, т. е. придаточных предложений или по крайней мере причастных оборотов, тогда как в конкретных высказываниях широко употребляются атрибуты-прилагательные, ср.: *Среди моих друзей есть интересные люди при сомнительной возможности? Есть интересные люди*. Прилагательное в качестве атрибута при общереферентном субъекте в таких высказываниях допустимо только в том случае, если оно имеет зависимые члены. Такие определения обычно находятся в постпозиции к имени и легко развертываются в предикатные структуры, например: *Есть люди, чрезвычайно чуткие к страданиям других*.

Наряду с упомянутыми выше высказываниями, совмещающие выделение с сообщением о существовании, могут принимать и другие формы, возможные только в общереферентном типе. Функцию, аналогичную квантору *некоторые*, может выполнять временное кванторное слово *иногда*: *Иногда люди обладают несколькими талантами*. Возможность более или менее равноценной квантификации общих высказываний как с помощью кванторов *все, некоторые, ни один*, так и посредством временных кванторов *всегда, иногда, никогда* неоднократно отмечалась лингвистами [9—11]. Общереферентный класс может представляться и как совокупность однородных элементов, сосуществующих вне времени, и как проходящая перед субъектом последовательность элементов. *Всегда* при этом осмысливается как «во всех случаях», а *иногда* — как «в некоторых случаях». Аналогичную роль при определенных условиях выполняет модальное слово *мочь* в составе сказуемого: *Люди могут обладать несколькими талантами*. Утверждение о возможности является обоснованным при наличии аналогичных прецедентов, и в определенных случаях импликация существования в глаголе *мочь* практически перерастает в утверждение о существовании, ср.: «...иммунитет не всегда друг. Он может быть и врагом» (Р. Петров, Беседы о новой иммунологии), где *может быть* противопоставлено *всегда* точно так же, как утверждению с *всегда* противостояло бы утверждение с *иногда*. Функция глагола *мочь* здесь тесно сближается с функцией квантора *некоторые*: констатируется существование определенного рода референтов. Вместе с тем предполагается, что обозначенные в предикате признаки характеризуют не весь класс, а проявляются в отдельных случаях, т. е. имеется в виду одновременное расчленение объема референтного класса. Такую же расчленяюще-констатирующую функцию способен выполнять глагол *бывать* в составе именного предиката: *Люди бывают разносторонне одаренными*. *Бывать* предполагает прерывность временной последовательности и в этом аналогично квантору *иногда*. Выделение во

всех этих случаях осуществляется в предикатной форме, но в составном сказуемом, включающем слова *может* и *бывает*, совмещаются две, четко, впрочем, размежеванные функции: констатация наличия и одновременное расчленение у модального или связочного слова и характеристика выделяемой части класса, осуществляемая основной смысловой частью предиката.

С сообщением о существовании в рамках класса элементов с заданными свойствами может совмещаться сообщение об относительной распространенности таких элементов в его пределах. Такого рода сложное сообщение реализуется в описанных выше формах с включением количественных характеристик, например: *Есть немного людей, которые умеют красиво проигрывать* — *Редко встречаются люди, которые умеют красиво проигрывать* — *Люди редко бывают способны красиво проиграть*.

Сообщение о распространенности определенной разновидности референтов не обязательно сопровождается сообщением о существовании, оно может быть и вполне самостоятельным сообщением. В этом случае оно может передаваться присубъектным атрибутом с количественным значением: *Немногие люди умеют красиво проигрывать*. Существуют также предикаты с соответствующими лексическими значениями: *редки* (*редкость*), *распространены*, *обычны* и т. п. Выделение при этом осуществляется присубъектным атрибутом, например: *Люди старше ста лет на Кавказе не редкость*. Такая форма реализации выделения и сообщения наблюдается у высказываний, относящихся к другому классу, который рассматривается в следующем разделе.

Отличительные черты второго класса общереферентных высказываний, совмещающих выделение и сообщение, наиболее ярко демонстрируют высказывания, где делается сообщение о признаках, так или иначе зависимых от тех признаков, на основе которых выделяется соответствующая часть референтного класса. Так, в приводившемся выше примере честность у людей рассматривается как зависимое от мудрости. Частным случаем таких высказываний являются высказывания с отрицательной зависимостью признаков, о которых делается сообщение, от признаков, выделяющих определенную часть класса, т. е. признаки, предикцируемые классу в целом, остающиеся в силе, несмотря на наличие особо отмеченных признаков, ср.: «...все мы люди, понемногу у нас всех это есть: ведь и самый страстный охотник с трудом скрепит в себе слабое сердце, когда подстреленный зверь умирает, и самый нежный поэт хотел бы присвоить и цветок, и оленя, и птицу» (М. Пришвин).

У общереферентных высказываний этого класса предикат сообщения, как правило, совпадает с предикатом всего высказывания, а средства выделения варьируются в достаточно широком диапазоне. Предикация выделения также нередко принимает в поверхностной структуре предикатную форму, когда выделение производится придаточными предложениями, которые могут быть разных типов. Функцию выделения могут выполнять условные и временные придаточные предложения, а также атрибутивные придаточные при субъекте и субъектные придаточные. Предикация выделения нередко также принимает форму атрибутивной связи. Эти столь различные синтаксические средства становятся синонимическими, ср.: *Если человек целеустремлен, он многого добивается* — *Когда человек целеустремлен, он многого добивается* — *Человек, который целеустремлен, многого добивается* — *Тот, кто целеустремлен, многого добивается*. Сама возможность подобной синонимии обусловлена спецификой общей референции, с которой связана особая функция выделения части класса. Подобно отождествлению референта в конкретных высказываниях, выделение референта может осуществляться различными путями. Разнообразие способов выделения, как и разнообразие способов квантификации, в общереферентных высказываниях во многом обусловлено разными возможностями представления общереферентного класса.

Из перечисленных выше средств с функцией выделения наиболее последовательно связаны условные придаточные предложения с союзом *если*

в высказываниях, где предикаты главного и придаточного предложений относятся к одному и тому же субъекту. Исключения составляют только те *если-придаточные*, которые выражают нереальное условие в гипотетических высказываниях, таких, например, как: «Если б нас не одолевали гнусные черви мелких будничных зол, мы легко раздавили бы страшных змей наших несчастий» (М. Горький) или «Мне кажется, что мы, люди, очень скоро растеряем все ценное, если будем друг к другу равнодушны» (Т. Пулатов). В таких предложениях признаки сообщения распространяются на весь референтный класс. В подавляющем большинстве случаев предикат *если-придаточного* отмечает признаки, выделяющие ту часть обозначенного субъектным выражением класса, к которой правомерно относится предикат главного предложения, например: «...если у пишущих есть талант и им удастся показать то, что они хотели, им ставят памятники» (Л. Андреев), т. е. памятники ставят не всем пишущим, а только тем, которые характеризуются указанными признаками. Предложения с условными придаточными очень четко выражают закономерные зависимости между отдельными свойствами объектов и поэтому довольно часто используются для научных формулировок.

Временные придаточные предложения с союзом *когда* также при определенных условиях могут осуществлять выделение. В этих случаях они допускают трансформацию в условные придаточные. Так, например, высказывание «Когда сыплются на человека в продолжение многих лет несправедливые оскорбления, он становится к ним бесчувствен и равнодушен» (Н. Помяловский) может быть перефразировано с *если*. Значение временной соотнесенности, которое никогда полностью не стирается в таких придаточных, иногда выходит на первый план при сохранении выделяющей функции. Утрата этого значения при трансформации делает ее не вполне равнозначной, ср.: «Когда человек зол на человека, он узнает и расскажет всю подноготную своего врага, подсмотрит и подслушает, припомнит, что давно забыто,— и за все будет казнить» (Н. Помяловский) и *Если человек зол на человека...* Когда же временные придаточные осуществляют только временную координацию двух предикатов, выделяющей силы они не имеют и *если-трансформацию* не допускают: «С давних пор так уже повелось у нас на Руси, что никто столько не напугает, когда объясняет дорогу, как местный житель...» (К. Паустовский).

Атрибутивные придаточные более тесно связаны с субъектным именем и осуществляют выделение, непосредственно соотнося сообщение только с заданными, а не со всеми элементами референтного класса: «...человек, которому больно, становится добрее ко всему живому» (О. Гончар). Выделительная функция, однако, не единственная функция присубъектных атрибутов, выраженных придаточными предложениями или функционально близкими к ним причастными оборотами, которые часто используются для введения в высказывания разного рода дополнительной информации, имеющей отношение ко всему классу в целом, ср.: «Мысли, которых вы так не любите, для молодых губельны, для стариков же... составляют норму» (А. Чехов). Этим способом введения информации поясняющего характера широко пользуется научная проза. Логическая структура высказывания при этом усложняется, как, например, в таком достаточно типичном отрывке: «Возбуждение и торможение, обладающие способностью достигать большей или меньшей силы, а также нарастать и убывать с большей или меньшей быстротой, находятся как бы в состоянии постоянной борьбы между собой, обуславливая нормальную деятельность коры головного мозга в каждый отдельный момент» (В. Зеленин).

В рамках предельно широких классов (люди, вещи, явления) выделение также может осуществляться субъектными придаточными предложениями: «Тот не писатель, кто не прибавил к зрению человека хотя бы немного зоркости» (К. Паустовский). Этот способ выделения однозначен, однако используется гораздо реже других.

На тех случаях, когда выделение осуществляется с помощью атрибутов-прилагательных в составе субъектного выражения, следует остановиться особо. Дело в том, что за субъектными выражениями подобной

структуры далеко не всегда скрывается предикация выделения. Во многих случаях субъектное сочетание такой формы не ведет к выделению, которое каждый раз делается *ad hoc*, с ориентацией на предикат сообщения, а является сложным обозначением некоторого заданного класса (ср.: *Карельская береза обладает ценной древесиной; Нервные клетки не восстанавливаются*).

В какой-то мере о выделяющем или невыделяющем характере атрибута можно судить, исходя из семантики самого сочетания. Существуют сочетания, являющиеся целостными номинативными единицами, — это сложные названия различных видов и подвидов в естественных классификациях (*карельская береза, черный лебедь, полевой шпат*), а также сочетания существительных, характеризующих денотат по функции при сочетании с относительными отыменными прилагательными (*спортивный комментатор, газовый баллон*)¹. Атрибуты в таких сочетаниях выделения не осуществляют. С другой стороны, о выделяющей функции можно с высокой степенью вероятности говорить в том случае, когда атрибут предполагает нетрадиционное, не совпадающее с общепринятым расчленение данного класса, в особенности если класс достаточно специализирован, например: «Честный, уважающий себя егерь для охотничьих набегов, как правило, не используется» (В. Астафьев) или: «...умный князь и с амбицией не стал бы в передней сидеть и с лакеем про свои дела говорить» (Ф. Достоевский).

Однако сама по себе семантика сочетания не всегда позволяет провести разграничение между выделяющими и невыделяющими атрибутами. Одно и то же прилагательное может в одном случае выполнять выделяющую функцию, а в другом — является компонентом сложного названия. Очевидно, с полной определенностью о роли атрибута можно судить, только принимая во внимание семантику всего высказывания. Можно указать на отдельные моменты, которые регулярно сопутствуют либо выделяющим, либо невыделяющим атрибутам.

Основной критерий выделяющего атрибута — смысловой: наличие корреляции между смыслом атрибута и смыслом сообщающего предиката (именно это и выявляет *если-трансформация*). Кроме того, с выделяющими атрибутами ассоциируются некоторые формальные признаки. Это употребление выделяющих частиц *только, лишь*, ср.: «Ваша мысль, хотя бы и дурная, пока при вас, — всегда глубже, а на словах — смешнее и бесчестнее. Версиков мне сказал, что совсем обратное тому бывает только у скверных людей» (Ф. Достоевский, Подросток). О выделяющей функции атрибута сигнализирует его употребление в постпозиции к имени вне контекста противопоставления.

О невыделяющем характере атрибута свидетельствуют разнообразные указания на то, что сочетание представляет собой целостную группу. Это может быть указание на непервичность употребления, включение целостного сочетания в цепочку перечислений.

Наконец, о роли атрибута иногда позволяет судить тип сообщающего предиката в высказывании. Способность или неспособность сочетаться с выделением является одним из признаков, позволяющих разграничить разные типы предикатов по их отношению к функциям выделения и сообщения.

Неоднородность предикатов по отношению к функциям выделения и сообщения обнаруживается уже при выделении двух рассмотренных нами классов высказываний. По способам выражения в поверхностной структуре высказываний экзистенциальные предикаты наличия и предикаты, дающие относительную количественную характеристику референта, отчетливо противопоставляются всем другим. Это не единственный признак, объединяющий эти два вида предикатов. В лингвистической литературе указывается, что предикаты этих двух групп требуют родового субъекта (т. е. они употребляются в общереферентных высказываниях) [11, 13].

¹ Этот, а также некоторые другие упоминающиеся ниже типы атрибутивно-именных сочетаний были выделены и описаны в [12].

Они объединяются в один тип также своим отношением к двум рассматриваемым здесь функциям. При этом предикаты этого типа могут быть только предикатами сообщения; выделения они не осуществляют. Вместе с тем такие предикаты, как правило, употребляются по отношению к выделенной каким-либо способом части класса, т. е. сообщение с помощью таких предикатов возможно при сопутствующем акте выделения. Это или внутреннее выделение, т. е. выделение части класса по заданному признаку, или внешнее выделение, т. е. выделение области действия референции. Высказывания вроде **Есть животные*, **Есть люди*, *?Тигры редки* либо невозможны, либо сомнительны. Обычны высказывания типа *Есть животные, которые не поддаются дрессировке*; *Люди, которые никогда не теряют самообладания*, *редки* или *В этом лесу есть животные*; *В этих местах тигры редки*.

Количественные предикаты по отношению к сопутствующему выделению несколько менее строги. Они допускают внешнее выделение во временном плане: *Журавли теперь редкость*. Они также могут употребляться с субъектом, обозначающим определенное свойство, ср.: «Красота вообще редкость» (А. Герцен); «Талант вообще редкость, достаточно, если ты хороший профессионал» (Ю. Нагибин). В этом случае можно, видимо, говорить об имплицитном выделении в рамках неопределенно широкого класса предметов или явлений, которые могут быть охарактеризованы по названным признакам. Самостоятельные экзистенциальные высказывания **Есть талант* или **Есть красота*, очевидно, невозможны, хотя, вероятно, можно сказать *Есть на свете красота*.

Другой тип предикатов, для которых характерна только функция сообщения, — это предикаты, описывающие отношения между референтами: отношения равенства, сходства, сродства, включения. В отличие от предикатов первого типа они исключают одновременное выделение в общереферентных высказываниях, т. к. оперируют целостными единицами: «Вилохвостый коршун — один из самых замечательных представителей соколиных птиц» (Брем); «По красоте форм и грациозности движений пипуну не уступает черный лебедь» (Брем). Это именно тот тип предиката, который несомненно с выделяющим атрибутом и навязывает невыделяющую интерпретирующую даже тех субъектных сочетаний, для которых более вероятно выделяющая функция, например: «Коллежских ассессоров, которые получают это звание с помощью ученых аттестатов, никак нельзя сравнить с теми коллежскими ассессорами, которые делались на Кавказе. Это два совершенно особенные рода» (Н. Гоголь).

Все предикаты, которые выполняют функцию выделения, могут употребляться и как предикаты сообщения. Таких предикатов большинство. Употребляясь в качестве сообщаемого предиката, они совершенно безразличны к тому, имеет ли место одновременное выделение, соотносящее их с частью класса, или же его нет и они относятся к классу в целом. Это предикаты, которые характеризуют референт по различным аспектам, описывают его действия и положения в разных типовых ситуациях.

Наконец, несколько особняком стоит группа общеоценочных предикатов (*хороший*, *плохой* и т. п.). Они осуществляют как предикацию сообщения, так и предикацию выделения, и при этом в обеих функциях их употребление обнаруживает свою специфику. В функции сообщения они практически невозможны без одновременного выделения, ср.: «Если мальчик любит труд, тычет в книжку пальчик, про такого пишут тут: Он хороший мальчик» (В. Маяковский), тогда как вряд ли можно всерьез принять такие высказывания, как *Мальчики* (вообще) *хорошие* или *Змеи плохие* (или *плохие животные*). Когда субъект высказывания обозначает отвлеченное качество, оценочный предикат употребляется без дополнительного выделения: *Трудолюбие — хорошее качество* (или *Трудолюбие — это хорошо*). Независимо от того, относится ли общеоценочный предикат к выделенной по определенному признаку части класса объектов или к отвлеченному признаку, он дает оценку признаку, а не называет зависимый признак. В то же время здесь нельзя говорить и об имплицитном выделении, как в аналогичных предложениях с количественными предикатами.

На основе оценки, которая является внешним признаком, прежде всего выделяется часть из элементов любого класса. Классификации же на основе оценочных признаков всегда вторичны. Поэтому обычно оценочный атрибут при субъектном имени выполняет функцию выделения. В свернутом виде такое выделение производят оценочные предикатные имена, и чаще всего такое выделение производится в классе людей. Оценочное имя в роли субъекта само по себе выделяет, ср.: «*Дураку* не докажешь, что деньги надо приобретать трудом...» (Н. Помяловский).

Подобные имена в субъектной позиции теряют выделяющий характер и осмысливаются как название класса только при особых условиях, несовместимых с выделением, например, при предикате, предполагающем операцию над классом.

В функциональном плане с оценочными существительными во многом сходны сочетания оценочных прилагательных с названиями лиц по роду деятельности (*хороший оратор*). В роли субъекта такие сочетания чаще всего производят выделение не внутри класса, обозначенного именем существительным, но внутри более широкого класса «люди», ср.: «Хороший пловец потому неутомим, что понимает и любит воду» (А. Ким), т. е. выделение происходит не в классе пловцов по признаку «хороший», а в классе людей по признаку «хороший пловец». Для таких сочетаний предикатное употребление также является первичным.

Как видим, типология предикатов по отношению к функциям выделения и сообщения в конечном счете оказывается семантической, причем она скорее выдвигает на первый план новые аспекты у уже известных типов, а не предполагает нового принципа классификации.

Между референтом конкретного высказывания и референтом общего высказывания имеется весьма существенное различие. Любой конкретный объект неисчерпаем, он обладает бесконечным множеством признаков. Одни из них постоянно ему присущи, другие переходящи, к ним каждую минуту добавляются новые. И по всем этим признакам данный референт может быть охарактеризован, любой из них может быть предиктирован ему. Класс объектов, объединенный на основе каких-то общих характеристик, неизмеримо беднее признаками. О данном человеке, студенте, например, можно сказать неизмеримо больше, чем о человеке вообще или о студенте вообще. Число и характер предикатов, возможных в конкретном высказывании, не идет ни в какое сравнение с тем набором предикатов, которые могут появляться в общем высказывании.

Но у общей референции есть и другая сторона. Общереферентное высказывание сообщает нечто об открытом классе, куда объекты включены на основе каких-то определенных признаков, а все остальные признаки игнорируются. В составе такого бесконечного класса могут обнаруживаться объекты с самыми разнообразными различающими их свойствами, и набор этих свойств, возможных у отдельных объектов внутриданного класса, так же неисчерпаем, как и набор признаков конкретного объекта. Выделение в общереферентном высказывании как раз фиксирует те признаки, которые могут различать объекты внутри класса, как более или менее важные, так и случайные. Однако и между случайными признаками такие высказывания устанавливают закономерные зависимости. Благодаря этому информационные возможности общереферентных высказываний не только уравниваются с возможностями конкретных высказываний, но, может быть, даже превосходят их. В конце концов в одном конкретном объекте заключена лишь часть того, что может быть обнаружено в целом классе.

Выделение относится к механизму референции. Средства, осуществляющие выделение, объединяются с субъектным именем в рамках единой референтной функции. В отличие от конкретного высказывания, где референтная функция закреплена за субъектным выражением, в общереферентном высказывании в нее включаются также другие синтаксические члены. Граница между референтной и предикатной частью иногда оказывается нечеткой.

Само по себе выделение не создает высказывания: высказывание сообщает нечто о выделенной части класса. Выделению обязательно сопут-

ствуется сообщение. Сообщение может ограничиваться констатацией наличия внутри класса элементов с выделенными свойствами, а также той доли, которую они составляют в классе в целом. В таких высказываниях сообщение независимо от выделения, оно способно принимать разнообразные формы и выражаться не только в предикате, но и в подчиненных синтаксических членах. Сообщение также может определенным образом характеризовать выделенную часть класса. В этом случае оно равноправно с выделением и реализуется в форме предиката. Выделению в наиболее типичных случаях соответствует подчиненный предикат, а если оно принимает атрибутивную форму, атрибутивное сочетание легко развертывается в субъектно-предикатное. Разграничение функций выделения и сообщения позволяет в новом аспекте охарактеризовать различные типы предикатов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XIII. Логика и лингвистика. (Проблемы референции). М., 1982.
2. Петров В. В. Проблема указания в языке науки. Новосибирск, 1977.
3. Целищев В. В. Философские проблемы семантики возможных миров. Новосибирск, 1977.
4. Павиленис Р. И. Проблема смысла. М., 1983.
5. Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976.
6. Падучева Е. В. Референтные аспекты высказывания: Дис. на соискание уч. ст. докт. филол. наук. М., 1983.
7. Лебедева Л. Б. Пространственные и временные указания в общереферентных высказываниях. — ИАН СЛЯ, 1984, № 4.
8. Арутюнова Н. Д., Ширяев Е. Н. Русское предложение. Бытийный тип. М., 1983.
9. Leech G. Towards a semantic description of English. London, 1971.
10. Wierzbicka A. *Lingua mentalis*. The semantics of natural languages. Sydney, 1980.
11. Булыгина Т. В. К построению типологии предикатов в русском языке. — В кн.: Семантические типы предикатов. М., 1982.
12. Лебедева Л. Б. Семантические типы существительных и структура именных сочетаний. — ИАН СЛЯ, 1982, № 1.
13. Падучева Е. В. Референциальные аспекты семантики предложения. — ИАН СЛЯ, 1984, № 4.

МАТЕРИАЛЫ И СООБЩЕНИЯ

БОНДАРКО Л. В., ЕГОРОВ С. К., ЛЮБЛИНСКАЯ В. В.,
 НУРУМБЕТОВА Г. А.

О ПРИМЕНЕНИИ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНОЙ ТЕХНИКИ
 В ЭКСПЕРИМЕНТАЛЬНО-ФОНЕТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЯХ

Использование ЭВМ в лингвистических исследованиях не только освобождает от необходимости вручную производить трудоемкую и однообразную работу, но и позволяет получать качественно новые данные, необходимые для развития науки о языке.

В последние годы вычислительная техника широко используется в экспериментально-фонетических исследованиях как за рубежом, так и в нашей стране. Однако с методикой такой работы, ее трудностями и принципиальными возможностями знаком довольно узкий круг специалистов. Это положение должно быть исправлено, оно требует регулярного обсуждения в печати, поскольку распространение вычислительной техники встречается не только с организационно-техническими, но и психологическими трудностями.

В настоящей работе описываются основные этапы одного из возможных методов спектрального анализа звуков с помощью ЭВМ. Цель работы — показать на конкретном материале как общение экспериментатора с ЭВМ, так и возможности, вытекающие из этого общения. Весь иллюстративный материал, приводимый в статье, — это спектрограммы звуков каракалпакского языка (частично — киргизского и узбекского языков); он получен в ходе исследования губной гармонии гласных в каракалпакском языке.

Обычно сведения об акустических характеристиках речевых сигналов в фонетических исследованиях получают в результате анализа спектров — как динамических, дающих представление об изменении частотных составляющих во времени, так и мгновенных, дающих сведения о среднем амплитудно-частотном спектре на некотором интервале длительности.

Современные традиционные установки для спектрального анализа состоят, как правило, из двух частей: аналогового спектрального анализатора (системы полосовых фильтров) и регистрирующего устройства, необходимого для получения динамической спектрограммы или спектральных срезов (амплитудных огибающих спектра в заданные моменты времени) на специальной бумаге или на фото пленке. Такое представление спектра предназначено для качественного анализа или для приближенного количественного, который позволяет сделать измерение линейных размеров изображения вручную.

В статье описывается способ получения спектральных характеристик речевых сигналов, где ЭВМ выступает как основное средство точного количественного анализа. Это переводит фонетические исследования на новый, более высокий уровень в сравнении со сложившимися традициями.

Схема установки, использовавшейся нами для спектрального анализа, приведена на рис. 1. Основные этапы и характеристики анализа заключа-

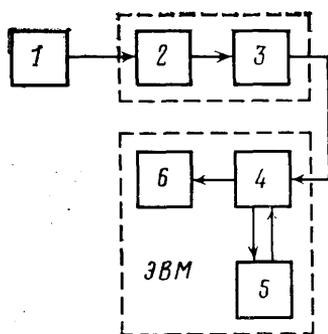

Рис. 1. Блок-схема установки для анализа акустических характеристик гласных (1 — магнитофон, 2 — спектральный анализатор, 3 — аналого-цифровой преобразователь, 4 — центральный процессор и оперативная память ЭВМ, 5 — лентопротяжный механизм, 6 — АЦПУ).

ются в следующем. Исходный речевой сигнал, предназначенный для анализа, записывается на высококачественный звуковой магнитофон (1). Полученные записи служат входными для внешнего по отношению к ЭВМ аналогового спектрального полосового анализатора (2). Анализатор содержит 46 параллельных каналов, в каждом из которых осуществляется фильтрация, выпрямление и сглаживание поступающего на вход сигнала¹. Средние частоты фильтров выбраны в диапазоне примерно от 110 до 10 000 Гц и имеют переменную ширину полосы от 60 до 500 Гц. Сигналы с выходов каналов анализатора с помощью коммутатора последовательно поступают на вход аналого-цифрового 12-ти разрядного преобразователя (АЦП) (3), подключенного к ЭВМ М4030-1 (4). Ввод сигналов в ЭВМ осуществляется при частоте квантования 10 кГц. Этот ввод в ЭВМ обеспечивает запись («перекачку») сигналов во внешнюю память машины, в качестве которой использовался накопитель на магнитной ленте (5). Результаты анализа выводились на алфавитно-цифровое печатающее устройство (АЦПУ) (6) в виде графиков и таблиц.

В описываемой системе анализа для обеспечения ввода и последующей обработки речевых сигналов был создан комплекс программ. Состав и содержание комплекса определялись доступными возможностями ЭВМ, бывшей в нашем распоряжении, ее конфигурацией. В этой статье мы в общем виде попытаемся описать возможности отдельных программ. (Программы написаны на языке PL/1 и FORTRAN-4.)

Первая программа, используя преобразователь, вводит речевые сигналы в оперативную память ЭВМ: преобразует их в последовательности целых чисел и в таком виде «перекачивает» во внешнюю память. Полученное представление речевых сигналов на новом носителе служит входным материалом для второй программы.

Вторая программа диагностирует качество записанных сигналов, выбирает среди них бездефектные, обозначает их и приводит к окончательному виду. В такой форме они записываются на новую магнитную ленту. Именно эта лента становится входным материалом для всех остальных программ комплекса. Диагностика и выбор — это выделение и обход плохих записей и возможная коррекция дефектных записей. (Дефектные записи обычно имеют место при вводе исходного материала низкого качества на звуковом магнитофоне или из-за помех в устройствах ввода.) При переносе на новую ленту остаются сигналы, удовлетворяющие выбранным критериям.

Есть смысл более подробно рассмотреть структуру записи данных, получаемых как результат второй программы. Каждому образу сигнала предшествует служебная запись, содержащая его атрибуты (инициаль). В инициаль входят следующие атрибуты, описывающие сигнал: название сигнала, имя диктора, место и дата осуществления записи, имя экспериментатора, параметры преобразователя и т. д. Создание инициали необходимо не только для текущих исследований (оформление результатов в удобной форме), но, главным образом, для организации архивов данных. При создании архива наличие инициали позволит осуществлять его упорядочивание и выбор по различным ключам, работу с каталогом.

В описываемой работе записи сигналов на магнитной ленте являются числовым представлением спектрограмм анализируемых звуков (фонем, слогов, слов, фраз, текстов). Самой распространенной задачей среди задач, встающих при обработке речевых сигналов, является визуальный анализ спектрограмм. Представление спектрограмм с помощью ЭВМ может быть реализовано многими способами и зависит от имеющейся в наличии техники вывода (АЦПУ, графопостроитель и т. д.).

Проще всего отпечатать массив чисел, составляющих спектрограмму, т. е. выходные напряжения каналов анализатора. Спектрограмма в памяти ЭВМ хранится в виде таблицы, число строк которой определяет число каналов спектрального анализатора, а число столбцов — число временных отсчетов (срезов). Но работа с такими таблицами технически неудобна и

¹ Аналого-цифровой преобразователь в комплекте с анализатором был разработан в ВЦ Вильнюсского государственного университета.

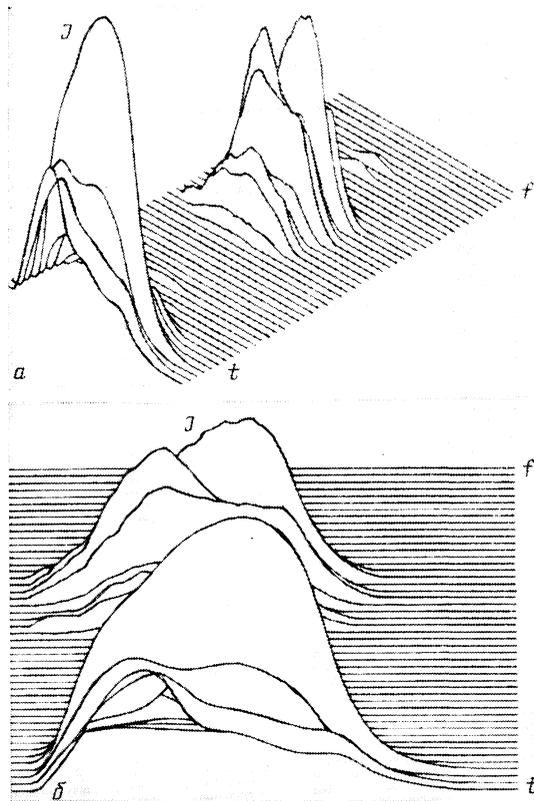

Рис. 2. Спектрограммы гласного [i], полученные на графопроекторе. Ось частот — f , ось времени — t , ось интенсивности — I .

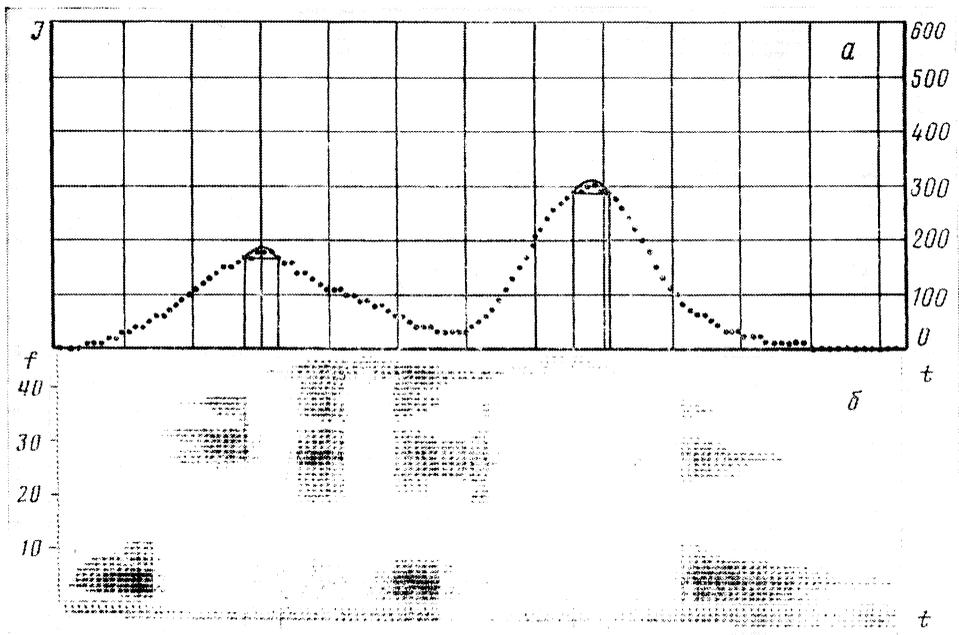

Рис. 3. Образец тоновой спектрограммы, получаемой программным способом: а) огибающая интенсивности слова; б) динамическая спектрограмма того же слова. На оси абсцисс — длительность (t), на оси ординат интенсивность (I) на рис. а) и частота (f) на рис. б).

малоэффективна. Графическое представление спектрограмм оказывается намного удобнее.

При наличии графопостроителя есть возможность получить аксонометрическое изображение динамической спектрограммы. В этом случае по одной оси откладываются значения частот фильтров анализатора, по второй оси откладывается значение времени, а по третьей оси — значения интенсивности (выходного напряжения каналов).

Рис. 2 (а и б) изображает спектрограммы звука [1], полученные на графопостроителе при двух различных поворотах осей.

При отсутствии графопостроителя для графического представления спектрограмм может быть использовано АЦПУ. Здесь, работая с литерами различной плотности (степени зачернения на поверхности листа бумаги), удается получить на двумерной картинке имитацию трехмерного изображения.

Рис. 3 дает пример спектрограммы, полученной с помощью АЦПУ для слова [ӨЗБЕК]. На картинке видно, что наибольшее затемнение соответствует участкам максимальной интенсивности, которое передается набором литер с наибольшей плотностью.

Так как изображение спектрограммы не использует целиком поверхности листа, на оставшейся части картинке (верхняя половина) печатается график изменения во времени усредненных по всем каналам значений выходных напряжений. Этот график позволяет составить представление об изменении интенсивности речевой волны и помогает анализировать спектрограммы: в частности, выделять стационарные и переходные участки гласного, выделять ударный гласный и т. д. Например, в приведенной на рис. 3 спектрограмме ударный и безударный гласный легко различимы по кривой интенсивности.

На картинке временная ось оцифрована, поэтому на ней легко фиксируются моменты, соответствующие границам сегментов, максимумам и другим особым точкам спектрограммы.

Возможность локализовать во времени особые точки и получить их числовое представление позволяет осуществить анализ спектральных срезов. Для этой цели предназначена третья программа разработанного комплекса. Она позволяет получить на одной картинке изображения от 1 до 5 «спектральных срезов» — зависимостей интенсивности выходных сигналов в частотных каналах от средней частоты фильтров — для одной записи. Графики строятся на 46 точек по оси абсцисс (центральные частоты фильтров) и на 60 точек по оси ординат (интенсивность в дБ от 10 до 70). Каждая кривая может представлять либо единичный спектр (срез за один временной отсчет), либо спектр, усредненный за несколько последовательных временных отсчетов (срез пучка).

На рис. 4 приведен образец спектральных срезов, полученных для слова [ӨЗБЕК]; здесь сплошной жирной линией соединены точки, соответствующие спектральному срезу на стационарном участке первого гласного, полученного путем усреднения данных за 5 отсчетов; прерывистая линия — средний спектральный срез стационарного участка второго гласного, усредненного за 7 отсчетов; сплошная тонкая линия — единичный срез в области переходного участка на границе согласного [b] и гласного [e].

Заметим, что различия в спектрах первого и второго гласного, которые можно обнаружить и на рис. 3, здесь могут быть оценены более определенно: огубленный [ö] характеризуется большей интенсивностью первого спектрального максимума и меньшей интенсивностью частотных составляющих в области F II, F III и более высоких частот. Эти факты могут быть интерпретированы как свидетельство существенных различий в качестве обоих гласных слова: отмеченные отличия могут являться результатом огубленности первого гласного и отсутствия огубленности при произнесении второго гласного. В то же время первый гласный может быть оценен как открытый и передний (по частотам F I и F II), а второй — как более закрытый (по значению F I) и несколько более передний (по значению F II). Переходный участок от согласного [b] к гласному [e] характе-

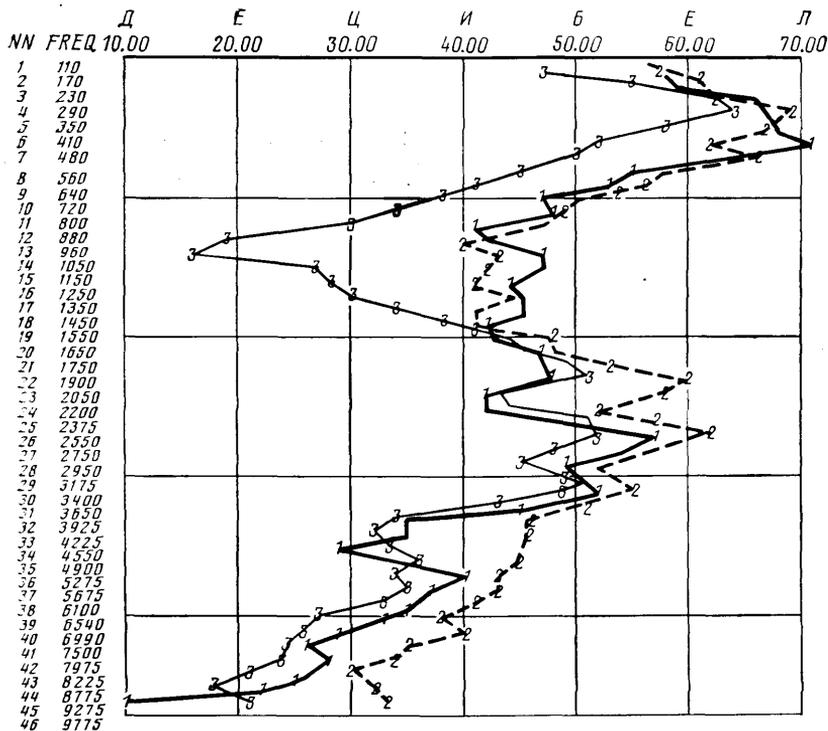

Рис. 4. Спектральные срезы стационарных и переходного участков гласного, динамическая спектрограмма которого приведена на рис. 3. На оси абсцисс — частота (f), на оси ординат — интенсивность (I). Жирная линия — стационарный участок первого гласного, тонкая линия — стационарный участок второго гласного, прерывистая линия — переходный участок от согласного к стационарному участку второго гласного.

ризуется низкой частотой F I (230 Гц) в начальной точке и высокой частотой F II (около 2750 Гц) в начале, что делает его очень похожим на i-образные переходы, возникающие на границе гласных с предшествующими мягкими согласными. Таким образом, сравнение огубленного гласного [ö] со вторым гласным того же слова по их спектральным срезам позволяет выявить существенные различия между этими гласными.

В ходе исследования каракалпакских гласных необходимо было выяснить степень влияния первого гласного (огубленного или неогубленного) на второй гласный в слове, поэтому потребовалось сравнение спектральных срезов гласных, находящихся в разных словах. Это сравнение оказалось возможным сделать с помощью четвертой программы комплекса, которая выбирает из разных записей спектральные срезы в указанные моменты времени (единичные срезы или средние в «пучке») и изображает их в виде соответствующих кривых на одном графике аналогично тому, как это делается в предыдущей программе. В этой программе сравнивались непервые гласные в словах с огубленным и неогубленным первым гласным. На рис. 5 приведены спектральные срезы вторых гласных из слов [buryl] и [baryl]. На рис. 6 приведены спектральные срезы вторых гласных в словах [wögiz] и [jegiz]. Сравнение огибающих этих спектров показывает, что гласный [y] из первого слова может быть охарактеризован как огубленный по сравнению с гласным [y] из второго слова: низкочастотный максимум имеет большую интенсивность и более низкую частоту, а частотные составляющие выше 1000 Гц, наоборот, характеризуются меньшей интенсивностью. В области F III имеются различия, свидетельствующие о том, что [y] из слова [buryl], имеющий более низкую частоту F III, является огубленным.

Для гласных [i] из второй пары слов соотношение несколько иное: [i] из первого слова может быть охарактеризован как более открытый (по частоте F I) по сравнению с [i] из второго слова. Наличие максимума

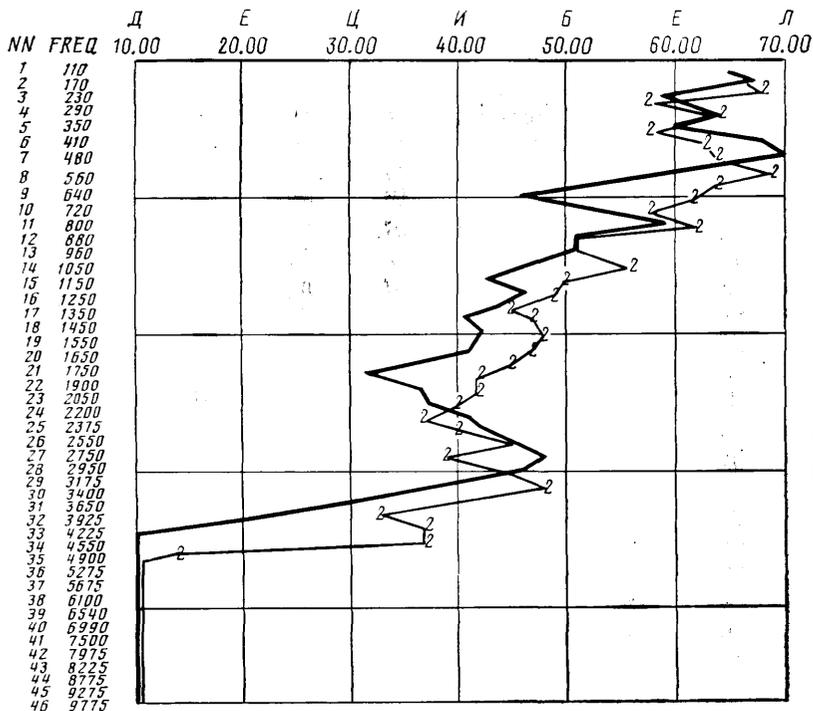

Рис. 5. Спектральные срезы гласных [y] из слов [buryl] и [baryl]. Сплошной тонкой линией — огибающая для неогубленного, сплошной жирной линией — огибающая для огубленного.

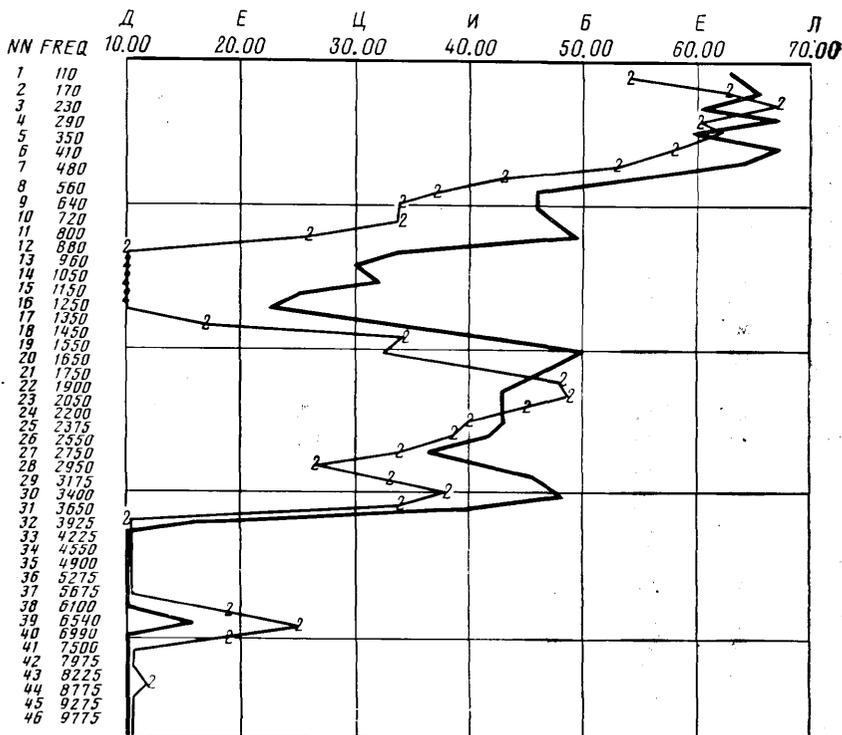

Рис. 6. Спектральные срезы вторых гласных из слов Θ ГПЗ [ögiz] — (сплошная жирная линия) и ЕГПЗ [jegiz] — (сплошная тонкая линия).

в области 640 Гц свидетельствует о возможной лабиализованности этого гласного. Об этом говорит и более низкое расположение F II по сравнению с [i] из слова [jegiz] (1650 Гц и 2050 Гц соответственно).

Для описываемой здесь системы анализа существенно, что программы позволяют получить на одной картинке не только срезы гласных, находящихся в одном слове, но и аналогичные характеристики гласных, находящихся в разных словах. Рассмотрим эти возможности на примере. Известно, что каракалпакский язык занимает промежуточное положение по степени выраженности губной гармонии между языками с ярко выраженной гармонией и с отсутствием таковой. В описываемом здесь исследовании в качестве языка с сильной губной гармонией был взят киргизский язык, а в качестве языка с отсутствующей губной гармонией — узбекский. Для оценки степени проявления губной гармонии в каракалпакском производилось сравнение непервых гласных каракалпакских слов с непервыми гласными из аналогичных слов киргизского и узбекского языков.

На рис. 7 (а и б) приведены спектральные срезы гласных в киргизском слове $\Theta\Gamma\ddot{U}3$ [ögüz] (а) и в узбекском слове $\text{X}\ddot{U}\text{K}\ddot{I}3$ [hükiz] (б). По характеристикам киргизского гласного можно судить о значительной его огубленности: низкий уровень составляющих в области F II, наличие максимума в области около 1000 Гц, общая сравнительно низкая интенсивность по сравнению с гласным (огубленным же!) первого слога — все эти характеристики соответствуют общезвонным представлениям об акустических коррелятах огубленности. На рис. 7 (б) второй гласный слова имеет совсем другие характеристики: это типичный закрытый гласный переднего ряда, интенсивность высокочастотных составляющих очень большая, так что здесь нельзя говорить о какой-либо лабиализованности. Хотя это с точки зрения традиционных представлений о свойствах тюркского вокализма и тривиально, для общего хода исследования каракалпакского языка возможность сравнивать спектральные срезы гласных из разных языков очень существенна: сравнение рис. 6 и 7 (а и б) показывает, что каракалпакский гласный в слове [wogiz] по своим характеристикам действительно занимает промежуточное положение между киргизским лабиализованным и узбекским нелабиализованным гласным. Это, как видно из рисунков, касается относительного уровня интенсивности частотных составляющих в области 1650—3175 Гц. Можно предположить, что статистический анализ большого материала позволил бы количественно оценить степень проявления губной гармонии. Естественно, что для этого необходимо не только сравнение единичных спектров, которые мы описывали до сих пор, но и получение соответствующих статистик.

Для статистической обработки материала была создана программа, которая позволила получить усредненные спектры изучаемых гласных из разных слов. Эта программа выбирает указанные срезы из разных записей (номера записей и срезов в них указывает исследователь на основании предварительного анализа спектрограмм) и вычисляет среднее значение интенсивности по каждому каналу, таким образом получая усредненный спектр. Одновременно определяются значения минимального и максимального элементов для каждого канала. Полученные значения выводятся в виде таблицы и графика в той же шкале, что была сделана для двух предыдущих программ.

Графики служат для наглядного представления результатов, а вычисленные значения могут быть использованы в качестве исходных для дальнейшей элементарной статистической обработки (например, выявление различий по заданным критериям и т.д.). На рис. 8 (а и б) приведены в качестве образца средние спектры каракалпакских гласных /а/ и /о/. Существенно, что рядом со спектрограммой может быть напечатан список слов, содержащих данный гласный, а также числовые значения интенсивности в каждом из каналов.

Поскольку целью данной работы является в основном описание методики машинной обработки речевых сигналов, мы не останавливаемся подробно на акустических характеристиках огубленности в каракалпакском языке: это — тема для специального детального описания. Здесь мы хотели бы охарактеризовать как этапы уже проведенной работы, так и дальнейшие перспективы исследований подобного рода.

Выше мы перечислили содержание программного комплекса примени-

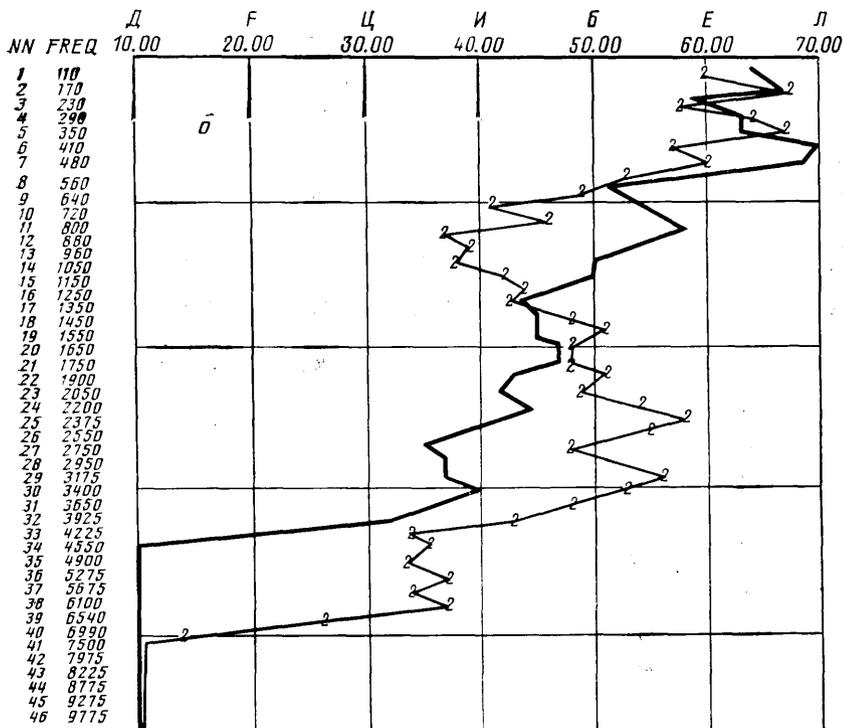
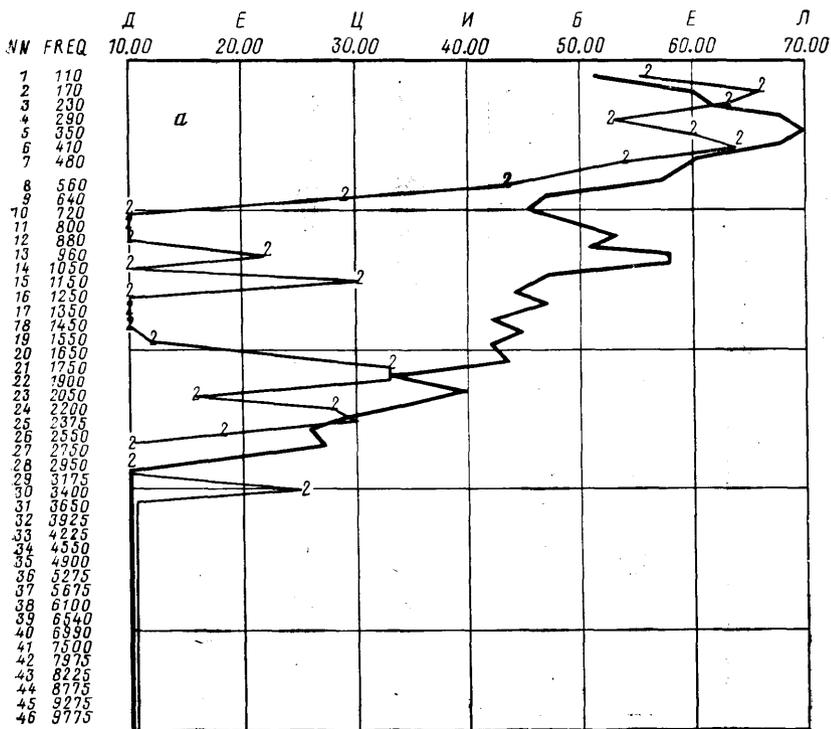

Рис. 7. Спектральные срезы гласных из слов — а) киргизский ӨГҮЗ [ögüz] (жирная линия — гласный [ö], тонкая линия — гласный [ü]), б) узбекский ХҲКИЗ [hëkiz] (жирная линия — гласный [ö], тонкая линия — гласный [ɨ]).

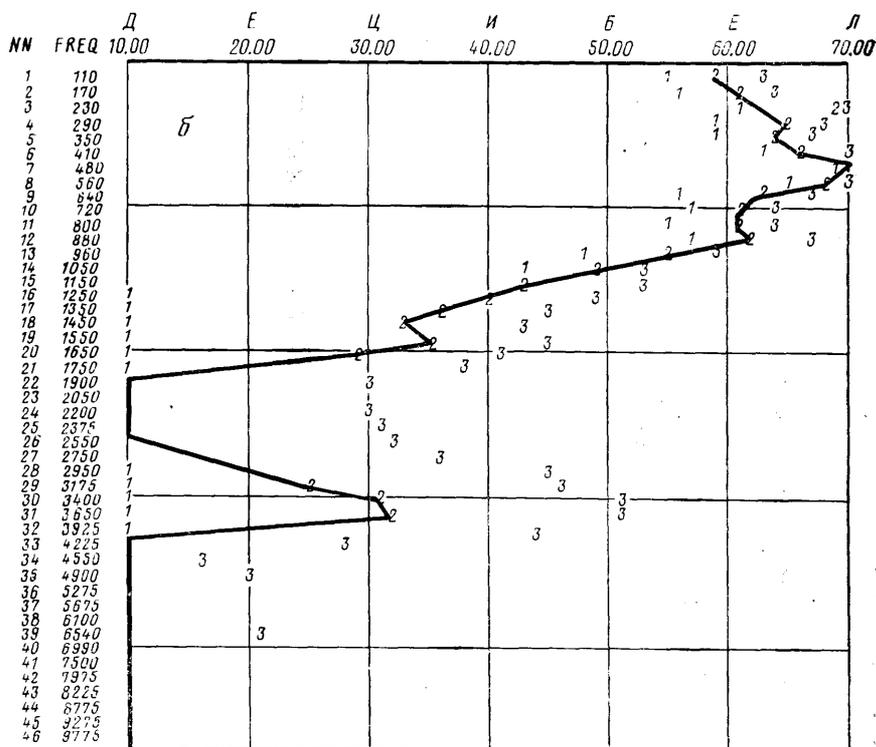
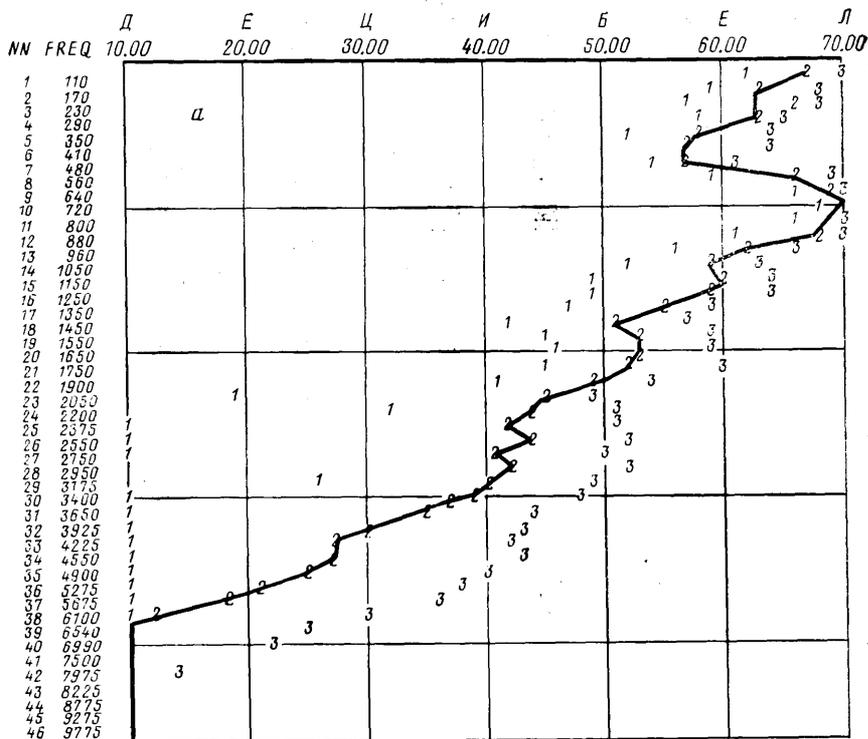

Рис. 8. Средние спектры гласных а) /а/ и б) /о/. Цифрой 1 обозначены минимальное значение, цифрой 2 — среднее, цифрой 3 — максимальное.

тельно к одному из конкретных примеров фонетического исследования речевых сигналов. Следует сказать, что среди данного комплекса первые три программы являются базовыми и используются для всех задач, связанных с обработкой речевого спектра. Остальные программы ориенти-

рованы на одну задачу, разработаны специально для нее, но могут быть использованы для аналогичных целей. Все программы параметризованы, написаны по возможности в общем виде и управляются параметрами, задаваемыми применительно к поставленным исследователем задачам.

Попробуем коротко сформулировать в общем виде, насколько разумно использование вычислительной техники в фонетических исследованиях и в чем заключаются преимущества такого подхода, что он дает нового по сравнению с традиционными методиками, что предлагает машина фонетисту вместо привычной работы с маловыразительной картинкой.

Основной машинной обработки является возможность численного представления речевых сигналов, которая с помощью современных технических устройств (аналого-цифровых преобразователей) осуществляется с достаточно высокой точностью. Это в свою очередь допускает применение более тонких методов численной обработки речевых сигналов.

Размеры памяти современных ЭВМ позволяют хранить огромные массивы информации и организовать архивы данных, с другой стороны, высокое быстродействие ЭВМ позволяет обрабатывать информацию в количествах, ранее считавшихся недоступными. Преимущества машинных методов анализа в сравнении с почти качественными методами оценки параметров речевых сигналов с помощью линейки и карандаша очевидны.

Несмотря на большие преимущества машинных методов, в фонетике они пока еще не находят широкого применения. Для более интенсивного внедрения этих методов необходимо решить ряд проблем.

На первое место, несомненно, должно ставиться требование обеспечения техническим оснащением коллективов, работающих в области фонетики. Нужны машины (ЭВМ) с необходимым комплектом внешних устройств, включающие современные средства диалога и вывода данных (графопостроители, графические и полутоновые дисплеи) и т. д. ².

Второй фактор, но не менее важный — создание коллективов специалистов, работающих в этой области. Здесь могут возникнуть трудности не только организационного, но и психологического характера. Дело в том, что выполнение работ, связанных с обработкой речевых сигналов на ЭВМ, практически недоступно одному специалисту, а требует взаимодействия нескольких. Так, например, сделанная нами работа объединила усилия лингвистов, программиста, математика и двух инженеров (специалиста по вычислительной технике и специалиста по исследованию речи). Работа выполнена в результате сотрудничества кафедры фонетики Ленинградского университета с Лабораторией физиологии речи и с Вычислительным центром Института физиологии им. И. П. Павлова АН СССР.

В предлагаемой ниже таблице мы попытались представить в систематизированной форме основные этапы проведенной работы, средства, которыми она осуществлялась, и состав участников.

Как видно из таблицы, место экспериментатора-фонетиста определяется не только его ролью при выборе исходного материала или при анализе и интерпретации данных. Он принимает участие при создании алгоритма обрабатывающей программы, при составлении задания для нее.

Таким образом, использование ЭВМ в фонетических исследованиях возможно только при условии постоянного контакта фонетиста-экспериментатора со специалистами в области вычислительной техники. Опыт разработки описанной в статье методики показывает, что для инженера или программиста нет принципиальных трудностей, связанных со спецификой представленного материала. Наоборот, экспериментатор-фонетист в ходе работы сталкивается с новыми проблемами и понятиями. Поскольку именно фонетист ставит исследовательскую задачу и определяет конкретные этапы ее решения в содержательном смысле, его способность понять требования и возможности машинного эксперимента приобретает решающее значение. Это означает, что вопрос о подготовке лингвистов — спе-

² Видимо, наиболее реальный путь для лингвистов, не имеющих собственного технического обеспечения, это работа на базе ВЦ других научных или учебных подразделений.

Вид работы	Используемые ресурсы	Участники
1. Постановка задачи и выбор средств для ее решения с учетом доступных средств	Профессиональные возможности участников, конфигурация ЭВМ и средства, обеспечивающие звукозапись, состав базового программного обеспечения	Лингвисты, инженеры, математики, программисты
2. Подготовка речевого материала для записи и анализа	Звуковой магнитофон высшего класса по качеству	Фонетист-исследователь, дикторы, специалист по звукозаписи
3. Запись сигналов во внешнюю память ЭВМ	Звуковой магнитофон, аналого-цифровой преобразователь, ЭВМ, базовое программное обеспечение	Инженер, программист
4. Диагностирование качества полученных записей, перезапись с включением инициализации и контрольное прослушивание сформированных записей	ЭВМ, цифро-аналоговый преобразователь, базовое программное обеспечение	Программист, инженер
5. Обработка записей речевого сигнала на ЭВМ с целью предварительных данных для визуального анализа (динамические спектрограммы и т.д.)	ЭВМ, графический дисплей, графопостроитель и т.д. (средства графического отображения результатов), базовое программное обеспечение	Фонетист-исследователь, математик, программист
6. Предварительный анализ результатов. Переход к обработке на следующем уровне (уточнение параметров, элементарная статистика)	Данные средств графического отображения результатов (листинги с АЦПУ, картинки с графопостроителя и изображения на экране дисплея)	Фонетист-исследователь, математик
7. Обработка с использованием программ более высокого уровня. Общая интерпретация полученных результатов	ЭВМ, специально написанные программы	Фонетист-исследователь, математик, программист

циалистов такого профиля очень важен. Назрела необходимость обеспечить такую подготовку путем разработки специальных программ, создания учебных пособий и руководств. Интерес к фонетическим исследованиям в нашем многонациональном государстве может быть поддержан теми средствами, которые дает исследователю вычислительная техника.

С использованием этих средств не только укрепляется и становится более совершенной экспериментальная база уже имеющихся в стране фонетических лабораторий, но и облегчается задача создания новых: сегодня едва ли целесообразно приобретать аналоговую измерительную аппаратуру, тем более, что в серийном производстве многих необходимых приборов нет.

В этой статье описан лишь один из возможных путей использования ЭВМ в экспериментально-фонетических исследованиях. Однако кроме исследования спектральных характеристик звуков ведутся и исследования просодических характеристик, и работы по сегментации и пересадке звуков. Уже разработаны программы для этого и можно надеяться, что в скором времени они станут известны широкому кругу исследователей.

ШАЛАМОВА А. Н.

СЕМАНТИКА И СТРУКТУРА ОПРЕДЕЛИТЕЛЬНЫХ
СЛОВСОЧЕТАНИЙ В ДРЕВНЕ- И СТАРОРУССКОМ ЯЗЫКЕ

Семантические отношения между определением и определяемым словом, уже — между прилагательным и существительным внутри определительного словосочетания — отнюдь не часто становятся предметом внимания составителей частных грамматик и общих руководств по языкознанию: в большинстве случаев, видимо, считается очевидным, что прилагательное, выступающее в функции определения, обозначает признак предмета, названного существительным, с которым оно согласовано. Всегда ли это так? Обращение к материалу старорусского языка (а также, с одной стороны, древнерусского, а с другой — не нормализованных по литературным образцам форм современного русского языка) выявляет необходимость специально рассмотреть вопрос о семантико-грамматических отношениях между прилагательным и существительным, с которым оно согласовано, применительно к целому ряду структурных типов определительных словосочетаний.

При лексикографической обработке старорусских текстов приходится встречаться с такими случаями употребления прилагательных, которые, с одной стороны, как будто не дают основания для выделения новых лексических значений у этих прилагательных, а с другой — создают у лексикографа ощущение недостаточности для адекватного понимания текста сформулированных словарных определений (особенно если эти определения переводного типа и материально совпадают с толкуемым словом). Один из способов компенсировать эту недостаточность — перевод целых словосочетаний. Возможность такой подачи материала создается в тех случаях, когда определительное словосочетание можно понимать как узусальное сложное наименование: Куплено живые рыбы *Рыбного живого ряду* у торговых людей (ДТП III¹, 474. 1664 г.); Дворъ безъ четверти пусть Мишуковской *свѣжего рыбника* (Новг. п. кн. I, 8. XVI в.); Се язъ, Семень Васильевъ сынъ, *просольный рыбникъ*... продалъ еси мое анбарное мѣсто въ *просольномъ рыбномъ ряду* (АЮБ II, 435, 1612 г.); По челобитью *свѣжего рыбного большого ряду* старосты... Яковъ Дубасовъ... отмѣрилъ... на судовую пристань сорокъ сажень земли (Арх. Стр. I, 703. 1593 г.).

Однако расширение круга наблюдений, осмысление ряда текстов с помощью моделей *живой рыбный ряд* и *свежий рыбник* приводят к заключению, что здесь мы имеем дело с актуальным для языка XVI—XVII вв. синтаксическим явлением, с действующей моделью образования свободных синтаксических сочетаний для окказиональной номинации предмета речи в совокупности его существенных свойств, в его юридически опознаваемой индивидуальности: ср., например, в раздельной грамоте Строгановых: А въ томъ острожкѣ досталось на дѣлу Ондрѣю... Строганову дворовое мѣсто, подлѣ Петра Строганова дворового жъ мѣста, отъ *хлѣбного анбарного угла*, что стоитъ анбаръ позадѣ повалыши, подлѣ между Петрову, впрямь къ рѣчкѣ къ Бусолгѣ, къ полуденной городской стѣнѣ (ДАИ II, 113. 1629 г.). Ср. также данные «дельной» грамоты 1563 г.: А что около того острова *рыбная ловля красная и бѣлая*... и тѣ у насъ всѣ угодыа пополамъ по сей дѣлней (АХУ II, 69).

Словосочетания типа *живой рыбный ряд*, *хлебный амбарный угол* строго иерархизированы: в них не может быть опущен срединный член —

¹ Здесь и далее используются сокращенные названия источников, принятые в Словаре русского языка XI—XVII вв.

относительное прилагательное, являющееся ближайшим определением существительного² (т. е. словосочетания *живой ряд, *хлебный угол, *красная и белая ловля невозможны). Прилагательное, представляющее собой срединный член в данной модели, всегда образовано от существительного, которое с большой вероятностью вступает в определительные сочетания с прилагательным, занимающим в иерархической структуре модели второе (т. е. периферийное) место. Таким образом, в основе модели лежат обычно две пары определительных синтагм:

<i>хлебный амбар</i>	+	<i>амбарный угол</i>
<i>живая рыба</i>	+	<i>рыбный ряд</i>
<i>красная и белая рыба</i>	+	<i>рыбная ловля</i> .

Разложение на исходные словосочетания дает ключ к пониманию многих «темных» с современной точки зрения трехчленных словосочетаний старорусских текстов; многие из них могут быть приближены к современному пониманию посредством преобразования в конструкции «существительное + существительное с определением»: *в дв<оров> дѣловыхъ люцкихъ* (Ряз. п. кн. I, 320) — «в дворов деловых людей»; *поддонъ мѣдной струнной* (Кн. расх. Никона, 49) — «поддон из струнной меди»; *скотинное рогатое стадо* (Грамотки, 279) — «стадо рогатой скотины»; *13 звень осетрыхъ живыхъ* (Заб. Дом. быт, II, 403, 1667 г.) — «13 звеньев <осетрины из> живых осетров»; *звена бѣлужьи астраханские* (Кн. расх. кушаньям Адр., 14) — «звенья астраханских белуг»; *ростирательное досчатое и брусяное дѣло* (ДАИ XII, 372) — «дело растирания (т. е. распиливания) досок и брусьев»³.

Поздняя хронологическая граница известных нам примеров такого рода — 1700 г. (тексты XVIII в. нами не исследовались). В языке нового времени (а отчасти и в книжном старорусском) сочетаниям типа *живой рыбный ряд* иногда соответствуют сложные слова, ср., например, современное *живорыбный садок*. Сочетание *правныхъ учителей списателей* (Евфр. Отразит. пис., 92, 1691 г.) естественно сопоставить с известным уже в XVI в. словом *правоучительный* в сочетаниях типа *философъ правоучител(ь)ны(й)* (Посл. Карпова мт. Дан., 110).

Рассмотрение только что описанных и подобных им словосочетаний представляется необходимым и для углубления практических знаний о древнерусском синтаксисе, и для нужд лексикографии (для решения конкретных вопросов различения свободных и фразеологических сочетаний); кроме того, они, думается, представляют интерес и с точки зрения структурно-типологической, как элементы определенной стадии развития флективного строя языка.

Тип *свежий рыбник* также построен на своеобразном трехчлене: здесь осмысленность базируется на исходном определительном сочетании *свежая рыба*, главный член которого, существительное *рыба*, вошел в качестве производящей основы в существительное *рыбник* — определяемый член результирующего словосочетания. Таким образом, производный, отыменный характер главного члена в этом типе «парадоксальных словосочетаний» является обязательным.

Модель *свежий рыбник*, несмотря на ее относительную редкость (для старорусского языка в настоящее время мы располагаем только двумя примерами: *свежий рыбник* и *просольный рыбник*), сохраняет свою актуальность до сегодняшнего дня. Фактически она воспроизведена в образованиях *фальшивый монетчик* (ССРЛЯ, XVI, 1230), *фальшивая монетчица* (Карамзин, Письма русского путешественника)⁴, *серебряный призер*, *брон-*

² Это ближайшее определение обнаруживает себя тем, что его семантика совместима с семантикой существительного; иногда связь существительного с прилагательным оказывается устойчивой, частотно закрепленной (например, *рыбная ловля*).

³ В составе приведенных трехчленных словосочетаний вычленяются в большинстве случаев хорошо известные из старорусских памятников или из позднейшего русского языка парные словосочетания, иногда носящие терминологический характер: *струнная медь*, *деловые люди*, *белуги астраханские*, *осетры живые*, *рогатая скотина*.

⁴ Указание на этот ранний случай получено нами из работы Г. А. Селиванова [1].

зовый медалист (спортивные радиопередачи и газетные репортажи 80-х годов), золотые медалисты (о собаках) — ССРЛЯ, т. VI, 749, золотая медалистка: «Ася — отличница, золотая медалистка — все решительно знала и умела объяснить лучше всякого преподавателя» (И. Грекова, Кафедра).

Что касается неразложимого сочетания *красный армеец*, то оно, как показал автор [см. 2], является результатом преобразования в диалектной среде сложного слова *красноармеец*. В настоящее время у нас нет данных, чтобы воссоздать в деталях историю возникновения сочетаний *фальшивый монетчик*, *фальшивая монетчица*; соответствующие им сложные слова, судя по данным ССРЛЯ, принадлежат уже нашему столетию.

Относительно прочих названных сочетаний, которые создавались на наших глазах, можно с уверенностью сказать, что в основе их образования лежало соотношение:

медаль — (обладатель медали =) *медалист*

золотая медаль — (обладатель золотой медали =) *золотой медалист*⁵.

Хлебный амбарный угол и другие трехчленные сочетания с аналогичной иерархией членов могли создаваться по такой же схеме:

амбар — (угол амбара =) *амбарный угол*

хлебный амбар — (угол хлебного амбара =) *хлебный амбарный угол*.

Весьма близко по семантической структуре к типу *свежий рыбак* словосочетание, в котором прилагательное, согласованное со сложным словом, семантически связано только с его первой основой: *о златотворении листовом* (Сим. Обих. книгоп., 36, XVI — XVII вв.); (ради) ...многого нечестия и *законопреступления божия* наведе богъ потопъ на вселенную (Львов. лет. II, 498); для раннего времени можно указать *недбланое винодатие* (Усп. сб., 388, XII — XIII вв.), являющееся калькой греч. ἀγυφύρητος οἰνοδοσία.

Насколько можно судить по имеющимся примерам (здесь приведены только те, в которых семантические отношения компонентов представлены в наиболее чистом виде), словосочетания такого типа принадлежат книжному языку, что, впрочем, согласуется с известным фактом малой частотности сложных слов в народном языке.

Семантико-синтаксическая самостоятельность первой основы сложного слова проявляется также в ее способности становиться формоопределяющим членом в условиях такой согласовательной связи⁶, когда в качестве второго, синтаксически зависимого, члена выступает относительное местоимение: Родославъ же, аще и благъ бѣ во всемъ преже, послѣди же бысть *женопокоривъ*, *отъ неяже* и *врежень* бысть *умомъ* (Ник. лет. X, 45); при данном типе связи согласование определяет род и число согласуемого слова. Фактически здесь имеет место тот же эффект семантической самостоятельности и синтаксической активности связанной основы⁷, который проявляется в самых разнообразных синтаксических ситуациях. Именно он делает возможным определение существительного качественным наречием и наречием степени качества: *Давыда*, *купно рывьнителя* (Служба Бор. Глеб., 144. 1156—1163 гг.); *чисто млтвеникъ* (Дм., 16); *зѣло вѣрникъ бѣ* — *σφδραλιστὸς ἦν* (Поучение Константина Болгарского, XII в. [см. 4]); глагольное управление прилагательных: *къ бу равнѣи исходъна бывъша* (Гр. Наз., 17. XI в.); субстантивное управление у отсубстантивных прилагательных: Еллеворъ есть *былие*, *чистителное чернѣя кручины* (Алфавит МДА № 230, л. 109 [5]) и т.п., а также неоднократно привлекавшие внимание исследователей,

⁵ По личному опыту автора, эта модель существовала в сознании поколения, оканчивавшего школу в конце сороковых годов. В речевой практике она, однако, в то время, кажется, не употреблялась, по крайней мере, среди школьников и студентов — мешала ее ясно осознаваемая «вольность», несоответствие языковому этикету.

⁶ О термине «согласовательная связь» см. [3].

⁷ Термин «связанная основа» мы употребляем здесь в значении «основа, находящаяся в первой части сложного слова или в составе суффиксального образования»

хотя и не приведенные в систему и не объясненные доныне случаи, когда производящая субстантивная основа притяжательных прилагательных функционирует как полноценное существительное по отношению к дальнейшему тексту (с этим квазисуществительным соотносятся местоимения *он, она, его*)⁸ и по отношению к зависимым прилагательным, причастиям и аппозитивным существительным, сообщая им (регулярно во всех случаях) форму родительного падежа.

Для нашей темы представляют интерес в первую очередь конструкции с зависимыми прилагательными и причастиями; конструкции с аппозитивным членом важны для сопоставления с ними. Приведем примеры тех и других: (1) *Посла зубы зѣрины, съ яростію пресмыкающихсяъ по земли* [Кир. Тур. (К.), 62]; (2) *Мятежу же бывшу между силными людьми о чсть и о волость герьцокову убьенного о землю Ракушьску* (Ипат. лет., л. 275)⁹; (3) *И то де строение Иакова, Иосифова отца Прекраснаго* (Пут. Гогары, с. 112); (4) *жребия Афетова, сына Ноева* (Сл. о Кулик. битве, 33); (5) *дьяка на Ивановом мѣсте Михайлова* (МДБП, 98).

Все приведенные здесь и выделенные курсивом словосочетания могут быть разложены на пары двучленных словосочетаний, как это было сделано для типа *живой рыбный ряд*:

<i>зубы зѣрины</i>	+	<i>зѣри, пресмыкающ(е)ся</i> ¹⁰ по земли
<i>волость герьцокова</i>	+	<i>герьцок убьенны</i>
<i>отец Иосифов</i>	+	<i>Иосиф Прекрасный</i>
<i>жребий Афетов</i>	+	<i>Афет, сын Ноев</i>
<i>Иваново место</i>	+	<i>дьяк Иван Михайлов.</i>

Первые три из приведенных здесь случаев наиболее близки к типу *живой рыбный ряд*: они также представляют собой трехчленные определительные сочетания, в которых без нарушения смысла не может быть изъят срединный член, каким является притяжательное прилагательное. В силу прозрачности структуры они представляют благоприятный материал для анализа синтаксических связей между составляющими их словами: в них зависимость падежной формы периферийного прилагательного (или причастия) от существительного, которое присутствует в качестве связанной основы в притяжательном прилагательном, кажется, не вызывает сомнений. Загадкой остается имплицитно свойственное связанной основе в данных конструкциях грамматическое значение родительного падежа, которое неизменно проявляется в согласуемых формах периферийных членов словосочетания.

Примеры (4) и (5), с точки зрения современного наблюдателя, не теряют осмысленности с опущением срединного члена. Был ли он в них столь же необходим, как в предыдущих, в настоящее время оценить трудно, однако именно эти случаи позволяют предположить, что родительный падеж периферийных членов мог поддерживаться (если не определяться) индукцией со стороны главного в словосочетании определяемого существительного, которая действовала «в унисон» с индукцией связанной субстантивной основы притяжательного прилагательного, каковое в общей парадигматике притяжательных конструкций было синонимично определению в родительном падеже.

В заключение изложим те выводы, которые могут быть использованы в практике составления словарей и при анализе текстов. 1) Не всякое

⁸ Имеются в виду случаи типа «Физиогномия *Мармонтелеса* очень привлекательна; тон *его* доказывает, что он жил в лучшем парижском обществе» (Карамзин; пример приведен, наряду с другими подобными, в «Исторической грамматике» Ф. И. Буславеа [6]); аналогичный пример из грамматики Н. И. Греча — в «Исторической грамматике русского языка» [7, с. 156]. Для древнерусского времени можно привести пример из Успенского сборника: «Повелѣ же Иласи рабомъ своимъ да и ведуть въ цркъвь *Диеву*, обѣщая *ему* бравы и рече *ему*: бе Диевъ! аще мя съдрава сътвориши, то пожру ть ундѣ съ рогы златы и дѣвы чысты (Усп. сб., 224). С относительным прилагательным подобные конструкции встречаются и в наше время: «Последнее время живем нормально. Стало тепло, и *солдатская* душа оттаяла, стал *он* больше шутить, и грудь шире расправил» (Советская Россия, 1984, 15 апр.).

⁹ Примеры (2), (3), (4) почерпнуты нами из [7, с. 155, 181].

¹⁰ Подновленное окончание именительного падежа даем в угловых скобках.

словосочетание, необычное с точки зрения современного русского языка, следует при составлении словарных статей рассматривать как устойчивое, связанное, фразеологическое и т. п. Это соображение элементарное, но оно не всегда учитывается. 2) При переводе текста с помощью данных в словаре лексических определений необходимо иметь в виду различия в структуре словосочетания между современным и древним языком; без осознания смыслового членения («глубинной структуры») древнерусского словосочетания подстановка лексических эквивалентов не дает адекватного понимания текста.

Что касается структурно-типологической характеристики рассмотренных фактов, то они, как нам кажется, привлекают внимание к почти не затрагивавшейся в литературе теме синтаксической активности связанной основы, ее формоопределяющей и организующей роли в согласовательной связи, с одной стороны, и к активному использованию в древнерусских и старорусских текстах флективных средств языка даже в тех случаях, когда они находятся в противоречии с логическими отношениями согласуемого члена к грамматическому определяемому — существительному.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Селиванов Г. А.* Сочетаемость слов и трансформации фразеологических единиц, отражение этих трансформаций в терминологии. — Уч. зап. Волгоградского пед. ин-та. Астрахань, 1969, т. 13, с. 54.
2. *Мокиенко В. М.* Вариантность литературной фразеологии в диалектной речи. — В кн.: Очерки по лексике севернорусских говоров. Вологда, 1975.
3. *Зализняк А. А.* Русское именное словоизменение. М., 1967, с. 69.
4. Описание славянских рукописей Московской синодальной библиотеки. Отд. II. Ч. 2. М., 1859, с. 423.
5. Рукопись Государственной библиотеки СССР имени В. И. Ленина, ф. 173/1, № 230, XVII в.
6. *Буслаев Ф. И.* Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. М., 1875, с. 202.
7. Историческая грамматика русского языка. Синтаксис. Простое предложение. М., 1978.

БЕЛЯЕВ Д. Д.

**ТРЕТЬЯ ПАЛАТАЛИЗАЦИЯ ПРАСЛАВЯНСКИХ ЗАДНЕНЕБНЫХ:
МЕХАНИЗМ И ХРОНОЛОГИЯ**

Предыстория проблемы третьей, или прогрессивной, или Бодуэновой палатализации, которая не могла еще иметь ни одного из приведенных названий, связана с трудами А. Шлейхера и Ф. Миклошича [1, 2]. Упорядочивая множество преобразований славянских заднеязычных, исследователи обнаружили целую группу свистящих рефлексов: *кънльзь, стьза, замць, отьць, ловьць, овьца, златица, лице, виньце, тицати* и др., не вписывавшихся в стандартную систему признаков (характер правой позиции плюс морфемная принадлежность).

Предложенный выход — реконструкция *j* — был вполне закономерен: идея йотации и ранее доминировала в трактовке смягчения согласных вообще и генезиса свистящих в частности [3, 4]. Новая, более развитая гипотеза ограничила свистящую йотацию процессами словообразования, в исходе корня или суффикса.

Различные модификации этой идеи появлялись еще долгое время (А. А. Потебня, К. Бругман, Р. Экблом, К. Кнутсон, В. Махек). Но собственно историю вопроса открыл принципиально иной подход, четко сформулированный В. Ягичем в 1887 г. [5], а фактически еще раньше предложенный И. А. Бодуэном де Куртенэ [6]. Явно под влиянием модели генезиса праславянского *x* (в разработке которой участвовал и Бодуэн), проблематичные рефлексы стали объясняться воздействием *предшествующего* высокого переднего гласного. Несколько позже Ягич предпринял их хронологическое обособление, завершив каноническую схему праславянских палатализаций: первая, шипящая; вторая, свистящая регрессивная; третья, свистящая прогрессивная (далее П1 П2 П3).

Однако и новая модель встретила немало противоречивых фактов: *кънльзь — кънльгъни, лице — ликъ, гръшьница — гръшьникъ* и т. д. Дальнейшее развитие идей шло по двум линиям. Во-первых, это попытки уточнить позиционные условия изменения — как слева, так и (начиная с А. А. Шахматова) справа и даже сверху, в суперсегментной сфере (И. А. Бодуэн де Куртенэ и др.). Во-вторых, попытки подтвердить или опровергнуть его относительную хронологию, причем до сих пор сохраняют актуальность все возможные альтернативы: П1 П2 — 3 (И. А. Бодуэн де Куртенэ, А. А. Шахматов и др.), П1 П3 П2 (Г. А. Ильинский др.), П1 — 3 П2 (К. Кнутсон, Р. Экблом), П3 П1 П2 (Р. Ченнон, Г. Лант и др.).

Столь редкостная временная неопределенность — прямое следствие излишне тесного союза двух исследовательских линий. Чисто синтагматический подход к П3 ныне способен только порождать новые проблемы и новые проблематичные решения. Это еще раз убедительно доказала от противного недавняя монография Г. Ланта [7, 8].

Выходом из создавшегося положения должна стать своего рода фонологическая динамика (в физическом смысле), сопрягающая синтагматические и парадигматические факторы (силы) на разных уровнях — от оппозиции до интегральных характеристик фонологической системы, а затем и на уровне экстрафонологических фоно-морфемных взаимодействий. Традиция — еще домладограмматическая — учета последних в области П3 никогда не прерывалась, приводя иногда к полному отрицанию фонетической сущности процесса [9, 10]. Однако внешние силы могут использовать результаты фонологических изменений, корректировать их протекание, даже подавлять их, но не способны порождать их.

Все более важную роль приобретает в науке типологический подход к диахронии (см. [11]). И это отнюдь не только средство внешней верификации моделей. Типологические поля изменений — органичный компонент фонологического поля, порождаемые ими силы участвуют в самом взаимодействии, формирующем эволюционную траекторию. Вступая в конфликт с собственно фонологическими силами, они в конечном счете побеждают, но путь к победе может лежать через более или менее длинную цепь отклонений, вызываемых «самодовлеющей функцией конвергенции» [12, с. 73—74, 136—137]. Универсальными, панхроническими остаются структурные характеристики самих изменений, например, членение процессов палатализации и йотации на две стадии: 1) собственно смягчение (палатализация или/и палатация — см. [11]), 2) ассимиляция, регулируемая наличной фонологической ситуацией.

Современное состояние славянской диахронической фонологии позволяет предельно сузить набор возможных хронологических схем путем определения механизма и системно-диахронического контекста изменения. Так, невыводимость прогрессивной палатализации из принципа открытого слога служила аргументом в пользу П1 П3 П2 [13]. Однако обращение к более развитой концепции слогового сингармонизма, напротив, делает эту схему невероятной, оставляя только две возможности: П3 П1 П2 (до становления сингармонизма) [14, с. 11—12, 46—50] либо П1 П2 П3 (в ходе его разрушения) [15, с. 338—339].

Последнее решение находит дополнительную поддержку в концепции группового сингармонизма, которая стала еще одной, наиболее продвинутой «попыткой связать ранее не связывавшиеся явления, попыткой дать им однозначное объяснение» [16, с. 44]. Палатализации заднебных находят естественное место (см. подробнее [16—18]) в контексте формирования (П1), кризиса (П2) и распада (П3) праславянских группофонем (ГФ) — дизных $\vee(CV)$ и недизных (CV) .

Кризис группового сингармонизма непосредственно был вызван монофтонгизацией гетерогенных дифтонгов, возродившей чисто фонемные сочетания «дизный согласный + недизный гласный», «недизный согласный + дизный гласный». Однако еще раньше появился в результате йотаций менее заметный, но не менее действенный фактор — серия нейтральных ГФ $\vee(CV)$, лишенных прочного дизного скелета.

Кризис преодолелся, во-первых, за счет перехода $C' + u \rightarrow \vee(Cu)$, который расширился на все дизные ГФ с заднебными: $\vee(KV) \times \times \vee(KV) \rightarrow \vee(KV)$ — палатация, переводшая П1 во вторую стадию. Во-вторых, путем смягчения $K + \acute{e} \rightarrow \vee(K\acute{e})_2$, $K + \bar{i} \rightarrow \vee(K\bar{i})_2$ — первая стадия П2. В результате острота кризиса была сглажена, но его глубинная основа (нейтральная серия) не только выросла количественно, но и усугубилась: появились нейтральные ГФ с передними вокальными компонентами. В дальнейшем все дизные и недизные сегменты функционировали уже в двух дополнительных аспектах: как ГФ и как сочетания автономных фонем. Особую судьбу имели осколки сложных ГФ $\vee(CCV)$, оставивших, в частности, след в сочетаниях (Kv) .

Можно обнаружить и еще более глубокую основу кризиса праславянского группового сингармонизма: противоречие между фонологией, с одной стороны, и морфологией и морфемикой — с другой. Формирование ГФ и соответствующие преобразования фонетической структуры словоформ (перегласовки, дизезы, отпадения согласных, йотации, монофтонгизации) нарушали их морфемную структуру, а иногда и их границы. Достигнув определенного порога, угрожающего жизнеспособности морфологической подсистемы языка, это деструктурирующее воздействие стало встречать растущее сопротивление, проявившееся уже в некоторых фонологических процессах кризисного периода.

Это западно- и восточнославянская именная флексия мягкого варианта склонения $\acute{e}$, не совпавшая с $\bar{a}$; распределение $\rho - \acute{e}$ после палатальных в суффиксах причастий, глагольных и именных флексиях; конвергенция $\acute{e} \times \bar{i}$ во флексиях имен, местоименных энклитик и императива. Во всех этих случаях морфологические силы притяжения и отталкивания, дей-

ствуя на морфемных границах, отбирали тот или иной из фонологически допустимых вариантов.

Рассмотренные противоречия, как внутри-, так и экстрафонологические, прямо отразились на генезисе, механизме и протекании ПЗ. В первом аспекте процесс разрушения ГФ переживал временный спад; сингармонизм, уже вплотную приблизившийся к слоговому, начинал перерастать в словесный [15, с. 357—362; 17, с. 38—41; 19, с. 98—106], прежде всего путем межслоговых взаимодействий, главным результатом которых стало впоследствии падение редуцированных, а «побочным» — синтагматический отбор наиболее устойчивых сегментов из двух ГФ, объединяемых признаком дизности — недизности. Таков был первый импульс к ПЗ, в данном аспекте — «палатализации слогов». Однако межслоговые уподобления закреплялись лишь спорадически; преобладали среди них регрессивные. Требовался дополнительный усиливающий и ориентирующий фактор.

Этим фактором, уже во втором аспекте, стало морфемное притяжение: прогрессивное смягчение развивалось только в парадигмах, содержащих уже формы с исходом основы K_2' (первая стадия П2): для имен и местоимений — известные падежные формы, для глаголов — императивные (ср. [20]). Отсюда невозможность палатализации в случаях типа *кънагыни*, после *при-*. Вмешательство внешних сил еще не исключало, однако, сил внутренних: в действие вновь вступал синтагматический отбор, поддерживавший только те дизные сегменты, которым предшествовали ГФ с высокими вокальными компонентами $\ddot{i}$, $\ddot{y}$ ($\ddot{y}'$).

Перегибкая недизная ГФ облегчалась при наличии лакуны в фонологическом поле (соответствующие дизные ГФ имелись для других согласных, но не для заднеязычных). Если ГФ имелись и для заднеязычных — таких было два типа: $'(Ke)$, $'(Ki)$, — изменению препятствовало фонологическое отталкивание, мотивированное различительной функцией. Если соответствующая ГФ вообще отсутствовала, перегибкая не стимулировалась системой. Таким образом, в первую очередь реализовались переходы $(K\ddot{y}) \rightarrow '(K\ddot{y})$, $(K\ddot{a}) \rightarrow '(K\ddot{e})$, $(K\ddot{o}) \rightarrow '(K\ddot{e})$, сохранялись сегменты $(K\ddot{y})$, (Ku) , $(K\ddot{a})$.

Поскольку последний был единственным в глагольных парадигмах типа **řikail*, они оставались неизменными. Все остальные парадигмы, с учетом форм, испытавших П2, раскололись на две части: 1) исходную, 2) преобразованную. В **ö*-склонении: 1) Р., Д. ед., И., В. мн. ср. р., В. мн. м.р., Т. мн., И.-В. дв. м.р., Р.-М. дв.; 2) И., В., Т., М. ед., И. мн. м. р., Р., Д., М. мн., И.-В. дв. ср. р., Д.-Т. дв. В **ä*-склонении: 1) И., Р. ед., И., В., Д., Т., М. мн., Р.-М., Д.-Т. дв.; 2) Д., В., Т., М., З. ед., Р. мн., И.-В. дв. В местоименном склонении: 1) И. ед. ж. р., В. мн. м. р., И., В. мн. ср. р. и ж. р., И.-В. дв. м.р.; 2) подавляющее большинство форм.

Внутрипарадигменная конкуренция именных форм допускала различные исходы, хотя в **ä*-склонении больше шансов имели исходные формы (9 : 7), в **ö*-склонении — наоборот (6 : 9). В случае победы второй части парадигмы она переходила в мягкий вариант, что порождало новую, морфологическую серию перегибков $(K\ddot{y}) \rightarrow K\ddot{e}/\ddot{e}$, $'(K\ddot{e}) \rightarrow K\ddot{i}$, $'(K\ddot{e}) \rightarrow K\ddot{o}$, $(Ku) \rightarrow K\ddot{u}$, $(K\ddot{a}) \rightarrow K\ddot{ä}$ (сохранение «твердого» вокатива типа *отъче* — результат функциональной обособленности). При этом последний переход мог уже охватить и глагольные формы.

В местоименных парадигмах **řikü*, **řixü* победа новых форм была практически неизбежна. Однако сам по себе класс местоимений неспособен к полной унификации парадигм. И здесь морфологические перегибки охватили только те формы, которые находили поддержку в более мощном и регулярном именном склонении. Специфически местоименные и весьма многочисленные *t*-флекции закономерно сохранялись, пусть и с неизбежными колебаниями в текстах: *сицтхъ/ихъ* и т. п.

Адаптация к мягким (палатальным) основам закономерно подавляла и разрушала дизные сегменты, способствуя ускоренной палатализации и ассибиляции заднеязычных (см. ниже). Не случайно решающим для ис-

хода конкуренции в общем случае оказался еще один внешний фактор, сложившийся опять-таки во втором, фонемном аспекте ситуации как естественное разрешение кардинального межуровневого противоречия кризисного периода. Очень рано, еще на стадии варьирования, изменение было лишено автономии, ассимилировано морфологической и словообразовательной подсистемами языка.

М. Халле и Т. Лайтнер (см. [14, с. 34—37]) резонно вводят в число условий ПЗ наличие морфемной границы после заднеязычного. Но более значимым представляется отсутствие такой границы перед заднеязычным. Можно с уверенностью утверждать, что ПЗ (в отличие от всех предыдущих изменений) никогда не пересекала морфемных границ. Местоимение *сиць* (*sī-kŭ) к тому времени явно испытало переразложение, ср. *с-ь*. Ст.-русск. *вица* (=ви-ка? [21, с. 79]) — скорее всего, цокающий рефлекс *vī-ti-ā; ср. варианты: *вича, вичь, вичье* [22, вып. 2, с. 194—195].

Наиболее же типичный случай — сегмент *-VK-* между морфемными границами, повышающий в ходе межслового взаимодействия свое фонетическое единство. Точнее говоря, второй аспект ПЗ — прежде всего «палатализация именных суффиксов». А самой богатой, функционально нагруженной и динамичной была праславянская *k-*суффиксация, где можно выделить несколько фундаментальных словообразовательных сдвигов [23, с. 83—84; 24]: 1) переразложение типа *sŷnŷ-kŷ → *syn-ъкъ*, *děvī-kā → *děv-ica*; 2) преобладание структурирующей функции (оформление части речи) над генетически первичной деминутивной; 3) развитие на базе деминутивов новых сингулятивных моделей, в том числе подчеркивающих сингулятивность (*отьсь, коньсь*); 4) формирование новых агентивных моделей.

Все эти процессы, регулярно воспроизводясь, требовали расширения выразительных возможностей, чему и послужила ПЗ. Естественно, при этом конечным результатом варьирования и конкуренции становилось обычно не вытеснение исходных вариантов палатализованными, но развитие оппозиций между ними.

База для конкуренции усиливалась по двум причинам. Во-первых, первичный варьирующий импульс порождался только дизными, но не нейтральными ГФ (ср. отсутствие русского прогрессивного смягчения после непарных мягких согласных [25, с. 97—108]). Отсюда и относительно редкая встречаемость *с-*суффиксов после основ на «исконно мягкий» согласный, для объяснения которой предполагается диссимилиация, подобная «закону Мейе» при сатемизации [26, с. 107]. Во-вторых, сказывалась меньшая доля палатализованных форм в именных парадигмах **ā-*типа, чем **ǫ-*типа. Правдоподобна гипотеза [21, с. 83] о вторичности формантов *-ъкъ* и *-ьса*, нефонетических вариантов соответственно *-ъка* и *-ьсь* (следует добавить: первый из них прежде всего сохранялся после нейтральных ГФ).

Некоторые самые общие закономерности хорошо прослеживаются на примере немногочисленных в праславянском суффиксальных существительных ср. р.: **ajъce/-ko*, *bedrъce, **bělъce/-ьсь*, *bidъce, **bl'udъce*, *byrdъce, *derъce, **děťko/-ъка*, **děťce/-ьса/-ьсь* [27, вып. 1—5] плюс, для полноты картины, *oцько, *сьльньсь, *сьrdъce. Относительная простота и регулярность этого фрагмента системы связана с его словообразовательной однородностью; лишь *bělъce* выделяется своим отадъективным характером.

Материал показывает, что ПЗ последовательно прошла в благоприятных условиях, после чего началась постепенная утрата суффиксом *-ьс(e)* деминутивного значения и его замена на более продуктивный *-ък(o)*. Так следует трактовать и чеш. *slunko*, слвц. *slnko*, польск. *ślunko*, о чем говорят уменьшительность чешского слова и твердость *n* в польском. Напротив, в случае *ajъce/-ъко* фонетически закономерна вторая форма (отсутствует дизная ГФ), а первая — продукт позднейших морфемных взаимодействий.

Подобное перераспределение функций с теми же двумя источниками *k-*суффиксов (исходные формы плюс субституция) обнаруживается и в остальных двух родах. См., например, историю, с одной стороны, пра-

слав. *тушка/-ьса* [28, т. 3, с. 27; 29, с. 385; 22, вып. 9, с. 339], а с другой — **отьсь/-ькь*, где очень ранняя утрата уменьшительности, видимо, вызвала к жизни новые деминутивы: русск. диалектн. *атек, отик* [28, т. 3, с. 170]. Особое место занимает южнославянский ареал, где *-с*-суффиксы до сих пор остаются продуктивными показателями уменьшительности. Ослабление этой функции фиксируется здесь с древнейших времен, но протекает гораздо менее интенсивно, чем в остальной Славии [30, с. 67; 23, с. 84—85, 311—313]. Попытка истолковать эту особенность будет сделана ниже.

В целом для существительных м.р. и ж.р. общие закономерности конкуренции форм могли гораздо сильнее корректироваться частными функциональными факторами. Прежде всего речь идет о структурирующей функции. Преобразование архаичных прилагательных: **dēvi, *vǫdāvi + kā → dēv-ica, vǫdov-ica* — было оформлено последовательной ПЗ [23, с. 310]. Этому способствовали как инверсия индоевропейских отношений (адъективация → субстантивация), так и дополнительное значение женского лица, противопоставленное недифференцированному личному значению у форманта *-ika*: *ближика, жжика* и др.

Однако последний почти везде рано утратил продуктивность (как и в уменьшительном значении), а для форманта *-ica* начал формироваться новый оппозит *-ika* с фитонимическим значением [31, с. 72—74]. Дополнительной базой этой единицы могло послужить относительно долгое сохранение архаичных прилагательных типа **čǫrni*, а значит, и позднее переразложение *-ī-k- → -ik-* [23, с. 311—312].

На основе форманта *-ica* под действием морфемного притяжения и отталкивания сформировалось несколько продуктивных словообразовательных корреляций с родовым значением. Для зоонимов: *-ica*, ж.р. — Ø, м.р. (*elenica — елень, vǫlčica — vǫlkь*, сюда же примкнул, видимо, бывший деминутив *овьса — овьнь*), реже *-ica — -ьсь* (*agnica — агньсь, jarica — жарьсь*). Для названий лиц: *-ica — -ьсь* (*bajadlica — bajadльсь, vǫdovica — vǫdovьсь, dojica — dojьсь*), *-(ьn)ica — -(ьn)ikь* (*bajadльnica — bajadльnikь, bolьnica — bolьnikь, brodьnica — brodьnikь*); см. также [30, с. 107—116, 129—134, 282].

Первая из личных моделей уже исконно имела оптимальное соотношение фонемных структур (различие гласных при тождестве согласных). Надо полагать, именно это не позволило включиться в родовую оппозицию форманту *-ьса*, который остался вариантом к *-ьсь*, а за пределами личной сферы получил очень слабо выраженную уменьшительную (и сингулятивную) функцию: **butьса, *сѣвьса/-ька, *дѣтьса/-ька, *kadьса/-ька/-ica* [27, вып. 3, 5, 9].

Вторая модель, внешне противоречащая основному правилу внутрипарадигменной конкуренции, формировалась по другой оптимальной схеме (различие согласных при тождестве гласных). Так как формант *-икь* сложился в классе **jō*-основ [23, с. 83], его палатализованный вариант появлялся только в результате поздних морфемных взаимодействий — в единичных деминутивах типа *кораблиць, мечиць* [22, вып. 7, 9]; в [27, вып. 1—10] он не встречается ни разу.

Те же модели у отадъективных и отричастных существительных с предметным значением, причем коррелят м. р., как правило, имеет более широкое (немаркированное) значение: **bystrica — *bystrьсь, *bьrganica — *bьrganьсь, *červica — *červikь, *сѣвьnica — *сѣвьnikь, *bѣlica/-ька — *bѣльсь/-ьсел/-ькь, *сѣlica — *сѣльсь/-икь/-ькь* [27, вып. 2—4]. Последние примеры свидетельствуют, что в сферу субстантивации проникал и суффикс *-ьк-*, но он не мог занять в ней видного места, сохраняя и даже усиливая функцию оформления адъективных основ [32, с. 25]. Показательно соотношение **горьсь* (существительное) — **горькь* (прилагательное) [27, вып. 7, с. 52—54].

Девербативы с орудийным значением также примкнули к личным существительным. От них отталкивались имена действия и его объекта (чаще **ā*-склонения), в которых преобладали непалатализованные суффиксы: **bajьka, *bitьka, *davьka/-ькь/-ьку, *domoltькь, *dostatькь, *dožinьку, *estьka/-ькь, *gatьka, *xapьka, *xolьka, *jьkavьka/-ica, *kladьka/-ькь,*

*kleska, *kolěbъka, *kolubъka [27, вып. 1—10]. Очень выразительна оппозиция: **berъsъ/-ьsa/-ica* «тот, кто берет, собиратель» — **berъka/-ika* «то, что берут» [27, вып. 1, с. 193—201].

Формант *-eсь* (-*ikhŭ) выделяется только в праслав. *měsęcь, *zajęcь, непалатализованные варианты которых (пск. *мeсяк/-ик*, болг. *заяк*, макед. *заяк*, блр. *заяк* [33, с. 39; 28, т. 2, с. 84]) позволяют допустить мену суффиксов, функционально незначимую. Очевидно, ПЗ в первом слове — закономерный результат переразложения основы **mēsēn-k-*, рано утратившей уменьшительное значение, а во втором (где не было дизной ГФ) — результат субституции готового суффикса [23, с. 165].

Гораздо менее активна была *g*-суффиксация. Древние форманты **-igŭ*, **-igā* реконструируются на основании относительно небольшого числа лексем: польск. *leŋciąż/-ęga*, чеш. *leŋěz*, серб.-хорв. *љeмeгa*, русск. диалектн. *лeмeгa*; ст.-польск. *robociądz*, ст.-чеш. *robotěz*, др.-русск. *работягъ*; польск. *dzierzęga*, русск. диалектн. *деряга*; русск. диалектн. *каляга*, *связь/-яга* и некот. др. [26, с. 102; 27, вып. 4, с. 207, вып. 9, с. 120; 28, т. 3, с. 582; 29, с. 326]. Сюда же следует отнести праслав. *koldędzъ, гипотезе о заимствовании которого противостоит убедительная связь с праслав. *xoldъ [29, с. 197—198; 34], ср. болг. *кладенец*, серб.-хорв. *хладенац*, блр. гидроним *Ухалода* [27, вып. 10, с. 123; 35]; переход *k* → *x* в этом корне увязывается с генезисом праслав. *x* [36].

От этих существительных не всегда легко отграничить группу германских и балтийских заимствований: праслав. *kъnędzъ, *mosędzъ, *pĕnędzъ, *retędzъ, **stbĕdъzъ/skĕdъzъ*, *userędzъ, *vitędzъ, ст.-польск. *Grudziądz*, вост.-слав. *Ильбязь*, *Ольбязь*, *Лабезна*, русск. *Свитязь* [9, с. 53—60; 28, т. 1, с. 322—323, т. 2, с. 266, 293, т. 3, с. 233, 476, 582, 642, т. 4, с. 170—171, 508; 29, с. 374, 531, 692; 37, вып. 2, с. 23—24, 44]. Заимствованные слова, взаимодействуя с исконными, приобретали членимость, о чем может свидетельствовать преобразованное *retędzъ* (суффикс *-ing-* в источнике отсутствовал), а также словообразовательное гнездо примкнувшего к данной группе германизма *gobъdzъ [27, вып. 6, с. 185—186].

Вызванная взаимодействием активизация этого участка системы благоприятствовала развитию ПЗ, конечные результаты которой почти абсолютно соответствуют основному правилу внутрипарадигменной конкуренции: исходные варианты в *ā-склонении, палатализованные — в *ǫ-склонении. Проблематично серб.-хорв. *дeрeзa* [26, с. 102; 27, вып. 4, с. 205—206]; единичны случаи сохранения задненебного в заимствованиях м. р.: др.-русск. *шьлягъ*, ст.-чеш. *obih*.

Напротив, для другой группы заимствований: русск. *Буряги*, *варяг*, *колбяз*, *короляг*, *атвяг* [29, т. 1, 2, 4] — типична рефлексация *-ing-* → *-яг(ъ)*. Развитие носовых не позволяет значительно «умолодить» эти формы, поскольку древнерусская деназализация, видимо, вплотную примыкает к ПЗ. Объяснить их можно восточнославянским характером, а может быть, и выделением специального этнонимического форманта; ср. др.-русск. *фрягъ* ← ср.-лат. *francus*, греч. *φραγγος*. Лишь с потерей продуктивности этой моделью из парадигмы мн. ч. переносились формы типа *фрязь*, *атвязь* [28, т. 4, с. 208; 37, вып. 3, с. 15—19].

ПЗ в ю.-слав. прилагательных **d(ъ)v-idъzъ*, *tr-idъzъ «двух-, трех-летний» — следствие переразложения *-i-g-* → *-ig-* и отталкивания от гипотетического **d(ъ)vigъzъ* «развилка» [27, вып. 5, с. 168, 189—190].

Участие в ПЗ корневых морфем — явление периферийное, принципиально нерегулярное, зависящее, с одной стороны, от ситуации, сложившейся в центре, т. е. в суффиксальной сфере, а с другой — от некоторых частных процессов. Поэтому и при наличии всех благоприятных условий место вопроса, почему та или иная лексема не участвовала в палатализации, должен занять прямо противоположный: почему она участвовала?

В глагольных корнях, как показано выше, ПЗ носила вторичный характер, опираясь на морфологические перегибословки в парадигмах склонения. Реализовалась она почти исключительно в южнославянском ареале, где стала продуктивным способом оформления итеративных основ [23, с. 96; 26, с. 95, 103]: **rěi'ī* — *rěko — **rĭk'zī* — **rik'zāti*, **dvit'ī* —

*dvīgo — **dvīg'zī* — **dvīg'zātī* и под. Именно морфологизация сохранила заднеязычный в неитеративных формах типа *dvīgo. Еще позже продукты палатализации переносились в отглагольные имена: ст.-слав. *зръцало*; *пыцьль*, видимо, результат вторичного сближения с *пыци*.

Общеславянская палатализация отмечается в *svcati, где морфологические отношения как раз обратные: ср. итератив *sikāti. Решающей могла оказаться идентичность корневого вокализма *sikāti и **sik'zī*; однако существующие реконструкции (презентная основа на -ī или -i [28, т. 3, с. 815—816; 29, с. 538]) предполагают императив **sik'i*. А преобразование глагола, лишённого *K'*₂-форм, вообще не вписывается в предлагаемую модель ПЗ. Правда, можно допустить неполноту реконструкций (например, контаминацию различных основ).

Именных корней, отражающих ПЗ, всего 5: **lik-*, **nik-*, **ig-*, **lig-*, **stīg-*. Все они сохранили оба конкурирующих варианта. В трех случаях закреплению результатов палатализации могли способствовать морфологические силы. Так, праслав. *lice — продукт отталкивания новообразованной (см. [29, с. 331]) парадигмы ср. р. от **likj/-ā*, м.-ж. р.

Морфологические характеристики рефлексов праслав. *nicь (*nī-kā с последующим опрощением) [28, т. 3, с. 34, 74—76; 29, с. 399], почти исключительно прилагательных и наречий, позволяют возвести их к процессу отталкивания адъективной парадигмы и изолированной формы от исходного имени; в производном **jъznanica/-ka* [27, вып. 9, с. 51] возможно взаимодействие с соответствующими именными суффиксами. Однако следует учитывать и нетипичность для ПЗ адъективирующей функции.

Напротив, праслав. *gdza (палатализация шла до развития начальной *j-* из диезной протезы) — это существительное, противопоставленное исходному варианту, обнаруживающему синтаксические и морфологические (архаичные и новые) признаки прилагательного: русск. *баба-яга* *яга-баба*, *егу-баба*, *ягая*, чеш., слов. *ježibaba*; исключение — укр. *язібаба* [27, вып. 6, с. 68—69; 28, т. 4, с. 542—543]. Таким образом, здесь ПЗ стала стандартным средством субстантивации; ср. субстантивацию суффиксальную: русск. диалектн. *егубица*.

Наконец, для остальных двух корней остается апеллировать к вероятности, благо здесь сохранились не только восточнославянские исходные варианты (*льга*, *нельга*, *польга*, *стега*, *зга*), но и польск. *ulga*, полаб. *prü'olga* [28, т. 2, с. 53, т. 3, с. 321, 752; 33, с. 38]. Однако и этот вероятностный процесс не является, видимо, абсолютно независимым, иначе трудно понять, почему палатализацию отражают *ā-основы, но не *ō-основы (см. хотя бы *мигъ*).

Существует своеобразное дополнительное распределение рефлексов палатализации между классами морфем. Во-первых, корневая палатализация глухого заднеязычного количественно уступает (хотя и незначительно) звонкому. Возможно, это результат отталкивания от *k*-суффиксов, в которых протекали интенсивные смысловые дифференциации, опиравшиеся на ПЗ. Для *g*-морфем столь острого противопоставления не было, и корни располагали относительно большей свободой поведения.

Далее, корневая палатализация развивалась в сегментах *Sikj*, *Sikā*, *Sīgā*, *igā* — именно там, где суффиксальная слабее всего или вообще не представлена. Пока еще не вполне ясен конкретный механизм реализации подобных связей, однако сами они слишком хорошо увязываются с общим характером эпохи (морфологического реванша).

Совершенно особое место занимала в анализируемых процессах, как и в фонологической системе вообще, фонема *x*. Есть серьезные основания для весьма распространенного мнения о неучастии ее в ПЗ. Не располагали необходимой структурой *x*-суффиксы: даже при наличии перед заднеязычным высокого переднего гласного они разделялись морфемной границей, как в *ženixъ ← *ženi-ti. А при отсутствии центра не могла сформироваться и полноценная периферия изменения: недостойны следы ПЗ в таких корнях, как праслав. *drešьль, зап.-слав. *olša*, ст.-слав. *насмисати* [27, вып. 5, с. 113, вып. 6, с. 25; 29, с. 686]. И все же есть один спорный случай, обусловленный спецификой парадигмы: местоимение

ьсь/вьсь; все сомнения в его адрес опровергаются многочисленными новгородскими рефлексами исходной парадигмы *вьхъ* [38, с. 279; 19, с. 50].

Внутрисистемная неоднородность ПЗ дополняется внешней, территориальной. Хорошо обоснована модель иррадиации изменения из южнославянского очага. Правда, проекция диахронии на современную карту Славии может как будто бы противоречить этой модели: не дает перевеса южнославянским языкам подсчет слов, отражающих палатализацию, не отличается большей последовательностью палатализация именных суффиксов [10, с. 42; 31]; выше говорилось и об архаичности ареала в выражении деминутивной функции.

Недоразумение разрешится, если уточнить понятие очага, отказавшись «...от необоснованной уверенности, что где явление чаще, там, значит, оно и возникло. В действительности нередко обратное: новое на месте своего возникновения еще не одолело предшествующего, а на территории последующего распространения, вырвавшись на стратегический простор, получило максимальную силу» [39].

Эта характеристика во многом справедлива для центра ПЗ, суффиксации. На периферии положение обратное: большинство корневых непалатализованных дублетов зафиксировано на востоке и (в меньшей степени) северо-западе Славии, а регулярная ПЗ в глагольных корнях — отличительная южнославянская черта. Очевидно, чем слабее движущая сила, тем меньше противодействие она встречает, но и тем скорее загухает при удалении от очага.

Итак, при наличии общеславянских системных предпосылок изменения они не могли повсеместно и одновременно сложиться в идентичный комплекс, а кое-где, ввиду экстремальной сложности комплекса, могли и не сложиться вовсе. В связи с этим оказалась территориально неоднородной и основная функция ПЗ — фонологизация продуктов П2, узкая встречаемость которых делала их положение в системе крайне неустойчивым (см. [32, с. 39]).

Участие K_2 в механизме ПЗ означает, что конвергенция двух свистящих палатализаций была уже изначально запрограммирована (тем самым лишается фонологического содержания известный тезис Ягича о различном качестве их результатов — «полумягких» и «мягких»). Но в полном объеме программа реализовалась только в южнославянском ареале. Конвергенция, в совокупности с аналогическим выравниванием парадигм (см. выше) и отсутствием сильной тембровой корреляции согласных, стимулировала быструю палаталяцию и ассибиляцию палатализованных заднебных: $k_2 \times k_3 \rightarrow \acute{c}$; $g_2 \times g_3 \rightarrow \acute{d}\acute{z} (\rightarrow \acute{z})$; $x_2 \times x_3 \rightarrow \acute{s}$. Процесс охватил и сочетания $(SK)_2$.

Запаздывание ПЗ в западнославянском ареале обусловило отклонения в периферийных узлах программы. Во-первых, сочетания $(SK)_2$ совпали здесь с продуктом П1 $S'C'$. Во-вторых, стала возможна утрата слабого звена блока заднебных — фонемы x_2 . Факторы структурные (отсутствие звонкого опозита) и субстантные (фрикативный характер) делали ее особенно подвижной, приводили к взаимодействию с двумя ближайшими точками фонологического поля s' и $\acute{s}$:

	$\acute{i}$	$\acute{\imath}$	$\acute{e}$	$\acute{\epsilon}$	$\acute{r}$	$\acute{o}$	$\acute{u}$	$\acute{a}$	ШВ
s'	+	+	+	+	+	-	-	-	5
x_2'	+	-	+	-	-	-	-	-	2
$\acute{s}$	+	+	+	+	+	+	+	+	8

Сила оппозиции (по Журавлеву [32, с. 39]) $F(x_2: s') = 2/3$ при соотношении широты встречаемости (ШВ) 2 : 5; $F(x_2: \acute{s}) = 2/6$, т. е. в 2 раза меньше, при значительном росте разрыва ШВ (2 : 8). В восточно- и южнославянском ареалах для последней оппозиции получаем соответственно $3/6$ (3 : 9) — плюс x_2v' , $\acute{s}v'$ — и $2/7$ (3 : 8) — минус $\acute{s}'\acute{e}$. Иначе говоря, там она могла быть еще слабее. Так что основную дестабилизирующую роль сыграла, видимо, ШВ = 2, при которой количественная устойчивость единицы оказалась недопустимо малой. Отсюда $x_2 \times \acute{s}' \rightarrow \acute{s}'$.

Возможно, в других ареалах буфером для данного процесса послужила периферийная позиция перед v' : ст.-слав. *вльшве, вльшви*.

Конвергенция должна была реализоваться до $x_2 \times x_3$, в противном случае $F(x' : \check{s}') = 6/2, (6 : 8)$ сделала бы ее маловероятной. Развитие же ПЗ при отсутствии x_2 определялось спецификой парадигмы $*vixj$. В результате конвергенции основу на $-\check{s}'$ получила примерно треть парадигмы — 7 форм (Т. ед. м.-ср. р., И. дв. ж.-ср. р., И. мн. м. р., Р., Д., Т., М. мн.). Система стимулировала переходы $(xj) \rightarrow '(x\bar{i}), (xj) \rightarrow '(x\bar{i}), (x\bar{a}) \rightarrow '(x\bar{e}), (x\check{r}) \rightarrow '(x\check{r})$ — всего в 16 формах. Неизменными остались 4 формы $*vix\bar{a}$ (И. ед. ж. р., И.-В. дв. м. р., И. мн. ср. р., В. мн. ср. р.).

Итак, расщепление парадигмы давало значительный перевес x' -формам. Но фонологические отношения были иными: $F(x' : \check{s}') = 4/4 (4 : 8)$; ко второму, более устойчивому оппозиру был направлен и типологический вектор. В условиях морфемного притяжения и чрезвычайной малочастотности x' вполне вероятно была конвергенция $x' \times \check{s}' \rightarrow \check{s}'$, после которой оставалось уже морфологическим путем завершить формирование новой парадигмы.

Процесс распространения ПЗ в восточнославянском ареале оставил отчетливые следы: полнота и эффективность конвергенции $K_2' \times K_3'$ убывают в направлении с юга на север под действием фонетических, а затем морфологических и лексических факторов [38, с. 342—344; 33; 40, с. 69—73; 19, с. 50—56]. Так, по всей территории наблюдается непоследовательность фонологизации в сочетаниях $(Kv)'$; $(SK)_2'$ частично сохраняются, а частично «по-западнославянски» совпадают с продуктами П1, причем в укр. *шкрити*, блр. *шкерыць*, смол. *шкелить* (ср. ст.-чеш. *škeriti*, словц. *škerit' sa*) реализовался особый случай такого совпадения: $S'C' \times (SK)' \rightarrow SK'$ — рефлекс комбинирует качества обоих конвергентов [см. 12, с. 130—131].

В большинстве проторусских говоров сохранялись палатализованные варианты твердых фонем в исходе основ. Не исключено, что именно здесь ПЗ перестает быть органичным фонетическим процессом. Возможный индикатор — прогрессивное смягчение задненебных, широко охватившее великорусский ареал: передача признака диезности последующей ГФ оставалась потенциальной, которая реализовалась только в новой ситуации — как результат полного слияния ГФ при падении редуцированных (имевшем те же корни, что и ПЗ) и в связи с развитием мягкостной корреляции согласных [25, с. 111—112, 121—123; 17, с. 38—42].

Севернорусское же состояние позволяет утверждать почти наверняка, что продукты ПЗ распространялись здесь лишь путем лексических и морфемных заимствований — видимо, начиная с IX в., в ходе консолидации древнерусской общности [41, с. 83—89]. Дело не в «отсутствии второй палатализации», как часто говорится (регрессивное смягчение, в отличие от прогрессивного, — процесс регулярный и общеславянский), но в незавершенности ее второй стадии. Ассибиляция здесь проходила самостоятельно, в связи со слабостью мягкостной корреляции и под действием типологического фактора. Но ввиду отсутствия регулярной конвергенции она не была обобщена ни в одной позиции, фонетической или морфемной. Распределение начальных $k' / \check{c}'$, $(g_2-$, x_2- перед гласными не оставили прямых следов ввиду скудости материала: $*g\bar{e}l-$, $*x\bar{e}r-$, $*x\bar{e}d-$) оказалось лексикализовано: *кевка, кежь, кеп — цел, цена*. Такая ситуация непосредственно порождает конвергенцию свистящей и шипящей аффрикат:

	$\bar{i}$	$\bar{i}$	$\bar{e}$	$\bar{e}$	$\bar{e}$	$\bar{r}$	$\bar{u}$	$\bar{a}$	v'	ШВ
$\check{c}$	(+)	—	+	—	—	—	—	—	+	3
$\check{c}'$	+	+	+	+	+	+	+	+	—	8

Сочетание $\check{c}\bar{i}$ -, допустимое теоретически по условию П2, практически, однако, не восстанавливается (см. [27, вып. 3, с. 194—196; 28, т. 4, с. 301—303]); для др.-русск. *ци* более вероятно праформа $*\check{c}\bar{i}$. Таким образом, $F(\check{c} : \check{c}') = 1/8$. Но и единственная позиция дифференциации не могла оказать серьезного сопротивления конвергенции, поскольку $\check{c}'\bar{e}$ встречалось только в исходе форм мягкого варианта склонения (в соответ-

вии с ю.-слав. $-\acute{e}'\acute{e}$). Не могли существенно изменить ситуацию и единичные заимствования типа *сета.

Современные рефлексy конвергенции носят преимущественно свистящий характер, что видно уже из термина «цоканье». Между тем ШВ 3 : 8 указывает на гораздо большую инерционность второго оппози́та (плюс пониженная частотность первого). Именно он должен был преобладать на первых порах; ср. результаты спорадических совпадений на некокающей территории: др.-русск. *чеглый, чепь, чькьтъ*, русск. диалектн., болг. *черква*, укр. *чпкий*, блр. *зачена* — русск. *цапля*, др.-русск. *ци* [27, вып. 3, с. 176—198, вып. 4, с. 20; 28, т. 4, с. 299—301]. Однако типологическая закономерность [42] стимулировала обратный переход, в результате чего порождалось колебание $\acute{e} \times \acute{e}' \rightarrow \acute{e}/\acute{e}'$, охватившее также и свистящие аффрикаты южнорусского происхождения.

Аналогичные процессы $d\acute{z} \times (d)\acute{z}' \rightarrow d\acute{z}/(d)\acute{z}'$; $\acute{s} \times \acute{s}' \rightarrow \acute{s}/\acute{s}'$ стали, вероятно, зародышем псковского смешения свистящих и шипящих целевых, которое окончательно (с включением свистящих палатализованных) сформировалось позже, в ходе развития мягкостной корреляции согласных [19, с. 152] (как и польское мазурение [43]). Столь значительное сужение ареала данного явления, обусловленное крайней малочастотностью g' -, x' -, могло произойти еще до окончательного формирования, при этноязыковой консолидации IX в. В ходе той же консолидации взаимодействие исконной и заимствованной парадигм через пропорцию *вьтъ* : *вьсь* = *письмо* : *письмо* могло стать источником замен $c \rightarrow x$, также особенно частотных в псковских говорах [38, с. 279—282].

Представляется, что все изложенное убедительно свидетельствует в пользу позднеславянского характера ПЗ. Уточнение основных критериев абсолютной хронологизации (западногерманская атрибуция германизмов, анализ греческих транслитераций славянской топонимики) приводит к наиболее вероятной дате, близкой и периоду относительной изоляции Северной Руси, — началу VIII в. [40, с. 73—74; 41, с. 64].

Основные положения данной статьи сводятся к следующему:

1. Третья палатализация задненебных — порождение глубокого кризиса, охватившего систему праславянского языка в результате несбалансированной эволюции языковых подсистем.
2. Главную роль в развитии палатализации сыграли противоречия: а) между флективной морфологией и группофонемной фонологией, перерастающей в слогафонемную; б) между импульсами к возрождению фонемного строя, с одной стороны, и к перерастанию слогового сингармонизма в словесный — с другой.
3. Диахронический механизм палатализации может быть выражен следующей формулой: воздействие дизной группофонемы с высоким вокальным компонентом на последующую недизную, содержащую исход основы, испытавшей вторую палатализацию в части вариантов, в составе суффикса или, реже, корня, участвующего в лексико-грамматических преобразованиях.
4. Сложность и противоречивость множества действующих факторов обусловили принципиально нежесткий, вероятностный характер палатализации.
5. Очаг палатализации — южнославянский ареал, за пределами которого ее механизм мог не сработать в том или ином слабом узле или даже в целом.
6. Различия в степени эффективности механизма палатализации непосредственно отражались на судьбе продуктов второй палатализации задненебных, а опосредованно — на развитии ведущих консонантных корреляций в славянских языках.
7. Наиболее вероятная дата палатализации — начало VIII в.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Schleicher A.* Compendium der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen. Weimar, 1861, S. 245, 248.
2. *Miklosich F.* Vergleichende Grammatik der slavischen Sprachen. Bd. 1. Lautlehre. 2. Aufl. Wien, 1879, S. 244, 248—249.

3. Катков М. Об элементах и формах славяно-русского языка. М., 1845, с. 85.
4. Гильфердинг А. Об отношении языка славянского к языкам родственным. М., 1853, с. 53.
5. Jagić V. Das Slavische (Altslovenische) im «Grundriss der vergleichenden Grammatik der indogermanischen Sprachen» von Karl Brugmann (1. Band).— ASPH, 1887, Bd. 10, S. 192—193.
6. Бодуэн де Куртене И. А. Огрывки из лекций по фонетике и морфологии русского языка. Воронеж, 1882, с. 54.
7. Lunt H. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
8. Беляев Д. Д.— ВЯ, 1984, № 3.— Рец. на кн.: Lunt H. The progressive palatalization of Common Slavic. Skopje, 1981.
9. Otrębski J. Pochodzenie t.zw. Baudouinowskiej palatalizacji w językach słowiańskich.— Slavia occidentalis, 1948, t. 19.
10. Hamt J. Die Verschiebung der Velarkonsonanten.— Wiener slavistisches Jahrbuch, 1969, Bd. 15.
11. Чекман В. И. Исследования по исторической фонетике праславянского языка. Типология и реконструкция. Минск, 1979.
12. Полежаев Е. Д. Статьи по общему языкознанию. М., 1968.
13. Martinet A. Economie des changements phonétiques. Berne, 1955, p. 366—367.
14. Channon R. On the place of the progressive palatalization of velars in the relative chronology of Slavic. The Hague — Paris, 1972.
15. Shevelov G. A prehistory of Slavic. The historical phonology of Common Slavic. 2. ed. New York, 1965.
16. Журавлев В. К. Развитие группового сингармонизма в праславянском языке. Опыт диахронической фонологии. Минск, 1963.
17. Журавлев В. К. Правило Гавлика и механизм падения славянских редуцированных.— ВЯ, 1977, № 6.
18. Беляев Д. Д. Палатализации заднебных и фонологическая эволюция праславянского языка. Тула, 1980. Рукопись деп. в ИИИОН АН СССР 01.04.81, № 7272.
19. Колесов В. В. Историческая фонетика русского языка. М., 1980.
20. Мельничук А. С. Роль аналогии в переходном смягчении общеславянских *g, k, x* в *dz, s, š*.— В кн.: Питання слов'янського мовознавства. Вип. 5. Львів, 1958, с. 105—108.
21. Варбот Ж. Ж. Древнерусское именное словообразование. М., 1969.
22. Словарь русского языка XI—XVII вв. Вып. 2. М., 1975; Вып. 7. М., 1980; Вып. 9. М., 1982.
23. Бернштейн С. Б. Очерк сравнительной грамматики славянских языков. Чередования. Именные основы. М., 1974.
24. Мартынов В. В. Праславянская и балтославянская суффиксальная деривация имен. Минск, 1973, с. 25, 30, 55—57.
25. Касаткин Л. Л. Прогрессивное ассимилятивное смягчение заднебных в русских говорах. М., 1968.
26. Грицкат-Вирк И. Још о трећој палатализацији.— Јужнословенски филолог, 1951—1952, кн. 19, св. 1—4.
27. Этимологический словарь славянских языков (Под ред. Трубачева О. Н.). Вып. 1 — 10. М., 1974—1983.
28. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка (Пер. с нем. и доп. Трубачева О. Н.). Т. 1—4. М., 1964—1973.
29. Machek V. Etymologický slovník jazyka českého. 3 vyd. Praha, 1971.
30. Цейтлин Р. М. Лексика старославянского языка. М., 1977.
31. Вендина Т. И. Суффикс *-ik(a)* в славянских языках (из истории праславянского словообразования).— В кн.: Общеславянский лингвистический атлас. Материалы и исследования. 1975. М., 1977.
32. Журавлев В. К. Введение в диахроническую морфологию.— Балканско езиковедение, 1976, т. XIX, № 2—3.
33. Глушкина С. М. О второй палатализации заднеязычных согласных в русском языке (на материале северо-западных говоров).— В кн.: Псковские говоры. Вып. 2. Псков, 1968.
34. Никонов В. А. Ручей — Ключ — Колодезь — Криница — Родник.— В кн.: Материалы и исследования по русской диалектологии. Вып. 2. М., 1961, с. 191.
35. Подольская Н. В. Типовые восточнославянские топоосновы. Словообразовательный анализ. М., 1983, с. 88.
36. Беляев Д. Д. Становление праславянских заднебных. Владимир, 1978, с. 31.
37. Топоров В. Н. Прусский язык. Словарь. Вып. 2. М., 1979; Вып. 3. М., 1980.
38. Филли Ф. П. Происхождение русского, украинского и белорусского языков. Историко-диалектологический очерк. Л., 1972.
39. Никонов В. А. Очаг и периферия.— В кн.: Ареальные исследования в языкознании и этнографии. Л., 1977, с. 215.
40. Stieber Z. Zarzys gramatyki porównawczej języków słowiańskich. Fonologia. Warszawa, 1969.
41. Хабургаев Г. А. Становление русского языка. М., 1980.
42. Серебrenников Б. А. Вероятностные обоснования в компаративистике. М., 1974, с. 287—288.
43. Koneczna H. Charakterystyka fonetyczna języka polskiego. Warszawa, 1965, s. 137—140.

МЕНОВЩИКОВ Г. А.

**ВЫРАЖЕНИЕ КАТЕГОРИЙ ПРОСТРАНСТВА И ВРЕМЕНИ
В ЭСКИМОССКО-АЛЕУТСКИХ ЯЗЫКАХ**

Посредством языка как орудия общения в сознании говорящих отражаются предметы и явления материального мира в неотрывном единстве с категориями пространства и времени.

В мире зафиксировано более 2800 языков и 8000 диалектов, но нет языка или диалекта, в котором не развились бы лексические и морфологические средства (а чаще всего те и другие) для выражения пространственных и временных отношений. Можно без преувеличения сказать, что эти отношения пронизывают все главнейшие строевые стороны любого из языков мира на его лексическом и грамматическом уровнях.

В науке о языке, например, существует множество понятий в терминах, называющих не материальные объекты и явления, связанные непосредственно с категориями пространства и времени, а понятия, отражающие различные свойства абстрактного мышления. Такие понятия, как «категория», «понятийность», «логика», «грамматика», «предикативность», «атрибутивность», «номинативность», «субстантивность» и ряд других «нематериальных» понятий, возникли в результате абстрагирования. Такого рода абстракции имеют место в любой отрасли человеческих знаний.

Отвлеченные понятия, опосредованно отражающие мир вещей, пространственные и временные отношения, по-разному развивались в языках различного типа в зависимости от исторического и культурного развития их носителей. Можно считать, что абстрагирование в большей или меньшей степени присуще всем, известным ныне, языкам мира. В эскимосских языках отсутствуют, например, такое физическое понятие, как «воздух», или такие отвлеченные понятия, как «время», «воля», «идеал», «субстанция», но в нем наличествует множество отвлеченных понятий, не связанных непосредственно с миром вещей, с категориями пространства и времени, как, например, «дума», «радость», «горе», «печаль» и т. д.

Пространство и время, тесно взаимодействуя, не одинаково реализуются в языке. В целях установления формальных и семантических сходств и различий в выражении этих категорий в языке рассмотрим сначала каждую из них в отдельности на материале эскимосско-алеутских языков.

1. Категория пространства в эскимосско-алеутских языках нашла весьма многообразное выражение как лексическими, так и морфологическими средствами. Эту понятийную категорию в данной семье языков целесообразнее всего выделять такими семантическими признаками лексики, как **субстантивность, дейктичность, адвербиальность и предикативность** (глагольная).

1. Раздел субстантивной лексики, выражающей категориальные понятия пространства, составляют прежде всего имена предметной семантики. При этом к разделу субстантивных слов в языке относятся также отглагольные имена, обозначающие место действия или состояния, признаки и абстрактные понятия типа «место», «пространство», мыслимые как предметы, ср. имена собственно предметной семантики: *киуык* «река», *найгақ* «гора», *ыснақ* «берег», *тыкыгақ* «мыс», *тума* «дорога», *нунақ* «селение», *суқальунқақ* «ущелье»; имена от глагольных основ: *итыгвик* «вход», *налугвик* «место посадки (птиц)», *қавағвик* «место сна», *ақжуматақ* «место сидения, стул», *сағуа* «место рядом», *уйавақ* «место в отдалении» и др. (суффиксы *-тақ* и *-вик* придают именам значение места действия или нахождения).

Имя на «место» означает неопределенное пространство и конкретизируется в сочетании с другими словами в потоке речи.) В отдельных диа-

лектах это слово означает жилище. Собственные названия населенных пунктов — топонимы, как и названия разных географических объектов — гор, рек, озер, заливов, бухт и пр. наименования также служат целям ориентации в пространстве.

Слово *сила* (*слъа, ыслъа*) во всех эскимосских диалектах означает абстрактное понятие «пространство», а в зависимости от употребления также понятия «вселенная», «мир», «погода» и «хозяин вселенной». В бытовой речи в форме локативных падежей оно выражает конкретные понятия: «улица», «место вне жилища».

К особому разряду слов-сигналов в эскимосском языке (азиатские диалекты) относятся специальные названия морских зверей, находящиеся в определенном пространстве относительно говорящего. Так, одним из основных объектов морской охоты эскимосов со времен палеолита и до нашего времени был морж. Добыча моржа на каяках и байдарках при помощи ручного гарпуна была сопряжена с большими трудностями и опасностями. В этом отношении конкретное социально значимое выражение в эскимосском языке проявилось во множестве названий зверя по признакам его положения или состояния на воде или на суше. Так, кроме родового понятия *агвык* «морж» образовались такие конкретные слова-сигналы, как *путьукак* «морж, плывущий с опущенной в воду головой (видна спина)»; *илгахтык* «спящий на воде морж, когда на поверхности виден только нос»; *аргуакак* «морж, плывущий в западном направлении»; *аруакак* «морж в неподвижном положении на воде»; *қаврык* «морж, плывущий в северном направлении»; *напахтак* «спящий на воде морж столбом»; *қавалиграк* «спящий на воде морж с откинутой назад головой»; *пулакак* «морж, уходящий под лед»; *катыкнык* «приближающийся морж»; *атханьхтукак* «морж, долго находящийся под водой»; *сақишатукак* «рассвирепевший в воде морж»; *аңуакак* «резко вынырывающий для вдоха морж»; *мыгитукак* «морж далеко от воды (на большой льдине, на суше)»; *тувагми* «морж под припаем»; *ухта* и *нунавак* «морж на льдине»; *ухсилгак* «морж на береговом лежбище»; *аңыйыгак* «хищный морж-одиночка»; *манилгуу* «стадо плывущих моржей»; *сумакак* «морж, высматривающий на воде касаток (его врагов — хищных китов)»; *иглыстак* «морж, плывущий с юга на север»; *кыгымтак* «морж, плывущий в одиночку»; *қакыгыт* «группа моржей на льдине»; *ухсилгат* «лежбище моржей на суше»; *ирлыган* «лежка моржей на льдине».

Достаточная информативность таких локативных названий зверя в том, что они конкретно передают как статическую, так и динамическую пространственную соотношенность объектов. В этих же целях слов-сигналов во время морской охоты употребляются возрастные названия зверей, как *ункувак* «годовалый морж»; *ункувагак* «двухгодовалый морж»; *ункувагакпак* «молодой морж с короткими клыками», *миксакак* «морж со средними клыками», *миксагахпак* «морж с большими клыками»; *аңтухпак* «старый морж». Такие лаконичные названия зверя в различном положении или состоянии его употреблялись охотниками в качестве краткого кода в целях мгновенной ориентации охотника в пространстве в процессе промысла. В сочетании с указательными местоимениями (см. ниже) подобные знаковые сигналы с предельной результативностью служили человеку ориентирами в пространстве в процессе его действий и отношений с предметами окружающего мира.

Имена типа *тахталаңа* «длина», *иқытутала* «ширина», *уқахтутала* «глубина» и «высота», *аңыхтутала* «величина», *умутутала* «толщина» означают абстрагированно-обобщенные признаки пространственных понятий. Между тем имена атрибутивного значения типа *уқалғи* «глубокий, высокий», *умулғи* «толстый» (о плоских предметах), *ыслыгулғалғи* «толстый» (о круглых предметах), *амыстахақ* «тонкий» (о круглых предметах), *угмыстахақ* «тонкий» (о плоских предметах), *ықытухақ* «широкий», *такылғи* «длинный», *такыстахақ* «короткий», *ақыстахақ* «низкий» и др., образованные от тех же и подобных им основ, употребляются в языке в сочетании с определяемыми ими словами и обладают, следовательно, более конкретным лексическим содержанием, характеризуют качественно-пространственные признаки предмета.

Место и направление движения предмета в пространстве в эскимосском языке посредством имен выражается тремя основными способами: 1) именами предметной семантики в форме локативных падежей; 2) особой группой имен пространственной ориентации, употребляемых как в функции независимых слов, так и в функции отыменных послелогов; 3) большой серией указательных местоимений.

Категория пространственной ориентации, выражаемая формами локативных падежей, получила в эскимосском языке, во всех его территориальных частях широкое развитие. Из семи падежей два (абсолютный и относительный) выражают преимущественно субъектно-объектные отношения, один (сравнительный) выполняет функции уподобления и четыре падежа (творительный, дательно-направительный, местный и продольный) — локативные функции [1, I, с. 125—171].

Локативные падежи указывают на положение предмета в пространстве, конкретизируя направленность действия на объект, от объекта, из объекта, в объект, к объекту, по объекту, или нахождение объекта на или в другом объекте, ср.: *аңйақ* «байдара» > *аңйамун* «к байдаре», *аңйами* «на байдаре», *аңйакун* «по байдаре». В зависимости от семантики глагола одна и та же падежная форма имени может выражать разные функциональные значения, например: *Иук анақуқ аңйамың* «Человек выходит из байдара»; *Иук тағиқуқ гуйгумун аңйамың* «Человек идет домой от байдара»; *Иугым усиңиғақа уси аңйамың* «Человек выгружает груз из байдара» (*аңйамың* твор. п. от *аңйақ* «байдара»). Подобные смысловые разновидности выражения пространственных отношений одной и той же формой падежа присущи в той или иной мере и всем другим локативным падежам эскимосского языка.

В эскимосском языке имеется особая группа имен пространственной ориентации, которая в притяжательном сочетании с именами предметной семантики употребляется в функции послелогов. Вместе с тем в позиции определяемых слов эти имена сохраняют субстантивное значение. К группе имен пространственной ориентации относятся *сиву* «пространство впереди», *сағуқ* «пространство рядом, около», *қукақ* «середина», *қула* «верх», *қайа* «поверхность», *асиқ* «низ», *илу* «путь», *иңлу* «бок», *киңу* «пространство позади», *ајта* «пространство за чем-л.», *аңтала* «величина», *ақула* «пржежуток», *кыла* «предел, грань», *туца* «сторона чего-л.», *тунута* «пространство в тыльной стороне», *ыслъата* «наружное пространство», *кылуца* «северная сторона» (всего 18 слов; возможно, учтены не все).

В субстантивной функции эти имена употребляются редко, поскольку они лишь абстрактно выражают предметно-пространственное значение, как в предложениях: *Пага кылуца қуйңиқтупиқтук* «Там северная сторона оленей-много-имеет»; *Уйатуқақ иңлу пығным алтақуқ* «Дальняя сторона еле виднеется»; *Хуаңкуца қунпың уқмаңиғақақпун увита* «Мы постоянно очищаем окружающую-местность» и т. д.

Однако наиболее продуктивно отмеченная группа имен пространственной ориентации в языке выступает в функции второго члена притяжательного сочетания с именем предметной семантики, выполняя служебную функцию послелога. При таком сочетании именной послелог принимает на себя все падежные формы, а управляющее им имя сохраняет единую форму относительного (Relative) падежа, ср.:

Абс.	<i>найғам сағуа</i> «дома около-него»
Отн.	<i>найғам сағуан қиғак</i> «дома около-него камень»
Твор.	<i>найғам сағуаның</i> «дома от-близости-его»
Дат.-напр.	<i>найғам сағуанун</i> «к дому» («дома к-близости-его»)
Местн.	<i>найғам сағуани</i> «у дома» («дома около-него»)
Прод.	<i>найғам сағуакун</i> «дома около» («дома у близости-его»)
Сравни.	<i>найғам сағуатун</i> «дома подобно-близости-его»

При сочетании имени предметной семантики с именем пространственной ориентации, как видно из парадигмы, даже нелокативные падежи (абс., отн., сравн.) выполняют локативные функции [1, I, с. 205—223].

Из 18 имен пространственной ориентации, характеризующих нахождение предмета в определенном пространстве, 3 имени — *кукаҕ* «середина», *киңу* «пространство позади» и *кыһля* «предел, грань» в зависимости от контекста могут выражать значения пространственной и временной соотнесенности, ср.: *аһйам кукаһи* «байдары на-середине-ее» и *аһныһым кукаһи* «дня посреди-его, в полдень»; *гуйгум киңуҕани* «дома позади-его, за домом» и *Матын илама киңуҕаның кәсимаҕа* «сегодня товарища моего после-него пришел-я»; *гуйгум кыһлаңанун* «дома до предела-его, до дома» и *уксум кыһлаңанун* «зимы до предела-ее, до зимы» и т. д.

Имена пространственной ориентации в функциях послелогов, выражая отношение к пространству или времени первых и вторых лиц, получают соответствующее лично-притяжательное и падежное оформление, в результате чего они приобретают лексическую и грамматическую автономность, не согласуясь с другими словами, ср.: *киңу* «пространство или время позади», отсюда послеложные сочетания типа *гуйгум киңуҕани* «дома позади-его», *гуйгум киңуҕанун* «к дома задней-части-его» и т. д., а в отношениях этого же слова пространственной ориентации в функции послелога с первыми двумя лицами образуются лично-притяжательные формы, замкнутые самим послеложным словом и с полной информативностью выражающие отношение лица к пространству или времени, ср.: *киңу-в-һың* «после-тебя» (-в — 2-е л., -һың — твор. п.), *киңу-һунун* «за мной (-м — 1-е л., -һун дат. -напр. п.), *сиву-һси-һи* «перед вами» (-һси- — 2-е л. мн. ч., -һи — мест. п.) и др. От каждого имени пространственной ориентации, употребленного в функции послелога с 1 и 2-м лицом субъекта, образуется ровно столько же лично-притяжательных и падежных форм, сколько таких форм от имен предметной семантики. Следовательно, понятие «послелога» для эскимосского языка представляется неадекватным такому понятию о послелогах — неизменяемых служебных словах, наличествующих в ряде языков других систем.

Отсутствие в отдаленно родственном эскимосскому алеутском языке локативных падежей компенсируется наличием и функционированием в нем большого количества отыменных послелогов, выражающих (более чем в эскимосском) многообразные аспекты пространственно-временных отношений. К таким отыменным послелогам в языке алеутов о-ва Беринга относятся: *аһаңан* (и *һамаған*) «позади, за»: *улам аһаңан* «за домом» (ср. однокорневой эскимосский послелог *аһатаңани* «позади, за»); *аһадан* «посреди»; *аһтан* «позади»; *тудған* (и *аслаган*) «во время»; *һадан* «к, по направлению к чему-л.»; *икаңан* «за что-л.»; *илаган* «от, по сравнению с»; *илан* «в, у»; *истан* «вдоль, по»; *кадан* «перед, впереди»; *каңаган* «с, сверху»; *каңан* «на, наверху»; *куган* «на, на нем, по»; *кудуган* «между»; *куңин* «на, сверху»; *қусан* «над»; *һаган* «в, изнутри, внутри»; *һан* «в, к, для»; *сиңиган* «внутри»; *ситкан* «под»; *ситкаган* «из-под»; *чидаган* (и *чилиган*) «над» (всего 23 послелога; вполне вероятно, что зафиксированы не все).

Послелоги в сочетании с именами предметной семантики образуют двучленную притяжательную конструкцию, первым членом которой выступает имя в форме относительного падежа беспритяжательной или притяжательной формы (суф. -м), вторым членом — послелог в лично-притяжательной форме, ср.: *улаҕ* «дом» > *улам һадан* «к дому», *улан һадан* «к его дому», *улан һадан* «к моему дому», *уламин һадан* «к твоему дому», *улас һадиңин* «к их домам», *уламчих һадиңин* «к вашим домам», *уламас һадан* «к вашему дому» и т. д.

Послелоги лично-притяжательных форм 1 и 2-го лица типа *һаһимин* «ко мне», *һаһимас* «к ним», *һаһимис* «к тебе», *һаһимчих* «к вам» приобретают большую лексическую и функциональную автономность, поскольку они своей личной формой без сочетания с другими словами выражают отношение лица к пространству [2].

2. К р а з р я д у д е й к т и ч е с к и х с л о в, характеризующих многосторонние аспекты пространственной и временной ориентации в эскимосско-алеутских языках, относится прежде всего р а з р я д у к а

з а т е л ь н ы х м е с т о и м е н и й, число которых в отдельных языках и диалектах этой языковой семьи от 20 до 25 слов. Если учесть, что в зависимости от числа определяемых в пространстве объектов каждое из местоимений может получить форму двойственного и множественного числа, то количество их увеличится в три раза, т. е. достигнет от 60 до 75 слов [1, I, с. 257—272; 2].

Дейктическое свойство этой группы слов пространственно-временной ориентации заключается в способности их указывать на нахождение объекта в пространстве в состоянии статичности или динамичности. Указательные местоимения ориентируют субъекта действия на нахождение объекта в его разных направлениях по вертикали и горизонтали, в примерном расстоянии от субъекта действия, в состоянии покоя или движения. В эскимосском языке к разряду указательных местоимений относятся следующие слова: *тана* (дв. *такук*, мн. *такут*)¹ «этот рядом», *туна* «этот близкий», *игна* «тот в отдалении», *мана* «тот в окружающей местности», *кана* «тот у выхода, у воды, на воде, в кругу», *пикна* «тот выше, на возвышенности, в стороне от моря», *укна* «тот, приближающийся», *агна* «тот, проходящий стороной, удаляющийся», *икна* «тот на другой стороне, за оврагом, за рекой, за проливом», *қагна* «тот снаружи», *угна* «тот у выхода, у порога», *пагна* «тот внутри страны, далеко от берега», *уныгна* «тот на берегу, на горизонте, ниже говорящего», *памна* «тот наверху, на горе, позади», *самна* «тот под низом, в сенях, на южной стороне», *амна* «тот за пределом, невидимый, но известный», *қакымна* «тот снаружи» (несколько ближе, чем *қагна*), *қамна* «тот внутри», *имна* «тот невидимый, неизвестный, тот в прошлом», *пакымна* «тот на возвышенности», *пигна* «тот недалеко позади», *акымна* «тот, на другой стороне, невидимый» и др.

Аналогичная картина функционирования не меньшего количества указательных местоимений отмечается и в алеутском языке, в котором в отличие от эскимосского не получила развития система локативных падежей и все функции ориентирования в пространстве (частично — во времени) приняли на себя эти слова дейктической семантики.

Как и в эскимосском, в алеутском языке указательные местоимения образовались от первичных непроемных основ дейктической семантики посредством компонента *-н*, усекающегося в формах дв. и мн. числа. В языке алеутов о-ва Беринга в 1963 г. нами зафиксированы следующие указательные местоимения: *йан* (дв. *йакух*, мн. *йакус*) «этот рядом, известный», *ицан* «тот близкий, видимый», *укан* «тот близкий, невидимый», *акан* «тот дальний, плохо видимый», *уман* «тот невидимый», *һакан* «тот верхний, на горе», *садан* «тот снаружи», *аматхан* «тот дальний», *сакан* «тот нижний, у моря, под чем-л.», *икун* «тот недалекий, видимый», *ауан* «тот, движущийся мимо, стороной», *һаман* «тот невидимый, далекий по месту или времени», *һакун* «тот повыше» (но ниже *һакан*), *укан* «тот внутри чего-л.», *удан* «тот лежащий вблизи», *қикан* «тот в сенях, за порогом», *қакун* «тот впереди», *аган* «тот на другой стороне, за рекой, за оврагом», *икан* «тот в другом месте», *аман* «тот за пределом страны, на другой земле».

Формы дв. и мн. числа алеутских указательных местоимений образуются посредством формантов *-кух*, *-кус*, при этом формант *-н* усекается, ср.: *какун* «тот впереди» > *какукух* дв. ч. > *какукус* мн. ч.

Представляется вероятным, что разряд дейктической лексики эскимосско-алеутских языков, на что указывают этимологии ряда указательных местоимений, возник еще в период гипотетической территориальной общности протоэскимосо-алеутов. Так, например, адекватными по лексическому значению и морфологической структуре предстают такие местоимения, как эск. *игна* (дв. *ицкук*, мн. *ицкут*) «тот близкий, видимый»; ал. *ицан* (дв. *ицакух*, мн. *ицакус*) «тот близкий, видимый»; эск. *самна* (*самкук*, *самкут*) «тот внизу, у моря, под горой»; ал. *сакан* (*сакакух*, *сакакус*) «тот внизу, у моря, под горой»; эск. *агна* (*ажкук*, *ажкут*) «тот, движущийся стороной»; ал. *ауан* (*ауакух*, *ауакус*) «тот, движущийся стороной»;

¹ Дв. и мн. число всех указательных местоимений образуется по единой модели, поэтому остальные даются только в ед. числе (подробнее см. [1, I, с. 259—260]).

эск. *икна* (*икыхжук, икыхжут*) «тот, на другой сторон», ал. *икун* (*икукуж, икукус*) «тот, на другой стороне»; эск. *амна* (*амжук, амкус*) «тот невидимый, далекий» и др.².

Необычайно широкий диапазон функций прономинальных слов в эскимосско-алеутских языках свидетельствует о социальной обусловленности их в том плане, что они характеризуют предельную конкретизацию отношений между мыслящим субъектом и предметами в пространстве и времени. Условия существования охотничьих племен на краю Ойкумена — обитаемой земли на оконечности Северо-Восточной Азии и Северо-Западной Америки — требовали от человека быстрой и безошибочной ориентации в пространстве, в обнаружении объекта добычи или направления движения к объекту. Чрезвычайная детализация ориентации в пространстве посредством прономинальной лексики облегчала целесообразные действия древних охотников. Необходимость указания на предмет по признакам их удаленности от говорящего, по степени видимости и невидимости, наличию или отсутствию, приближению или удалению объекта обуславливалась смысловой емкостью речевых сигналов — указательных слов.

После разделения протоэскимосов и протоалеутов и в результате ослабления, а затем и отсутствия регулярных языковых контактов между этими племенами развитие способов для обозначения пространственно-временных и других коммуникативных отношений и связей в них пошло разными путями: эскимосский язык в совокупности его взаимодействовавших диалектов развил единую систему локативных падежей, сохранив в то же время серии отыменных послелогов и наречий места, тогда как алеутский язык с его диалектными разновидностями для выражения тех же отношений использовал значительное число отыменных послелогов, образовавшихся, как и в эскимосском, от первообразных имен пространственно-временной ориентации, но которые постепенно утратили в нем независимое лексическое значение.

3. К р а з р я д у д е й к т и ч е с к о й л е к с и к и, образовавшейся в эскимосском языке в большинстве случаев от тех же первообразных корневых морфем, что и указательные местоимения, относятся н а р е ч и я м е с т а, также указывающие направление или положение предмета в пространстве. Различие между указательными местоимениями и наречиями места, образующимися от одних и тех же непрямых основ дейктической семантики, в том, что указательные местоимения ориентируют на предмет, находящийся на определенном направлении или месте в пространстве, а наречия — только на направление или место в пространстве, т.е. вместо понятий «этот», «тот» в определенном месте понятия «здесь», «там» в том же определенном месте.

От 24 непрямых основ дейктической семантики, которые в неформальном виде употребляются в языке также в значении и наречий места, и имен пространственной ориентации, посредством суффиксов *-вык, -кын, -ни* дополнительно образуется еще 72 наречных слова, что составляет в общей сложности 96 слов. Если учесть, что от этих же 24 первообразных наречно-именных основ образуется еще такое же количество указательных местоимений посредством форманта *-на*, то количество указательных слов выразится цифрой 120. Кроме того, каждое указательное местоимение изменяется еще и по дв. и мн. числу, что увеличивает число однокорневых слов от этих непрямых основ до 40. Таким образом, от 24 таких основ производится 168 словоформ (включая непрямые основы). Ср. образец: *пика* «то верхнее место» (имя), «там наверху» (наречие), *пикна* «тот наверху» (местоимение), дв. *пихжук*, мн. *пихжут*, *пикавык* «туда наверх» (наречие), *пихыжкын* «оттуда сверху» (наречие), *пикани* «там наверху» (наречие).

К первой группе наречий места в эскимосском языке относятся непрямые дейктические слова наречно-именной семантики типа *ага* «то место в удалении» (имя) и «там в удалении» (наречие), от которых

² Все остальные местоимения в дв. и мн. числе принимают аналогичные формы.

образовались производные формы с суффиксами *-вык, -кын, -ни* (см. выше): *агавык* «оттуда из удаления», *ажкын* «туда в удаление», *агани* «там в удалении». По этой же модели образовались все другие наречия места от непроезженных основ типа *акыма* «там на другой стороне», *ина* «там в отдалении», *қага* «там снаружи» и т.д. — всего 96 наречий, включая непроезженные [1, I, с. 211].

Ко второй группе наречий места относятся наречия, образованные от имен пространственной ориентации посредством суффиксов локативных падежей и (ограниченно) форм субъективной оценки, ср.: *асивани* «вниз», *асиваның* «снизу», *уйавани* «вдали», *уйаванун* «вдоль», *қантағани* «вблизи», *сивутми* «впереди», *уйаварығаған* «далеколько», *қантағарығаған* «близенько», *асиварығаған* «низенько» и т.д.

Наречные слова, образовавшиеся от имен пространственной ориентации посредством форм локативных падежей, в значительной степени утратили именную семантику и в современном эскимосском языке стали употребляться преимущественно в адвербиальном значении.

4. Предикативность как понятийная категория, характеризующая пространственную ориентацию действия субъекта, в эскимосском языке широко реализуется в глагольных словоформах, обозначающих 1) различные типы движения к предмету, из предмета, на предмет, вниз, вверх, в направлении на стороны света; 2) движение с целью обладать предметом; 3) движение с целью совершить действие, названное основой слова; 4) совершение субъектом речи действия на означенном месте; 5) нахождение субъекта на месте, означенном производящей основой слова.

К первой группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы от непроезженных основ, в семантике которых заложены значения направления движения в определенную сторону, ср.: *агулақақуқ* «уезжает, удаляется»; *аглақақуқ* «идет (в пределах ограниченного пространства, населенного пункта)»; *иглыхтақуқ* «ходит, передвигается» (на определенном месте или на чем-л.); *тағиқуқ* «приходит»; *катақуқ* «приближается, подъезжает»; *итхақуқ* «входит», *анақуқ* «выходит»; *укигақуқ* «спускается с горы»; *маюғақуқ* «поднимается в гору»; *атхағақуқ* «идет, спускается на берег»; *тағлагақуқ* «идет от берега, идет от низменности к возвышенности» (например, «от берега в поселок, от поселка в тундру» и т.д.); *угатмихтақуқ* 1) «идет от жилища в другое жилище», 2) «идет от одного пункта к другому», 3) «идет от полога, выходит из полога»; *айгуғақуқ* «идет в северную сторону»; *сакмавытақуқ* «идет в восточную сторону»; *ухқақуқ* «идет в южную сторону», *акимихтақуқ* «идет в западную сторону»; *пиуақуқ* «идет по направлению к говорящему»; *киятмихтақуқ* «идет за поселком, за жилищем»; *кытмихтақуқ* «идет в сторону поселка» и т.д. Значительная часть глаголов движения в пространстве образуется от именных основ, обозначающих место в пределах населенного пункта, жилища или названий частей света, как *киуан* «место позади жилища», *уган* «место около выхода из жилища», *кыта* «место в стороне от жилища» и т.д. Глаголы движения в населенный пункт, как и глаголы нахождения в данном пункте, при этом образуются от названий данного пункта, ср.: *Имтук* — назв. селения, отсюда производный от него глагол *имтуктақуқ* «он идет или идет в Имтук», *имтукмытақуқ* «он находится в Имтуке». Отыменные глаголы движения, образованные от имен пространственной ориентации, в эскимосском языке изменяются по всем грамматическим категориям, присутствующим в глаголах *verba finitum* [1, II, с. 31].

К этой же группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы состояния от основ типа *ицахта* «лежать», *ақума* «сидеть», *ныкывега* «стоять» и под.

Ко второй группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы движения с целью обладать предметом (взять или принести предмет), названным производящей основой данной глагольной словоформы, ср.: *илаңқуқ* «лед» > *илаңқуқуақуқуна* «за-льдом-иду-я»; *аңуағун* «весло» > *аңуағутқуақуқуна* «за-веслом-иду-я»; *игнык*

«сын» > *иҕныккыҕакуца* «за-сыном-иду-я» (в смысле «принести лед», «принести весло», «привести сына»).

Глаголы этой группы образуются от именных основ посредством суф. *-кыа/-ку* [1, II, с. 31].

К третьей группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы цели движения. Движение происходит ради того, чтобы совершить действие, семантически выраженное производящей основой данной глагольной словоформы, ср.: *кыпхаг-* «работать» > *кыпхаҕайаҕакуца* «работать-иду-я», *уципа-* «рассказывать» > *уципасахтуҕакуҕ* «рассказывать идет он».

Глаголы данной группы образуются посредством суф. *-йа/-сахту* как от глагольных, так и от именных основ, ср.: *ныксаҕ* «нерпа» > *ныксаҕйахтуца* «нерп-промышлять-ушел-я», но *нага-* «слушать» > *нагасахтуҕакуца* «послушать-иду-я».

К четвертой группе глаголов пространственной ориентации относятся глаголы действия или состояния, указывающие на место совершения действия. Образуются такие глаголы от имен с суф. *-вик/-фик*, придающим словам значение места действия, ср.: *кыйах-* «жить» > *кыйахфик* «место жительства» > *кыйахфикакуҕ* «живет-в-данном-месте», но *кыйахтакуҕ* «живет»; *ихлыҕа-* «сдвигать с места» > *ихлыҕвик* «место, на котором сдвигают что-л.» > *ихлыҕвикака* «пододвигает что-л. к чему-л.»; *льиҕ-* «класть что-л.» > *льивик* «место поклажи» > *льивикака* «кладет что-л. на что-л.» и т. д. [3, с. 79].

К пятой группе глаголов пространственной ориентации относятся отыменные глаголы, означающие нахождение субъекта речи на месте, названном производящей именной основой глагола, ср.: *аңйаҕ* «байдара» > *аңйамыкакуҕ* «в-байдаре-находится-он»; *стол* > *столыми* > *столымытакуҕ* «на-столенаходится он», *мыҕ* «вода» > *мыҕми* «на воде» > *мыҕмытакуҕ* «на-воде-находится-он» и т. д.

Отыменные глаголы данной группы образуются от имен в форме местного падежа (суф. *-ми/-ни*). От имен в форме других локативных падежей отыменные глаголы не образуются [1, II, с. 33].

II. Категория времени. Время, наряду с пространством, является одной из основных форм существования материи. Материалистическое понимание времени сложилось и победило в борьбе с идеалистической философией, считавшей время порождением индивидуального сознания.

С точки зрения философской время как объективно существующая реальность в своей протяженности (течении) необратимо. В отличие от трехмерного измерения, свойственного пространству, оно имеет лишь одно измерение — от прошлого к будущему. Время, как и движущаяся материя, бесконечно. У него нет начала и конца. Вместе с тем время обладает такими свойствами, как непрерывность, однонаправленность (от прошлого к будущему), упорядоченность (моменты времени следуют один за другим в определенном линейном порядке).

Астрономическое время измеряется при помощи какого-либо периодического процесса, который может повторяться неоднократно с одинаковой продолжительностью от секунд, минут, часов, суток, недель, месяцев, лет и т. д.

Особенности отображения и языкового обозначения временных циклов (как и пространственных значений) связаны с картиной мира, которая меняется в зависимости от стадии исторического развития той или иной локальной группы носителей конкретного языка, в зависимости от уровня познания ими действительности.

Так, например, у эскимосов представления о временных циклах начались, по-видимому, с деления суточного времени на утро, день, вечер, ночь, но сам суточный цикл не выделялся и, следовательно, не назывался. Понятие о суточном цикле связывалось с понятием сна или ночевки («одна ночевка», «две ночевки» и т. д.). За суточными циклами следовали месячные циклы, названия которых основывались на сезонных занятиях каждого племени, зависящих от определенных экологических условий. Вместе

с тем число месячных циклов почти совпадало с лунными циклами: у разных территориальных групп было от 12 до 13 названий месячных циклов. Родового понятия «время», а следовательно, и соответствующего слова для этого понятия в эскимосском языке не было.

Далеким предкам современных эскимосов, как и других народов мира на разной ступени развития, свои представления о смене времен года и делении года на месячные циклы практически связывали с многовековыми наблюдениями над сезонными изменениями в природе, от которых зависели условия их жизни и хозяйственной деятельности. В основе этих сезонных изменений лежало движение Земли вокруг Солнца (годовой цикл — зима, весна, лето, осень) и движение Луны вокруг Земли (лунные месяцы), это нашло конкретное отражение в языке.

Весьма характерно, что первичные (непроизводные) названия временных циклов в эскимосских языках относятся только к названиям времен года и суточных циклов. Слова *уксуқ* «зима», *уынгак* «весна», *кйк* «лето», *укақ* «осень», а также *ағнық* «день», *иғивгақ* «вечер», *унук* «ночь», *унақ* «утро» не этимологизируются. Годичный цикл определяется тем же словом, что и «зима» (*уксуқ*).

Между тем названия эскимосских месяцев, в отличие от названий времен года и суточных циклов, хотя и были связаны с лунными циклами, оказались производными и соотносятся непосредственно с изменениями географических, климатических и хозяйственно-бытовых условий жизни людей в полярной зоне. У разных территориальных групп азиатских эскимосов в названиях месяцев отразились такие мотивы, как представление об убывании или удлинении дней, наблюдения над повадками животных и птиц, виды занятий людей в зависимости от временных циклов (летняя и зимняя охота, собирательство), наблюдения над явлениями природы. Так, например, месячный цикл, по времени совпадающий с грегорианским августом, у науканских эскимосов носит название *сиқл'аэвик* «время мотыги», т. е. «время добывания съедобных корней», а у чаплинских эскимосов этот же месячный цикл имеет название палигвик «время увядания трав», у сиреникцев — *туқығеых* «время прокалывания скорлупы», т. е. «время рождения птиц» и т. д. (подробнее см. об этом в [4]).

О. Есперсен справедливо отмечает, что кроме грамматического времени, присущего глагольным словам, время нередко выражается в других частях речи, и этот способ обозначения времени часто бывает более точным, чем всякое обозначение времени с помощью глагольных форм, например, «3 февраля 1929 года в 23 часа 30 минут» [5, с. 297].

Категория времени, как и категория пространства, выражается в эскимосско-алеутских языках в понятийных категориях субстантивности, дейктичности, адвербиальности, предикативности.

1. К субстантивной лексике, выражающей временные представления, относятся все названия годичных («весна», «лето», «осень», «зима»), месячных [см. 4] и суточных («утро», «день», «вечер», «ночь») циклов, отдельные имена пространственной ориентации, которые в зависимости от контекста речи могут выражать понятия временных отрезков, имена — названия сезонных занятий (например: *муғун'ылъық* «пора зимней морской охоты», *муғусухалъық* «пора ранней зимней морской охоты»), имена в форме локативных падежей, указывающие на время действия [см. 1, I, с. 142, 155 и др.]. К этой же категории лексики относятся имена пространственно-временной ориентации типа *киңу* «место позади, время позади», *кылла* «предел в пространстве или во времени», а также имена типа *тазимкақтақ* «давнишний», *нығиқ* «древность», *има* «далекое прошлое» и «дальнее пространство». Слово *қукақ* «середина» в притяжательном сочетании с именами временных циклов выражает понятия половины отрезка времени (*унугым қука* «ночи середина, полночь»). Производные формы слов от основ, обозначающих различные временные циклы, образуют слова со значением протяженности во времени, ср.: *ағнық* «день» > *ағныл'қусиқ* «целый день», *уксуқ* «зима» > *уксул'қусиқ* «целая зима» и т. д.

2. К именам дейктической семантики, означаю-

щим нахождение объекта в отдаленном пространстве или события в далеком прошлом, в эскимосском языке относится указательное местоимение *имна* «тот далекий, невидимый» и «то в прошлом», в алеутском в этом же значении — местоимение *хаман*. Другие указательные местоимения, отмеченные выше, употребляются в этих языках преимущественно для указания на нахождение объекта в пространстве.

Всякое действие в его широком понимании, будь то движение, состояние, целенаправленное действие или другие семантические его разновидности, совершается во времени и пространстве. В языке понятийная категория действия материализуется главным образом в глагольных словоформах.

3. Глагольная предикативность проявляется как функционально-грамматически, так и аспектологически. Категория грамматического времени, как известно, выражает отношение действия к моменту речи. Отсюда — три основных категории грамматического времени: прошедшее, настоящее и будущее. В эскимосском языке выделяется пять грамматических времен: прошедшее близкое, прошедшее отдаленное, настоящее, будущее близкое, будущее отдаленное. Прошедшие времена соотносят действие с прошлым, настоящее — с моментом речи, будущие — проецируют действие на последующие периоды от момента речи. Каждое из пяти времен имеет присущие только ему морфологические показатели, ср.: наст. *кыпхагакуца* «я работаю», бл. прошл. *кыпхаттуца* «я только-что работал», прош. *кыпхамана* «я работал», бл. буд. *кыпхагнакуца* «я сейчас буду работать», буд. *кыпхалъыкуца* «я буду работать».

К грамматическим формам глагола, выражающим временные отношения, относятся также глаголы зависимого действия — деепричастия, которые в составе сложных синтаксических структур обозначают по отношению к главному действию предшествующее, одновременное, условно-ограничительное и предположительное действия, ср.: *Мылуглуца, анауца* «Закурив, выхожу-я»; *Тагийавык, кыпхамана* «Придя-ты, работал-я» («Когда ты пришел, я работал»); *Туълъуғыснайамың, тагламалғи* «Как только позвали они (позвав-они), пришел он»; *Каванырныни, кыпхагайагакуца* «Когда ты засыпаешь, я иду работать»; *Аңйагнақамта, унаңу-пихъуку тахтумакут* «Собираясь-охотиться, рано проснулись мы»; *Агламагма, сумызтагахъыкуца* «Идя, думать буду я»; *Тагискувца, пий-алъыкуца ылъпысинун* «Если отведешь (домой) меня, (тогда) пойду к вам»; *Тагинайукама, мыңтыгазминка куйамалғит* «Ожидая что вернусь, домашние мои радовались»; *Итхагавагилавык, ныкыкуахъыхатын складмун* «Пока не уехал ты, за мясом сходи в склад» и т. д. [I, II, с. 136—177].

Важное значение для выражения понятийной категории времени имеет категория а с п е к т у а л ь н о с т и. В эскимосском языке наличествует более 20 глагольных форм, выражающих различные способы темпорального протекания действия. Каждая из таких форм глагола означает соотношенность действия не с грамматическим временем, а со временем длительности, временной протяженности действия, что реализуется в таких соположениях, как начало и прекращение действия, однократность — многократность, предельность — неопределенность, постоянность — периодичность и повторность, ускоренность — замедленность, длительность — краткость, интенсивность — неинтенсивность действия и т. д., ср.: *тагилагасималғит* «приходить-начали-они» ∞ *тагинанисималғит* «приходить-прекратили-они»; *стайкук* «катится» ∞ *стагагакук* «катается»; *кавагажтук* «вдруг-заснул» ∞ *кавахтагакук* «долго-засыпал»; *аглакугакук* «постоянно-ходит» ∞ *аглагагигакук* «редко-ходит» ∞ *аглаламагакук* «повторно-ходит»; *агларахкигакук* «быстро-ходит» ∞ *аглакыстагакук* «медленно-ходит»; *кыпхатпихтагакук* «в-теме-работает» ∞ *кыпхаврыгагакук* «едва-едва-работает» и т. д. [I, II, с. 37 и сл.].

К этой же категории следует отнести некоторые глаголы модельной оценки действия (например, «намереваться»).

Грамматическую категорию времени и лексико-семантическую категорию темпоральности объединяет общая понятийная кате-

г о р и я — в р е м я. Однако в языке эти временные категории выражаются независимо одна от другой, поскольку любой глагол, означающий тот или иной способ протекания действия во времени, указывает лишь на его темпоральность, на конкретные отрезки действия во времени, тогда как грамматическое время репрезентирует действие в обусловленные моменты в прошлом, настоящем или будущем. Поэтому все без исключения глаголы изменяются по всем временам, сохраняя в своей морфологической структуре те или иные показатели темпоральности (например, замедленности, быстроты, повторности действия и т. д.).

4. К а т е г о р и я в р е м е н и, как и категория пространства, выражается также наречиями, модальными словами, частицами и союзами, способствующими переходу глаголов из плана одного времени в план другого. Эти группы адverbиальной и служебной (периферийной) лексики — наряду с другими лексическими и морфологическими средствами многопланово выражают категорию темпоральности, являющуюся неотъемлемым членом суждения.

К наречиям времени относятся такие слова, как *матын* «теперь», *матынинаҕ* «только-что», *матыҕуаку* «через некоторое время», *матын илаҕаны* «однажды», *илаҕаны* «иногда», *ҕаку* «когда», *ҕавҕаҕ* «давно», *ҕавҕаҕаҕ* «недавно», *катамсаҕа* «ментально», *нунмайк* «медленно», *алаҕраҕ* «непрерывно», *ҕантаҕаны* «скоро» (также «близко»), *ҕунпыҕ* «всегда, вечно», *суна* «вдруг», *аҕныҕу* «днем», *кику* «летом», *унуку* «ночью» (от всех названий временных циклов посредством суф. *-ҕу/ку* образуются наречия: *упынҕаҕ* «весна» > *упынҕаҕу* «весной» и т. д.) и др.

К разряду модальных слов, частиц и союзов, которые в зависимости от контекста часто замещают друг друга, относятся такие, как *лураҕ* «может быть», *уйнтаку* «стоп, обожди», *йесам* «вероятно», *ҕынйат* «наконец, уже», *гаймаҕи* «пожалуй», *итык* «прежде чем», *миуын* «возможно», *панинаҕ* «все же», *тайа-лэу* «только-что», *лыган* «как только», *нутым* «уже», *ики* «пока не», *ҕакима-лэу* «чуть было», *тахкын* «потом, затем, и», *иуын* «когда, если», *налиҕмыҕ* «или-или» и др.

Следовательно, пространство и время как взаимодействующие и основные формы существования материи в эскимосско-алеутских языках, как и в других языках мира, находят многостороннее отражение в лексическом составе и грамматических формах.

Категории пространства и времени особенно разнообразно исследуемых нами языках выражаются посредством дейктических слов, а именно — первообразных указательно-наречных слов и образовавшихся от них больших серий указательных местоимений, а также наречий места и времени. Категории пространства и времени, кроме того, находят свое выражение в серии особой группы имен пространственной ориентации и образовавшихся от них именных послелогов. Пространство и время многосторонне отражаются также в именной, глагольной и адverbиальной лексике, что выше было проиллюстрировано на конкретном языковом материале.

ЛИТЕРАТУРА

1. Меновщиков Г. А. Грамматика языка азиатских эскимосов. Ч. I. М.—Л., 1962; Ч. II. Л., 1967.
2. Меновщиков Г. А. О двух аспектах выражения пространственных отношений в алеутских языках.— В кн.: Языки и топонимия. Томск, 1976.
3. Емельянова Н. М. Классы глаголов в эскимосском языке. Л., 1982.
4. Меновщиков Г. А. Этимология названий месяцев у азиатских эскимосов.— В кн.: Доклады Географического общества СССР. Вып. 5. Л., 1968.
5. Есперсен О. Философия грамматики. М., 1958.

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

Онтология языка как общественного явления. Отв. ред. Степанов Г. В., Панфилов В. З. — М.: Наука, 1983. 311 с.

В советском и мировом языковедении выходит немало книг, посвященных теории языка, связи языковедения с другими науками, в частности с философией. Это и понятно, т. к. любое лингвистическое направление, любая значительная лингвистическая концепция опирается на то или иное философское основание. В свою очередь философы и общественные деятели используют выводы языковедения, особенно в области национально-языковых отношений, системы языка и его функционирования, связи языка с общественным сознанием и культурой, языковой политики и обучения языку.

Методологической основой советского языковедения является, как известно, диалектический и исторический материализм, марксистско-ленинское учение о природе и обществе, самом мышлении и сознании. В этой связи всячески следует приветствовать различные публикации по философским проблемам языковедения, в том числе серию трудов «Проблемы марксистско-ленинского языковедения». Монография В. З. Панфилова «Гносеологические аспекты философских проблем языковедения» [1], входящая в названную серию, уже получила положительную оценку [2]. Следует также упомянуть два сборника украинских языковедов, вышедших под редакцией Ю. А. Жлуктенко [3] и А. С. Мельничука [4].

Выход коллективной монографии «Онтология языка как общественного явления» — значительное событие в марксистско-ленинском языковедении. Методологическая принципиальность, обобщение огромного фактического и исследовательского материала, объективность в оценке достижений науки о языке, роли языковедения в общественном развитии — все это поднимает теорию языка на более высокий уровень, помогает решить фундаментальные вопросы, которые являются предметом научной полемики между представителями разных направлений языковедения нашего времени.

Рецензируемая книга состоит из введения, шести глав, литературы, предметного и именного указателя. Первая глава носит название «Язык как предмет языковедения. Общественная природа языка» (с. 6—36, автор — В. З. Панфилов), вторая — «Происхождение человека и языка в процессе трудовой деятельности» (с. 37—104, автор — В. В. Якушин), третья — «Исторические типы общности людей и языка» (с. 105—142, автор — М. И. Исаев), четвертая — «Язык и идеология в их взаимоотношениях» (с. 143—

171, автор — А. И. Домашнев), пятая — «Социальная дифференциация языка» (с. 172—207, автор — А. Д. Швейцер), шестая — «Современная научно-техническая революция и ее влияние на развитие языка» (с. 208—286, автор — Р. Г. Котов).

То или иное понимание языка как общественного явления зависит от трактовки понятия социальности человека и человеческого общества. Общественная природа языка состоит не только в том, что он как важнейшее средство человеческого общения является достоянием всех говорящих на данном языке, но также и в том, что он — условие и составная часть общественного развития человека. Язык и общество в своем развитии едины. Критикуя понимание языка как некоего автономного, имманентного явления, которое якобы должно рассматриваться только в себе и для себя, как лингвистическая компетенция — врожденная универсальная грамматика, В. З. Панфилов подчеркивает, что язык «является наряду с материальной и духовной культурой, общественным производством и совокупностью общественных отношений одним из важнейших носителей социального наследования» (с. 27).

Общественная природа языка проявляется в его основных, конституирующих функциях — коммуникативной и экспрессивной (когнитивной). Единство общения и обобщения — фундаментальное положение марксистского языковедения. Признание лишь одной из названных функций, как и выделение производных от основных функций (аккумулятивной, коннотативной, поэтической, магической, идеологической, ситуативной и т. д.), может рассматриваться только как исследовательский прием, используемый при решении частных задач.

К. Маркс и Ф. Энгельс также признают коммуникативную и экспрессивную (когнитивную) функции основными, поскольку «подобно сознанию, язык возникает лишь из потребности, из настоятельной необходимости общения с другими людьми» [5]. Эту концепцию Б. В. Якушин подкрепляет данными, которыми располагают современные палеоантропология, археология, этнография, зоопсихология, а также исследование детской речи. Автор детально говорит об образе жизни первобытного человека, его труде и мышлении.

Б. В. Якушин считает исходным для решения проблемы происхождения человека признание того факта, что первобытный человек питался в основном мя-

сом и добывал его регулярной охотой, господствовал в своей экологической нише. Первобытное сообщество состояло из 80—100 особей. Выделялись два вида деятельности: традиционное (как и у обезьян) соби́рание плодов, корней и трав (им преимущественно занимались женщины) и охота (ею занимались наиболее сильные мужчины, причем среди них выделялся лидер).

Изготовление орудий труда и умелое их использование являлось основой трудовой деятельности прачеловека. «Если арсенал первобытного охотника и не был достаточно богатым (дубина, каменный топор, баласы и, может быть, копье), то тем более разнообразие объектов охоты требовало множественности и гибкости форм поведения на охоте» (с. 77). И изготовление орудий труда, и применение их требовали умственных действий — запоминания опыта, его осознания, использования и умножения.

Первоначально мышление было ситуативным; оно охватывало набор жизненно значимых ситуаций; выход из своей экологической ниши расширял опыт, способствовал выработке анализа и синтеза.

Зарождение и первые этапы развития языка протекали в условиях пантомимы. Пантомиму сопровождали выкрики, они были частью синкретического знака; на втором этапе выкрики стали заменять собственно пантомимические элементы; на третьем этапе происходит смена воли за ция звучания, когда образ превратился в значение слов-предложений.

Естественным продолжением главы о происхождении человека и языка является глава об исторических типах общности людей и социальных типах языка — родоплеменном диалекте, языке народности, национальном языке, языке межнационального общения. Единство племенного диалекта, являющегося одним языком для двух как минимум родовых коллективов, было залогом дальнейшего развития и возможного распада племени, а следовательно, образования родственных диалектов. С возникновением классового общества и экономического его развития возникают народности и нации, для которых характерна не только общность языка и психического склада, проявляющегося в культуре, но и общность постоянной территории и экономической жизни. Народности возникают во все экономические формации. Языки народности бывают литературными, письменными и бесписьменными. Нация и национальный язык — качественно новое явление в истории человечества. В главе детально говорится об истории возникновения и становления национальных языков, которая всегда самобытна, о свободном развитии языков при социализме, о русском языке как общем языке межнационального общения в Советском Союзе.

Любой национальный язык возникает как форма национальной культуры. В буржуазном обществе, как известно, имеется две культуры — буржуазная и социалистическая. Поэтому в философии и языковедении неоднократно ставился

вопрос о социальной дифференциации языка, о его классовости, о связи языка с идеологией.

Рассматривая взаимоотношения языка и идеологии как отношения «язык — мышление — знание — идеология — действительность» с позиций философской теории отражения, А. И. Домашнев обращает внимание на то, что «необходимо иметь в виду не только классовое, идеологическое содержание определенной части лексикки, например, специальных терминов, связанных с общественной надстройкой, но язык как целое, содержащее совокупность отдельных форм его существования (литературный язык, общоно-разговорные формы языка, диалекты), а также язык в целом, не только как средство общения, но и как действительное сознание» (с. 148).

Более подробно в главе рассматриваются работы философов и лингвистов ФРГ и ГДР. В буржуазной социологии, например, в ФРГ, получила распространение «критика языка» — семантический анализ языка и употребления слов, особенно таких, как *демократия*, *свобода*, *империализм*. Философы и лингвисты ГДР, в частности, В. Шмидт, отмечают, что нет особых языковых знаков, предназначенных для выражения идеологии; есть их только особое использование, в том числе для выражения идеологического содержания. Поэтому анализ идеологического использования языка, особенно в философских и политических текстах, не может вестись без анализа идеологической, классовой позиции говорящего или пишущего.

Деление общества на классы образует первичный уровень социальной структуры общества; вторичный уровень — это различные социальные слои и группы (сословные, профессиональные, культурные и иные). «Немаловажно», — отмечает А. Д. Швейцер, — и воздействие на язык элементов социокультурных и социопсихологических структур — социальных норм, установок, стимулов, мотиваций, ориентаций и механизмов социального контроля» (с. 179). Однако взаимодозначных соответствий между социальными и языковыми структурами нет; даже одна и та же нация может обслуживаться двумя языками (например, в Канаде используются английский и французский языки) или вариантами одного и того же языка (мордовская нация пользуется двумя литературными языками — эрзя и мокша).

Показателем влияния социальной структуры общества на язык является наличие стилей языка и стилей речи (если пользоваться терминологией В. В. Виноградова). Стили языка порождаются сферами коммуникативной деятельности; выделяются такие сферы, как наука, образование, религия, делопроизводство, общественно-политическая деятельность, художественное творчество, массовая коммуникация. Однако сферы деятельности и функциональные стили не совпадают, т. е. стили выделяются по характеру коммуникации: функция общения обслуживается общоно-бытовым стилем; функция воздействия — публи-

дистическим и художественным стилями. Правда, под влиянием сфер деятельности выделяются дополнительно подстили — научно-популярный, учебно-научный, газетный и т.п.

Стиль речи (контекстуальный стиль) отражает конкретную ситуацию общения; в этом случае важна социальная роль, которая свойственна коммуникантам, их ценностная ориентация при выборе нормы поведения. Представление социума как малой социальной группы, внутри которой межличностные связи отражают якобы все общественные отношения, противоречит марксистской теории классов, которая основное деление выводит из производственных отношений, хотя и признает дальнейшее членение, роль социально-психологического фактора, естественную дифференциацию общества по возрасту, полу, расовому признаку.

Влияние общества на язык наглядно проявляется при возникновении электронно-вычислительной техники и ее широком использовании для переработки информации. Информационный аспект научно-технической революции, его влияние на развитие языка и лингвистической теории анализируются в последней главе; рассматривается в ней также проблема создания новых языковых средств для обслуживания технологической сферы.

В век НТР язык не только обслуживает духовную культуру, он непосредственно связан с производством. Развитие средств массовой информации (печать, радио, телевидение) повышает роль языка как средства воздействия и средства хранения знаний. «Сама научно-техническая революция, наступившая в результате реализации достижений науки и техники, — пишет Р. Г. Котов, — является свидетельством развития функций языка как орудия мышления и познания и доказательством того, что язык активно влияет на все сферы духовной и производственной деятельности общества» (с. 227—228).

Возникновение узкоспециальных языков (подязыков) «науки и техники» вызвало необходимость регламентации терминотворчества, нормализации, унификации и стандартизации терминологии и формализации деловых документов в области технико-экономической информации, особенно в сфере управления. Создаются информационные центры с автоматизированными банками данных по отдельным узким направлениям науки (например, в области ядерной физики), разрабатываются искусственные языки массового пользования — языки программирования и информационные языки. О них подробно говорится в главе. Выделяются три типа информационных языков — синтетические (семантические), дескрипторные и классификационные. Естественно-искусственное двуязычие, представляющее собой характерную черту современной НТР, охватывает значительную часть общества.

Языковая ситуация современного человечества очень сложна; она охватывает разные социальные и национальные сферы,

сферы искусственных языков, а также взаимоотношение естественных и искусственных языков. Проблема единого языка человечества предстает перед нами все более явственной и в то же время более сложной. Возлагаются надежды на машинный перевод, языковые проблемы которого, однако, оказываются намного сложнее, чем они сначала представлялись и требуют дальнейшего исследования в разных направлениях (перевод полных текстов научно-технических документов с частичными пред- и постредактированием, создание систем перевода с помощью машин, частичный перевод документов — заголовков, аннотаций и рефератов). «Языкознание может играть основную роль в комплексном изучении (совместно с другими дисциплинами) всех языковых средств современного общества, сохраняя при этом в центре своего внимания проблематику естественных языков. Такое комплексное исследование языковых средств важно не только для теории и практики лингвистики, но и для дисциплин, занимающихся проблемами автоматизации информационных процессов» (с. 284).

Даже краткое изложение основного содержания рецензируемого теоретического сборника показывает, какое разнообразие проблем решается современным языкознанием, насколько они сложны и необходимы для современного общества. Несмотря на то, что книга написана разными авторами, привносящими свой фактический материал и манеру научного изложения и доказательства, перед нами встает целостная концепция общественной природы языка, взаимодействия языка и общества, его экономической, социальной и духовной культуры. Авторы убедительно показывают, что языкознание не может быть «чистой» наукой: оно так же партийно, как и другие науки, особенно социальные.

Конечно, у рецензента не может не быть критических замечаний и пожеланий улучшить и содержание книги, и его изложение. В книге теоретические проблемы рассматриваются в основном на материале развития языков в нашей стране, на материале языкового строительства в СССР. Между тем основные принципы, идеи и методы марксистско-ленинского языкознания находят признание и творческое развитие во всех странах мира — как в теоретической, так и практической деятельности ученых и общественных деятелей. Этот исторический фактор заставляет нас говорить о том, что марксистско-ленинское языкознание должно опираться на языковую практику всех регионов нашей планеты. Опыт языкового строительства у нас в стране, обобщение его и развитие лингвистической теории имеет международное значение. Его распространение предполагает изучение своеобразия языкового развития и языкового строительства в странах, различных по своему развитию и общественно-политической ориентации. Такое изучение ведется советскими учеными [6—9].

Следует обратить внимание на активную роль теории — на языковую политику как компонент национально-осво-

бодительной борьбы и совершенствования социализма, на педагогические проблемы ликвидации неграмотности, повышения культуры речи, обучения родному языку и языку межнационального и международного общения. Это тоже часть марксистско-ленинского учения о языке как общественном явлении, об управлении языковым развитием при социализме.

Рецензируемая книга вышла небольшим тиражом. Рассматривая ее как методологическое руководство для ученых и практиков, мы должны рекомендовать ее к переизданию (возможно, доработанному и дополненному).

Кодухов В. И.

ЛИТЕРАТУРА

1. Панфилов В. З. Гносеологические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.
2. Чесноков П. В.— ВЯ, 1984, № 3.— Рец. на кн.: Панфилов В. З. Гносеоло-

гические аспекты философских проблем языкознания. М., 1982.

3. Язык и идеология. Критика идеалистических концепций функционирования и развития языка. Под ред. Жлуктенко Ю. А. Киев, 1981.
4. Современное зарубежное языкознание. Вопросы теории и методологии. Отв. ред. Мельничук А. С. Киев, 1983.
5. Маркс К. и Энгельс Ф. Немецкая идеология.— Маркс К. и Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. М., 1955, т. 3, с. 29.
6. Степанов Г. В. К проблеме языкового варьирования. Испанский язык Испании и Америки. М., 1979.
7. Ключев Б. И. Национально-языковые проблемы независимой Индии. М., 1978.
8. Неверов С. В. Общественно-языковая практика современной Японии. М., 1982.
9. Чередниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Проблемы функционирования западноевропейских языков. Киев, 1983.

Борунова С. Н., Воинова В. Л., Еськова Н. А. Орфоэпический словарь русского языка. Произношение, ударение, грамматические формы. Около 635 000 слов. Под ред. Аванесова Р. И.— М.: Русский язык, 1983. 704 с.

Выход в свет «Орфоэпического словаря русского языка» — значительное событие в культурной жизни нашей страны.

Советское языкознание с первых дней революции много сил отдавало строительству новой культуры. Здесь нельзя не вспомнить Д. Н. Ушакова. Свою работу по защите, пропаганде и совершенствованию русского литературного произношения он называл, в духе эпохи, по-военному: «мои походы за орфоэпию». Он мудро соединял верность всему ценному в речевой традиции с чутким вниманием к ее обновлению.

Достойным продолжателем дела Д. Н. Ушакова был его ученик Р. И. Аванесов, вдохновитель и редактор нового словаря. Словарь продолжает традиции Д. Н. Ушакова, значительно их обогащая. И это понятно: сама норма языка и отношение к ней за 50 лет изменились.

В 20-е—40-е годы главное было в том, чтобы понятие литературной нормы сделать достоянием широких масс; надо было настаивать на ее необходимости, прочности, обязательности. В этих условиях вариантность литературного произношения неизбежно оценивалась как ее недостаток; как то, что мешает воспитывать уважение к строгим требованиям литературного языка. Поэтому словари, учебники, справочники стремились уменьшить количество помет, допускавших выбор произношения.

Время идет. Сейчас все понимают, что языку нужна четкая норма. Успешно насаждать нормативность, энергично защищать ее нет необходимости. В глазах наших современников получила особую ценность возможность выбора (в пределах нормы) — ради выразительности

речи, ради ее стилистической красочности и остроты.

С другой стороны, остается твердым убеждение, что недопустимо распатывание нормы. Как совместить эти два требования, выдвинутые речевой современностью? Словарь дает прекрасный ответ. В нем сохраняется и категоричность нормативных рекомендаций, и представлены более широко, чем в других словарях, — возможности варьирования. Составители в огромном большинстве случаев добились убедительного баланса между запретами и разрешениями. Вот, например, как выглядит статья со сложными нормами ударения: **отжѣть**, -живѣу, -живѣт, *прош.* **отжил** и **отжѣл**, *отжилá*, **отжило**, **отжили** и **отжѣло**, **отжили**, *прич. действ. прош.* **отжѣвший**, *прич. страд. прош.* **отжитый** и **отжѣтый**, **отжит** и **отжѣт**, **отжѣтá**, **отжито**, **отжиты** и **отжѣто**, **отжѣты**, *деепр.* **отжѣв!** *не рек.* **отжило́**; *не рек.* **отжита**, **отжѣта**; *неправ.* **отжила**, **отжила**; *неправ.* **отживший**, **отжив**.

Как видно, допущен большой выбор вариантов. И вместе с тем — ряд строгих запретов: устраняется то, что отвергнуто общественным вкусом, то, что противоречит законам языка.

На чем основан выбор? На внимательном наблюдении живой речи, на проникательном истолковании процессов, протекающих в современном русском языке. Если норма отстает от живой речи, возникают мучительные напряжения. Один из таких трудных участков современного языка — ударение. Вот пример: существуют пять однотипных слов — *слесарь*, *токарь*, *писарь*, *пекарь*, *лекарь*. Словари требуют, чтобы у одних непременно во множественном числе было окончание -и,

у других *-я*; у третьих допустимо и то, и другое. Если же у слова окончание в [м. пад. *-и*, то в род. пад. возможно у одних окончание *-ей*, ударное, у других *-ей*, безударное. Например: *токари токарéй*, но *лэкари, лэкареéй*. Такое строгое разграничение живой практикой культурной речи не подтверждается. Читатель убедится в этом, если попытается определить, не заглядывая в справочники, какое образование мн. числа предписывается каждому слову. Впрочем, словари и справочники здесь категоричны, но не единодушны; нет двух, где рекомендации были бы одинаковы. Очевидно, от категоричности в данном случае надо отказаться. Составители Словаря поступили правильно: они для всех этих слов разрешили и окончание *-я*, и окончание *-и*.

Продуктивная тенденция в современном языке — с помощью ударения противопоставлять формы ед. и мн. числа существительных. Это убедительно показала в своих работах В. Л. Воронцова. Тем самым стимулировано распространение окончания *-я*, *-я* ударного в форме им. пад. мн. числа у слов, имеющих в ед. числе ударение на основе. Поэтому Словарь обоснованно разрешает всем пяти словам пользоваться окончанием *-я*. Такая рекомендация отвечает грамматической тенденции языка. С другой стороны, всем пяти словам позволено пользоваться окончанием *-и*, хотя бы в целях стилистических, для умеренной архаизации текста.

Так Словарь снимает многие напряжения в современной орфоэпии.

Та же тенденция — размежевание двух чисел существительных с помощью ударения — в других случаях принимается Словарем в виде специализированных норм. Словарь щедро включает явления профессиональной речи, считая их в своей сфере правомерными. Здесь также видно изменение привычного отношения к норме. Профессиональное арго обычно рассматривается как нечто нормативно нежелательное. Во внеслужебное время человек владеет литературной речью, но на работе занимается предосудительным ее искажением. Верно ли это? Пожалуй, более прав был командир судна, издавший приказ: «На берегу разрешаю говорить *кóмпас*. Он исходит из существования двух литературных норм: для профессиональной речи — *кóмпас*, для обиходной — *кóмпас*. Рабочая речь требует соблюдения своих норм, это не речь «распустеха», не речь-беззаконница. Пора принять ее в лоно литературной нормы как ее особое ответвление. В Словаре даны, например, такие указания:

лоцман, -а, мн. -ы, -ов		у моряков, мн. лoцманá, -бв;
бáмпер, -а, мн. -ы, -ов		в профессион. речи мн. бaмпeрá, -бв;
бóцман, -а, мн. -ы, -ов		у моряков мн. бoцманá, -бв;
кóмпрессор, -а, мн. -ы, -ов		в профессион. речи мн. кoмпрессорá, -бв;
майка, майкá		у моряков майкa..

Как видно из примеров, в профессиональной речи активно пролагает себе путь та тенденция, о которой говорилось: использовать ударение для разграничения числовых форм. Отражение этих форм —

знак чуткого внимания составителей к жизни языка.

Хорошо даны в Словаре формы прошедшего времени глаголов, краткие прилагательные и причастия — все это болевые точки современной акцентологии. Тщательно выявлены формы с двумя равновозможными ударениями: *блédный, блáзны, ббдрýй, влáжны, вбльны, дýшны, глúбокий, жéлтый* и мн. др.

С. И. Ожегов, видимо, справедливо считал, что излишняя склонность к побочным ударениям в сложных словах свойственна просторечию. Вполне естественно, что Словарь полон внимания к «побочному ударяемому» словам. Необходимо учитывать многие стороны явления. Полуударение бесспорно уместно, если первая часть сложного слова — на самом деле аналитическое прилагательное. Аналитическое прилагательное опознается по двум признакам: во-первых, оно присоединяется к существительному, которое живет и без соприобщения данного (и любого другого) прилагательного; во-вторых, оно свободно, по велению смысла, присоединяется к любому существительному, сохраняя свое значение без изменения. Кроме того, полуударение тем более вероятно, чем большим количеством слогов оно отделено от основного ударения. Игруют роль также разные чисто морфологические признаки.

Создается впечатление, что в Словаре учитывались многие из этих факторов; теоретические предположения проверялись наблюдениями над речью. Поэтому рекомендации в большинстве случаев убедительны; см. слова с начальной частью *аэро-, био-, кино-* и др. Но есть и досадные случаи, когда Словарь поощряет то самое просторечие, от которого он должен предостерегать. Так, совершенно неприемлемо произношение *сéльсовéт, сéлькóбр, сбéркáсса*, на котором настаивает Словарь. Но это частности.

Произношение согласных перед мягкими согласными — вот, пожалуй, самый сложный участок современной орфоэпической системы. В эпоху Д. Н. Ушакова устойчивыми были законы: перед мягкими зубными согласными все парные зубные согласные могут быть только мягкими; перед мягкими губными зубные согласные возможны только мягкие. В 50-е годы обе эти закономерности были живыми, и словарь 1959 г. («Русское литературное произношение и ударение». М., 1959) отразил их как незыблемую норму. Новый словарь, следуя за языком, многое здесь меняет; иногда, впрочем, не следуя за языком.

1. Перед мягкими зубными — мягкие зубные. Эта закономерность прочна. Она

без исключений реализуется в сочетаниях [с^бт^б — з^бд^б — с^бн^б — т^бн^б — д^бн^б — н^бт^б — н^бд^б]. Словарь везде неукоснительно отмечает мягкость первого соглас-

ного в этих сочетаниях. (Есть редкие недосмотры: *безжизненный* дано без указания на [з^{бн}], ср. *жизненный* с таким указанием.) Впервые приводятся все словоформы, где такие сочетания возникают. Например, дано слово *мост* — и приводится форма *о мосте*, с указанием на [с^{бт}]. В прежних словарях такие сочетания в косвенных формах не указывались.

Сочетания зубных с мягкими боковыми зубными идут с пометой: [с^{бл} и сл^б]; если же твердость первого согласного поддерживается парадигматически, то с пометой [доп. с^{бл}], [доп. з^{бл}]: *росли, о козле* и т. д. Это отвечает реальности нашей речи. Разрыва с традициями нет, но Словарь говорит, что в современном русском языке согласный [л^б] ведет себя иначе, чем все другие зубные, он слабее остальных зубных индуцирует мягкость своему соседу.

В двух случаях, однако, позиция авторов Словаря (относительно сочетаний зубных) кажется уязвимой. В сочетании {с^{бт}} согласный [с^б] обязан быть мягким; но замечено, что в тех случаях, когда эти зубные следуют после твердого [л], согласный [с] может оставаться твердым: *то [лсг^б]еть, по [лсг^б] и [ползти]*. Наблюдение впервые было сделано Р. И. Аванесовым; в словаре 1959 г. нет указания на мягкость [с] в этих случаях.

Закономерность факультативна. Наряду с указанным произношением широко распространено и другое: *то[лс^{бт}]еть, то[лс^{бт}]и*. И хорошо, что в новом словаре отмечено у этих слов: [доп. с^{бт}]. Но эта факультативная закономерность неожиданно (и, на наш взгляд, необоснованно) перенесена на положение после [р]: на слова типа *шерсть, о версте*, а также *второкурсник, мерзнет* и т. п. Обязательность мягкого произношения в этих случаях пометами Словаря снижается на две ступени. Например, для слов *шерсть, горсть* и под. указано не [с^{бт}], как в словаре 1959 г., и даже не [с^{бт} и сл^б] — на ступень ниже, а [доп. с^{бт}]. Эта закономерность механически распространена на все слова с данной позицией: [р] + зубной + мягкий] зубной согласный.]

Понятно, что [л], звук низкой тональности, понижает тон следующего согласного. Но сомнительно, чтобы [р], звук высокой тональности, мог это сделать. Положим, что и такая норма, с твердым зубным, когда он зажат между [р] и следующим мягким согласным, существует в современном русском языке и даже в какой-то степени распространена; но тогда по крайней мере надо было допустить на равных правах оба произношения: [рс^{бт} и рсг^б].

Умение сочетать дедукцию и индукцию здесь изменило авторов: искусственное обобщение подминает факты и ведет к неточным рекомендациям.

Вызывает сомнения и другая рекомендация о сочетаниях зубных согласных с зубными согласными. Как произносится

балансировать, об ассонансе, о романсе, авансировать, о бронзе, бензин? Конечно, с мягким [н^б] в сочетаниях [н^бс^б], [н^бз^б]: зубной перед мягким зубным произносится мягко. Естественно, в словаре 1959 г. все эти слова даны с категорической пометой [н^бс^б], [н^бз^б]. С удивлением читаем в новом словаре, что мягкость [н^б] здесь только допустима, т. е. даже не рекомендуется, не равноправна с твердостью.

У слов с такими сочетаниями в новом словаре большой разницей помет. В словах *вакансия, вонзить, вензель* допускается равноправно произношение и с [н^б], и с [н]; в словах: *пенсион, пенсионер, претензия, рецензировать* — только с [н^б]. В словах *балансировать, бензин, о бронзе, о романсе* — оказывается, [н^б] всего лишь допустимо... (Между тем произношение *о рома[н]се* просто режет слух, воспитанный на литературной норме). Этот разницей, может быть, и отвечает каким-нибудь умозрительным построениям, но противоречит фактам живой речи. Реально господствует произношение с [н^б]. Р. И. Аванесов в своих теоретических работах признавал допустимым произношение *бе[н]зин*, но в этом случае нельзя согласиться даже с Аванесовым, тем более, что в словаре 1959 г. он рекомендует только *бе[н^б]зин*.

Отказ от традиционной нормы, которая требует в данном звукосочетании мягкости [н^б], ведет к серьезным неувязкам. В словах *женственный, таинственный, о единстве, о чванстве* возможна мягкость [т^б] перед [в^б] — на том основании, что зубные позиционно мягки перед мягкими губными. Норма эта свойственна не всем говорящим, но для многих она живая. Тогда в тех же четырехсогласных сочетаниях перед мягким [т^б] непременно мягкость [с^б], зубного перед зубным. Далее: перед [с^б], снова по закону «мягкий зубной + мягкий зубной», будет обязательной мягкость [н^б]. Следовательно, возможны типы произношения: [нств^б] — у тех, кто не смягчает зубные перед мягкими губными,¹ и [н^бс^бт^бв^б] — у тех, кто смягчает. Нормы иерархичны: если у кого-либо есть мягкость зубных перед губными, то тем более есть мягкость зубных перед зубными. Поэтому совершенно неправдоподобно в чьей-либо речи как устойчивое явление сочетание [нс^бт^бв^б].

Человек, перепрыгнувший барьер в три метра, наверняка перепрыгнет и барьер в два метра. Но не обязательно тот, кто одолел двухметровое препятствие, возьмет и трехметровую высоту. Мягкость зубных перед зубными — это двухметровая высота, мягкость зубных перед губными — трехметровая. Тот, кто произнес [т^бв^б], произнесет и [н^бс^б]. Невероятно, что окажется реализованной мягкость в первом из этих сочетаний и вместе с тем нереализованной во втором.

Конечно, речь — вероятностный объект, в речи чего не бывает! Но среди

з а к о н о м е р н ы х сочетаний нет [н^бд^бв^б]. А именно их-то и рекомендует все время Словарь, поскольку составители решили, что мягкость первого согласного в сочетании [н^бс^б] — явление нежелательное. Неубедительные рекомендации относительно сочетаний [н^бс^б] и [н^бз^б] считаем недостатком Словаря.

2. В словаре 1959 г. последовательно указана мягкость зубных перед мягкими губными: [з^бв^б] *эзды*, [с^бп^б] *ереди* и т. д. В новом словаре везде, за редким исключением, разрешен выбор: [з^бв^б] или [зв^б], [с^бп^б] или [сп^б] и т. д. Эта закономерность сейчас потеряла свою категоричность, требовать неукоснительного ее соблюдения невозможно. Но и подталкивать ее к исчезновению нет смысла; поэтому правы авторы нового словаря, отмечая и желательность традиционной нормы и возможность отступлений от нее. У слова *разве* указана только одна возможность — произношение [з^бв^б], и это понятно и обоснованно. Есть свои резоны и у других отступлений в пользу господства традиции (слова *лезвие*, *лезвийный* и некот. др.).

Словарь отмечает, что в сочетаниях [д^бв^б], [т^бв^б], [з^бв^б], [с^бв^б] мягкость первого согласного более устойчива, чем в других сочетаниях зубного перед мягким губным. Думается, что это справедливо, хотя и противоречит данным массового орфоэпического опроса, проведенного в 60-е годы. Видимо, направление этого процесса меняется.

В целом трактовка ассимилятивной мягкости согласных в Словаре убедительна, и наши упреки касаются только деталей. (Статьи: если в словах *ангел*, *архангел* допускается произношение [н^б], то такое же произношение надо допустить и в словах *архангельцы*, *архангельский*, где оно в современной речи сохраняет свою устойчивость.)

Как Словарь заботится о тех участках орфоэпической системы, которые требуют защиты? Всегда есть такие закоулки литературной речи, которые по тем или иным причинам находятся в опасности. Тем не менее их важно сохранить. Литературный язык могущественен тем, что опирается на традицию; он соединяет поколения, Пушкина — с нами, нас — с людьми XXI века. Если стихотворение «Подъезжая под Ижоры» читать: [п^бд^бж^бж^ба п^бд^бж^бо^бр^бы], то текст А. С. Пушкина перестает существовать как произведение искусства (такое чтение когда-то рекомендовал Н. Н. Асеев, но здесь мы не последуем даже за Асеевым). Подхлестывать, торопить историю произношения не следует, надо, наоборот, укреплять традицию, доносящую до нас ценности прошлого.

Словарь делает это хорошо. Дан полный набор слов и словоформ с согласным [ж^б]; вплоть до таких нечастых форм, как *венежусь*, *нагромозжусь*... Рекомендовано именно традиционное произношение, с мягким долгим шипящим, и считается допустимым произношение с [ж:] твердым.

Точно очерчен круг слов, где после [ш, ж] в первом предупредительном слоге необходимо произношение [ы^б] (*жалеть*, *лошадей* и т. д.). Здесь обоснованно сохраняются рекомендации Р. И. Аванесова и других орфоэпистов.

Тщательно указаны случаи, когда буквосочетание *чи* произносится как [шия]; убедительно разграничены слова, где такое произношение обязательно и где оно допустимо.

На стыке приставки и корня в словах типа *расческа*, *исчерпать*, *бесчестный* предлагается произношение [ш^бч^б], господствующее в современной речи. Но, может быть, стоило дать и другое, уходящее в прошлое, но все еще живое: *ра[ш^б:]эстка*, и [ш^б:] *ерпать*, *бе[ш^б:]естный*... Указать на возможность такого произношения предлагал А. А. Реформатский после выхода орфоэпических словарей 1955 и 1959 гг. Это более отвечало бы установке Словаря «отразить столько вариантов нормы, сколько их реально существует в языке на данной стадии его развития...» (Предисловие к Словарю, с. 3).

В Словаре дается информация об образовании грамматических форм. Эта работа выполнена особенно тщательно. В основе рекомендаций лежат серьезно продуманные теоретические положения о соотношении языка и речи (что важно при фиксации потенциальных форм), о связи грамматического и лексического в слове, о грамматическом объеме именных и глагольных лексем.

В одной из публикаций, подготовительных для Словаря, Н. А. Еськова писала: «В русских словарях принято представлять парадигмы слов в виде сокращенных указаний на определенные неисходные формы, которые даются при исходных — заглавных — словоформах. Количество таких указаний зависит от степени нестандартности парадигмы: для стандартных в морфологическом и акцентном отношении требуются минимальные указания, для нестандартных — те или иные добавления к минимуму. Все толковые словари русского литературного языка следуют этому общему принципу, но ни один не проводит его сколько-нибудь последовательно. Данная работа претендует на такую последовательность» [1]. Действительно, по продуманности и последовательности грамматических рекомендаций «Орфоэпический словарь русского языка» является образцовым изданием.

Читатель найдет в Словаре указания по всем сложным вопросам русского грамматического формообразования. Один из них решаются путем скрупулезного анализа каждого отдельного факта, — если в самом языке не определились общие закономерности, движущие процесс изменения многих единиц в одном направлении (например, рекомендации о формах прошедшего времени у глаголов типа *замолкнуть*, *олознуть*, *намолнуть*, *прокиснуть* и т. п.). В других случаях наблюдение каждого явления остается чутким и точным, но учитываются и общие грамматические тенденции русского

языка (например, таковы рекомендации по поводу акцентных признаков форм).

Не только омонимы, но и значения одного слова строго разграничиваются, если они связаны с отличиями в образовании форм. Например:

Гордый¹, -ая, -е, кратк. ф. горд, горда, гордо, горды и доп. устар. горды. □ Испытывающий гордость (употр. с доп. полн.) Он горды своими успехами.

Гордый², -ая, -ое, кратк. ф. горд, горда, гордо, горды и доп. горды, сравн. ст. неуп. □ Исполненный гордости; высокомерный; величавый (употр. без доп. полн.) Она горда и независима.

Различие между *горды* и доп. *горды*, с одной стороны, и *горды* и доп. *горды*, с другой, как будто ничтожно, однако языковое чутье подсказывает, что в одном значении, действительно, более уместно *горды*, в другом — *горды*. Не каждый читатель, конечно, имеет возможность путем систематического наблюдения языка проверить каждую рекомендацию, но интуиция неизменно соглашается с грамматическими разграничениями в Словаре.

Какие формы входят в пределы одной лексемы, образуя ее лексико-грамматическое единство, и какие остаются за ее пределами, создавая контуры другой лексемы? В Словаре нередко даются новые и притом убедительные решения этого вопроса.

Например, у ряда прилагательных краткие формы выделены в особые слова — *узок*, *длинн*, *тесн* и пр. — со значением чрезмерности признака: *Пиджак ему узок*. Значение «чрезмерности» присуще определенным грамматическим формам — кратким прилагательным, это заставляет считать явление грамматическим. Поскольку оно свойственно только лексически ограниченной группе слов, постольку это явление лексико-грамматическое. Следовательно, слова типа *коротки*, *узки* и т. п. отличаются от полных форм лексико-грамматически и представляют собою особые слова. Для Словаря выделение этих форм важно, так как они имеют свои «предпочтительные» ударения, иные, чем у обычных кратких прилагательных.

Таких убедительных новых решений, обогащающих наши грамматические представления о русском языке, в Словаре много. Ср., например, систематическое выделение счетной формы у слов, обозначающих единицы измерения и пр.

В конце Словаря читаем: «Исходной формой для прилагательного считается именительный падеж мужского рода. Толковые словари (кроме словаря Ушакова⁶) отступают от этого общего правила подачи для тех прилагательных, которые в нормальном контексте выступают в форме женского рода, давая в качестве заголовков словарных статей *беременная*, *жербя*, *суйгная* и т. п. Следуя традициям словаря Ушакова, данный словарь сохраняет для таких прилагательных обычную подачу в форме мужского рода»... (с. 691). В чем принципиальный смысл этого решения? В том, что словарь, погруженный в констатацию фактов речи, всегда и во всем должен подниматься от

речи к языку. Норма существует именно в языке.

Во всех ярусах языка следует различать не представленное в определенном тексте (или даже во всех текстах, являющих данный язык) и невозможное по законам данного языка. Фонетисты научились это делать. Так же надо поступать и в грамматике. От глагола *победить* язык не дает формы 1-го л.: и *победу*, и *побежу*, и *побежду* в равной степени неприемлемо, а иных возможностей нет. (Употребительны описательные формулы: *я одержу победу, я буду победителем...*) У глагола *болеть*, *болит*, *болят* (надо отличать его от глагола *болеть*, *болеет*, *болеют*) язык не наложил запрета на форму первого лица — *болю*, — но потребность в ней редка, и в текстах она появляется не часто: «Пальчик, почему твой хозяин так громко стонет?» — «Я у него сильно болю» (сказка). Естественно, Словарь не дает формы 1-го л. у глагола *победить* (наоборот, запрещает ее употреблять) и дает эту форму у глагола *болеть*, *болю*.

Словарь должен показать закономерность, санкционированную языком, хотя бы в речи она и выявлялась с большой редкостью. Это намерение — дать полную информацию о единицах языка — было руководящим для Д. Н. Ушакова, и ему следуют авторы Словаря. Действительно, надо дать в качестве исходной форму *беременный* (ср. стихотворение Д. Д. Бурлюка «Беременный мужчина»), надо дать форму *болю*, поскольку в языке они не запрещены и при надобности будут непременно употреблены как правильные, отвечающие норме.

Словарь последовательно дает потенциальные формы, строго отличая их от форм, запрещенных нормой. Авторы Словаря приняли теоретически безупречное решение, которое и практически наиболее выгодно.

Особенную ценность имеет очерк «Сведения о грамматических формах», Н. А. Еськовой, помещенный в конце Словаря. Это исследование, краткое, но насыщенное ценными наблюдениями и обобщениями, займет свое достойное место среди наиболее значительных работ по морфологии русского языка, обнаруженных в последнее время, — рядом с работами С. В. Бромлей и Л. Н. Булатовой, А. А. Зализняка, В. А. Робинсон, В. С. Храковского, Н. А. Янко-Триницкой...

В заключение повторю, что, конечно, не все рекомендации Словаря бесспорны. Авторы, например, готовы считать вполне литературным произношение *паи[тэ]ра*. Это немногим лучше *фа[нэ]ры*. Не учтено, что именно это слово используется в театральных вузах, чтобы отучить студентов от маверного произношения, от *фа [нэ] ры*. Вообще в Словаре серьезно и впервые учитываются факты поэтической речи, явления высокого и сниженного стили, но театральной речи, к сожалению, внимания не уделяется. Между тем, она продолжает сохранять свое значение произносительного образца.

Споры об отдельных формах всегда возможны. Не они определяют общую оцен-

ку Словаря. Остается бесспорным, что «Орфоэпический словарь русского языка» 1983 г. представляет собой ценный научный труд, и он несомненно окажет благотворное влияние на современную речевую культуру.

Панов М. В.

Глонти А. А. Словарь грузинских народных говоров. 2-е изд. — Тбилиси: Ганатлеба, 1984. 798 с. (на груз. яз.).

Достаточно давние и богатые традиции грузинской диалектологии широко известны. В настоящее время в этой области работает большой коллектив лингвистов Грузии, публикуются диалектные словари, тексты, исследования. Появились и отдельные обобщающие труды (ср. [1, 2]). К числу последних принадлежит и фундаментальный словарь грузинских народных говоров крупного грузинского языковеда и фольклориста проф. А. А. Глонти, вышедший в свет вторым изданием. Опубликованное в 1974—1975 гг. его первое издание (см. [3]), решившее в определенном приближении задачу, поставленную еще в середине нашего столетия В. Т. Топуриа [4, с. 58], вызвало многочисленные отклики и послужило стимулом к быстрейшему переизданию книги. Если к тому же учесть, что нивелирующее воздействие грузинского литературного языка на областную речь становится все более чувствительным, то своевременность появления нового издания этого труда должна стать вполне очевидной.

Рецензируемый словарь, включающий ныне более 26 тыс. словарных статей, является ярким свидетельством огромной собирательской работы нескольких поколений грузинских языковедов. Хотя сам его составитель скромно характеризует свой труд как краткий и имеющий в основном познавательное значение, на деле он представляет собой богатейший свод грузинской диалектной лексики, ценный во многих отношениях. Разностороннее содержание корпуса словаря позволяет назвать его не только диалектологическим, но и в какой-то степени и этнографическим, терминологическим и т. д. Автор сделал легко обозримым материал как областных словарей, составляющих, как правило, библиографическую редкость, так и нескольких неопубликованных словарных собраний, и прежде всего своей личной картотеки — результата многолетних экспедиций и постоянной работы со студентами. Органически совмещая в себе практическую и исследовательскую направленность, труд обращен к широкому читательскому контингенту. С одной стороны, он призван помочь современному грузинскому читателю в понимании лексики многих произведений грузинской классической литературы, изобилующей многочисленными включениями диалектной речи. С другой сто-

ЛИТЕРАТУРА

1. *Еськова Н. А.* Подача сведений о парадигмах слов в словаре русского языка. [Ин-т русского языка АН СССР. Проблемная группа по экспериментальной и прикладной лингвистике. Предварительные публикации. Вып. 74]. М., 1975, с. 3.

роны, он служит полезным справочником для каждого картвелиста-лексиколога.

Второе издание словаря существенно расширено и улучшено по сравнению с первым. Список использованных автором источников обогащен за счет нескольких публикаций последнего десятилетия, обусловивших заметное приращение фактического материала (помимо 250 лексем, приводимых в Дополнениях на с. 790—798, их определенное число оказалось размещенным в порядке основной алфавитной последовательности). Уточнена семантика целого ряда слов, фигурировавших в первом издании. Выправлены имевшиеся в нем опечатки и некоторые другие технические погрешности. Наконец, работа теперь опубликована единым выпуском, что существенно облегчает ее использование.

Выдержавшие испытание временем принципы подачи материала не претерпели изменений. Словарные статьи следуют в алфавитном порядке, вводится диалектной лексикой с совокупным указанием ее ареального распространения. Необходимо подчеркнуть, что число имеющих соответствующие пометы диалектных подразделений здесь существенно превышает обычно принимаемое число грузинских диалектов: это продиктовано стремлением к максимально точной фиксации областной соотнесенности слова (так, особо отмечается принадлежность лексем к верхнеаджарской, верхней и нижнеиммерской, окрибской, мтульской, эрцойской, тианетской, картлийской долины реки Ксани и гудамарской речи). Такое пространственное определение лексемы сразу же создает целостное представление о конфигурации соответствующей изолексы.

Помимо слов, полностью отличных от их литературных эквивалентов, в работе представлены и лексемы, обнаруживающие лишь фонетические или семантические отклонения от них. Вслед за толкованием слова или его литературным соответствием указывается зафиксировавший его источник. В некоторых случаях употребление лексемы документируется фразовой иллюстрацией. Заслуживает упоминания то обстоятельство, что глаголы представлены в словаре формой масдара, чем автор избегает умножения сушностей, встречающегося в некоторых других опубликованных в Грузии лексикогра-

фических трудах, в которых наряду с формой масдара самостоятельные статьи вводятся и некоторыми финитными словоформами глагола (формы 3-го лица ед. числа изредка встречаются здесь лишь при отсутствии в диалекте формы масдара или в случае проявления диалектизма именно в определенной его словоформе).

Не останавливаясь на очевидной ценности труда А. А. Глонти для дальнейших собственно диалектологических исследований (например, для построения строгой классификации грузинских диалектов и для разработки основ исторической диалектологии грузинского языка), следует также отметить его значение как базы для различных работ лексикологического плана. Он предоставляет в распоряжение исследователей интересные данные, проливающие дополнительный свет на проблему диалектных компонентов, участвовавших в формировании словарного состава древнегрузинского литературного языка. Материал словаря будет в некоторой степени стимулировать последующие этимологические поиски в картвелистике. Например, уже одна только ареальная конфигурация той или иной изолексы нередко внушает определенные соображения о происхождении соответствующего слова. Так, характерные случаи бытования лексем исключительно или по преимуществу в аджарском и гурийском диалектах (ср.: *b'orin-i* «рев, крик», *gožo* «рахит», *doč-i* «годовалый теленок», *orčzuš-i* «орудие для мытья амфор», *gogo* «деревянная крышка амфоры», *γloro* «ливень», *čxip-i* «вилка», *žargval-i* «сруб» и др.) располагают к мысли о ее занском происхождении, которую иногда нетрудно подтвердить ссылкой на соответствующие мегрельские или лазские факты. С другой стороны, бросаются в глаза не менее интересные случаи ареальной противопоставленности диалектных слов, параллельно отражающих закономерные звукосоответствия грузинского и занского типа, что позволяет реконструировать лексемы, в ряде случаев уже утраченные в занской ветви картвельских языков (ср. восточногруз. *barž-i* «род палки» при западногруз. *bo(r)žg-i* «кол, подпорка» или свойственное восточногруз. ареалу *katxa* «деревянный сосуд для питья» при тяготеющем к западногруз. ареалу *kotho* «деревянный сосуд»). Полезны в этимологическом плане и указания, к сожалению, не всегда последовательно выдержанные, на иноязычный (тюркский, реже — арабский или персидский) источник множества слов.

При положительной общей оценке рецензируемой книги нельзя не коснуться некоторых возникающих при ее просмотре соображений критического плана. Так, на фоне безусловно успешного в целом решения задачи разграничения диалектизма и принадлежности литературного языка в словаре, на наш взгляд, встречаются случаи, когда уверенность автора в диалектном статусе лексемы нелегко разделить. В частности, оставляя в стороне некоторое число явно сложных случаев, а также признавая неизбежность присутствия в квалификации функцио-

нального статуса слова субъективного фактора, справедливо подчеркнутого недавно М. Х. Партенадзе [5, с. 285—286], нам кажутся неясными мотивы отнесения здесь к кругу диалектных таких лексем, как *badal-i* в значении «равный, эквивалентный», *derg-i* «разновидность глиняного кувшина» (слово широко представлено во всех картвельских языках), *dika* «мягкий остистый злак», *kod-i* «сосуд из цельного дерева», *panča* «дикая груша», *per-i* «пена», *rodin-i* «ступка», *γart-i* «бурка» (есть также в мегрельском и сванском), *xund-i* «колодки» и некоторых других, значащихся, в частности, в Толковом словаре грузинского языка без специальных помет. Думается, что в работе остаются, вместе с тем, и дальнейшие резервы для проведения принципа объединения в рамках одной словарной статьи лексем, различающихся по диалектам лишь нюансами семантики (например, на подобной основе можно было бы объединить такие единицы, как *age¹* «вот!» указат. частица и *age²* «такой», *basac-i¹* «воршилка» и *basac-i²* «бездельник», *bačar-i^{1,2,3}* в значении нити, бечевки и т.п., *kačaba¹* «сито» и *kačaba²* «крупная корзина», *oda¹* «западногрузинский дом» и *oda²* «жилая часть хлева», *zardān-i¹* «подпорка лозы» и *zardān-i²* «род лозы» и т. д.). Опора на подобный принцип обеспечила бы еще большую компактность изложения, столь необходимую словарю ввиду реальных перспектив дальнейшего роста его объема. Мы не касаемся некоторых технических погрешностей книги, которых было, по видимому, невозможно избежать при обилии представленного в ней фактического материала.

В заключение остается вновь подчеркнуть своевременность переиздания рецензируемого труда, потребовавшего от автора не только огромного опыта, но и творческого подхода к отбору и систематизации фактов. Как справедливо отмечается в авторском предисловии к книге, неотложной задачей науки является дальнейший сбор материала и составление словаря, который исчерпывающим образом отразил бы все необычайное лексическое богатство грузинских диалектов.

Климов Г. А.

ЛИТЕРАТУРА

1. Дзидзигури Ш. В. Хрестоматия грузинских диалектов со словарем. Тбилиси, 1956 (на груз. яз.).
2. Гигинейшвили И. М., Топурия В. Т., Кацтарадзе И. И. Грузинская диалектология. I. Краткий обзор диалектов грузинского языка, тексты, словари. Тбилиси, 1961 (на груз. яз.).
3. Глонти А. С. Словарь грузинских народных говоров. I (a — m). Тбилиси, 1974; II (n — h). Тбилиси, 1975 (на груз. яз.).
4. Топурия В. Т. О принципах составления диалектных словарей. — ИКЯ. XVI. Тбилиси, 1968.
5. Партенадзе М. Х. О статусе диалектной лексики в толковом словаре литературного языка (на материале толковых словарей русского и грузинского литературных языков). Тбилиси, 1984.

Будухско-русский словарь, созданный в Секторе бесписьменных языков Института языка, литературы и истории Дагестанского филиала АН СССР, представляет собой в известном смысле уникальное явление. После выхода в свет трехязычного (дагестанско-грузинско-русского) словаря Д. Кадагидзе он является первым в запланированной серии национально-русских словарей по бесписьменным горским иберийско-кавказским языкам. Словарь небольшой — 32 п.л., в нем немногим более 8000 слов, но он вполне оправдывает поговорку «мал золотник, да дорог».

Малочисленная будухская народность, насчитывающая всего около 3000 чел., как и любой народ, любая народность, имеет свою многовековую историю, свой исконный язык, самобытные черты культуры, быта, традиций, обычаев, морально-этических норм поведения. Будухцы в течение веков создавали свой фольклор, свою микротопониимию и микроантропониимию. На базе исконного родного языка в условиях развития материальной и духовной жизни у будухов исторически сформировалось обыденное сознание, обогатившееся в небывалых масштабах в советскую эпоху.

Будухский язык испытал весьма значительное влияние азербайджанского языка. В той или иной степени оно проявляется на всех его уровнях, но особенно сильно воздействие азербайджанского языка на будухский в области лексико-семантической и синтаксической системы. Вместе с тем тюркское влияние обнаруживается и в области морфологии. Достаточно отметить такой весьма показательный факт, как заимствование будухским языком порядковых числительных: *биринджи* «первый», *экинджи* «второй», *учьунджи* «третий» и т. д.

Все это нашло отражение в словарном составе будухского языка. Вот почему значение сбора и научной систематизации словарного фонда будухского языка выходит далеко за пределы науки о языке. Уникальный лексический материал бесписьменного будухского языка привлечет внимание историков, этнографов, фольклористов, специалистов в области национальных культур, традиций, обычаев, а также философов, занимающихся изучением закономерностей исторического формирования и развития обыденного сознания у малых народностей.

Трудно переоценить значение будухско-русского словаря для синхронного и исторического изучения словарного состава будухского языка, а также для сравнительно-исторической лексикологии горских иберийско-кавказских языков.

Словарю предшествует Введение (с. 3—14), состоящее из двух разделов. В первом разделе даны краткие сведения о будухцах и обзор литературы о будухском языке, во втором — представлена подробная инструкция о составе и структуре словаря.

Заслуживает внимания и тот факт, «что словарь разработан на основе текстового, лексического и грамматического материала,

собранного автором во время поездок в с. Будух Кубинского района Азербайджанской ССР в 1976—1979 годах. В словарь в качестве иллюстраций вошли и многочисленные материалы по фольклору будухцев, в основном малые жанры: прибаутки, пословицы, поговорки, загадки и т. д., записанные со слов носителей языка.

Для полного отражения современного состояния будухского бесписьменного языка автор использовал в качестве информантов как представителей старшего и среднего поколения, так и молодежь — студентов, приехавших на каникулы, и учащихся старших классов. Привлекались люди разных профессий, с образованием и не получившие образования, мужчины и женщины» (с. 5).

Словарные статьи разработаны с учетом всех требований указанной инструкции. Имена существительные и глаголы снабжены подробными грамматическими пометами. К имени даются класс, формы эргативного падежа и мн. числа именительного падежа. При глаголе приводятся основы его временных форм, к которым относятся формы настоящего, прошедшего и будущего времени, а также формы повелительного и запретительного наклонений.

В словаре представлена характеристика основных типов будухского глагола: классных, неклассных и дефектных. Весьма важно, что в словаре такому разграничению уделено особое внимание: образование форм времен и наклонений у разных структурных типов глагола не всегда протекает регулярно, не всегда поддается общим правилам и в каждом конкретном случае имеет специфические черты. Лексикографический и лексикологический анализ глагола обогащает словарь.

Словарные статьи насыщены богатым иллюстративным материалом, фразеологией, имеющими самостоятельную ценность. Привлекает к себе внимание анализ сложных глаголов, образованных при помощи вспомогательных глаголов *йишар* «быть» и *сиги* «делать» от различных частей речи. Такой анализ материала вполне оправдан. В ином подходе нуждаются те семантически неполноценные знаменательные основы, которые с указанными вспомогательными глаголами подаются в качестве самостоятельных: *мичI йишар* «темнеть», *мичI сиги* «затемнять», *ЧIеб йишар* «сыреть», *ЧIеб сиги* «увлажнять» и др.

Следует признать в целом удачную семантическую характеристику заглавных слов. В многозначных словах значения располагаются от основного к последующим вплоть до переносного значения. Значения слов подтверждаются большим иллюстрационным материалом, состоящим из цельных фраз, устойчивых и свободных словосочетаний, пословиц, поговорок, загадок, четверостиший и т. д., что, между прочим, подтверждает наличие у малых народов своего исконного фольклора. Этот материал имеет самостоятельную научную ценность. Отдельные сло-

ва, такие, как названия некоторых частей тела человека и другие, входящие как знаменательная часть в образование множества сложных имен и глаголов, выражающих определенные понятия или действия, снабжены несколькими десятками словосочетаний, а сама словарная статья, таким образом, превращена в своеобразный этюд — характеристику соответствующей лексики.

В словарь включены вся будухская микропонимия с переводом и толкованием топонимов (с. 168—171), а также полный перечень антропонимов — мужских и женских личных имен (с. 172—182), что является ценным материалом по дагестанской ономастике. Грамматический очерк, приложенный к словарю, кратко характеризует будухский язык на фонетическом, морфологическом, лексическом, синтаксическом уровнях (с. 183—201).

В очерке содержатся важные сведения о фонологической системе, звуковых процессах, ударении. Касаясь морфологической системы будухского языка, У. А. Мейланова отмечает богатство именных и глагольных форм. Слабо представлена категория причастия, а деепричастие морфологически не выражено. В значении этих категорий употребляются раз-

личные временные формы, глаголы. В языке выделяются следующие части речи: имя существительное, имя прилагательное, имя числительное, местоимение, глагол, наречие, послелоги, частицы и междометия (с. 188). Очерк заканчивается краткими сведениями по синтаксису и лексике.

К словарю приложен русско-будухский указатель, что практикуется впервые в словарях дагестанских языков (с. 202—252).

В деле изучения языков малых бесписьменных народностей первостепенная роль принадлежит созданию словарей, которые являются собранием и обобщением лексического богатства языка. Словари позволяют ввести в научный обиход широкий, разносторонний языковой материал, необходимый для последующих исследований самого различного профиля.

В целом выход в свет «Будухско-русского словаря» — первого словаря по дагестанским бесписьменным языкам, представляет собой новый этап в изучении словарного состава бесписьменных языков, он — заметное явление в иберийско-кавказской лексикографии.

Дешериев Ю. Д.

Чердниченко А. И. Язык и общество в развивающихся странах Африки. Проблемы функционирования западноевропейского языка. — Киев: Вища школа, 1983. 167 с.

Утрата колониальными державами своих владений после второй мировой войны полностью изменила политическую карту мира, а вместе с тем и положение целого ряда народов и языков, характер их взаимосвязей и взаимовлияний. В значительной степени именно эти обстоятельства вызвали в послевоенные годы появление множества лингвистических работ, посвященных проблемам социолингвистики и языковых контактов, особенно в освободившихся странах Азии и Африки.

Рецензируемая монография посвящена изучению территориальных диалектных вариантов французского языка как неродного. Следует иметь в виду, что из более чем 40 стран Европы, Азии, Африки, Америки, Океании, где французский язык, частично перестав быть официальным, все же является весьма распространенным, примерно половина (22 государства) приходится на долю Африки. Своеобразие положения французского языка заключается здесь, однако, в том, что если в ряде стран Европы или Америки французский (или его креолизованный вариант) — родной язык большинства или значительной части населения данной страны (Франции, Бельгии, Швейцарии, Канады, Гаити), то ни в одном африканском государстве (бывшей французской или бельгийской колонии) он не приобрел подобного положения.

В большинстве случаев французский является лишь вторым языком местного населения. При этом, насколько можно судить, ни в одной стране Африки он не вытеснил полностью местные языки. В условиях современной языковой действительности Африки существование более или менее значительных групп населения, которые являлись бы носителями только французского языка и, хотя бы пассивно, не владели местными языками, полностью исключено.

В романистической литературе иногда ищут аналогии между распространением современных романских (неолатинских) языков, с одной стороны, и латыни в Римской империи, с другой. В этом плане французский язык в африканских государствах с наибольшим основанием следовало бы сравнить с латынью тех наиболее окраинных частей Западной Римской Империи, в которых после ухода оттуда римской администрации и воинских частей население в основном не было романизировано (часть германских областей, территория современной Албании, северные окраины Паннонии и Реции и под.). Очевидно, именно отсюда латынь распространялась впоследствии как международный язык средневековой Западной и Центральной нероманизованной Европы.

Как известно, в интернациональной лексике современных европейских язы-

ков применяются в огромном большинстве случаев латино-романские корни и аффиксы (или воспринятые латынью и романскими языками греческие элементы). Поэтому именно распространение и активное употребление романских языков объективно способствует распространению интернациональных лексических элементов, о чем свидетельствует хотя бы единственный успешно функционирующий международный вспомогательный язык — эсперанто, в основном использующий романскую лексику. Вместе с тем следует иметь в виду, что распространение французского языка в странах Африки привело к появлению его различных вариантов, в связи с чем возникает целый ряд социолингвистических и чисто лингвистических проблем — вопросов локальной орфоэпической нормы, нормирования и упорядочения лексики, исследования своеобразия местной французской фразеологии, в какой-то степени калькирующей фразеологию африканских языков, изучения словообразования и т. п.

Уже беглый перечень частей и глав рецензируемой книги дает представление о богатстве и разнообразии ее содержания. Помимо Введения, она включает две основные части — «Социально-функциональная дифференциация бывшего колониального языка и проблема типов варьирования» и «Африканизмы в системе неродного литературного языка». В первой части затронута следующая проблематика: историко-лингвистические предпосылки дифференциации, языковая ситуация и языковая политика колониального периода, западноевропейский язык в современной языковой ситуации стран Африки, норма и функциональная дифференциация западноевропейского языка, типы варьирования национально-негетогенного литературного языка. Во второй части затронуты многочисленные вопросы фонетики и фонологии, лексики, фразеологии и словообразования вариантов французского языка в Африке.

Весьма интересным и плодотворным является реализуемый в рассматриваемой книге принцип динамической синхронии (т. е. синтез синхронного и диахронического подходов к изучению любых языковых явлений, включая и варианты), требование все более смелого применения которого буквально носит в воздухе (ср. работы А. Мартине). Не менее интересной и перспективной является мысль автора о том, что «сосуществование двух или нескольких языков и их разнородностей, образующих единую социально-коммуникативную систему, является причиной формирования особой модели распределения языков и их разнородностей по социальным функциям или сферам деятельности, причем эта модель может соответствовать модели применения функциональных стилей языка

в одноязычном обществе» (с. 41). Развивая это несомненно справедливое положение, следовало бы добавить, что особенности функционального распределения языков в дву- и многоязычном обществе часто оставляют свои следы при превращении подобного общества в одноязычное (ср., например, старофранцузские и латинские элементы в современном английском языке). Автор рецензируемой монографии справедливо критикует лингвистов, которые все местные особенности французского произношения в странах Африки пытаются объяснить исключительно влиянием некоторых факторов социального порядка, и прежде всего недостаточным уровнем образования говорящих. При этом многие ученые умышленно замалчивают тот факт, что фонетические африканизмы сохраняются и в речи высокообразованных людей.

Было бы неточным, если бы мы сказали, что рецензируемая книга совершенно лишена более или менее спорных, дискуссионных вопросов. Как и во всяком оригинальном труде, спорные положения неизбежны. Однако, во-первых, отдельные просчеты в рассматриваемой книге занимают лишь малую долю по сравнению с тем положительным и новым, которое в ней содержится. Во-вторых, дискуссионное в ней невольно будит мысль, вызывает желание поспорить с автором, а тем самым приближает нас к истине. Как пример одной из подобных дискуссий можно привести, в частности, полемику автора с положением А. Доппана о том, что французский язык Африки развивается на базе субстратов арабского, берберского, банту, малагасийского и др.) (с. 38). А. И. Чередниченко, несомненно, прав, говоря об отсутствии подобных субстратов, так как нигде в Африке французский язык не вытеснил африканских языков. Однако здесь возможно уточнение. Поскольку субстрат как массовое явление не может возникнуть сразу и ему должен предшествовать длительный период постепенной смены языка, по-видимому, наряду с явлением массового субстрата можно и должно выделять случаи индивидуальных и частичных субстратов, касающиеся отдельных лиц и групп двуязычного населения, наблюдаемые и в современной Африке.

Книга А. И. Чередниченко написана на обширном фактическом материале и учитывает новейшую лингвистическую литературу вопроса (всего 212 названий). Она содержит много интересных наблюдений и мыслей и, безусловно, заслуживает самого пристального внимания. Это серьезный вклад как в советскую романистику, в науку о французском языке, так и в социолингвистику, в изучение языковых контактов, в общее языкознание в целом,

Ткаченко О. Б.

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

ХРОНИКАЛЬНЫЕ ЗАМЕТКИ

18 апреля 1985 г. в Москве состоялась научная конференция «Проблемы древнейшей славянской письменности (К 1100-летию со дня смерти славянского просветителя Мефодия)», организованная Институтом русского языка АН СССР совместно с Институтом славяноведения и балканистики АН СССР. Ее открыл директор Института славяноведения и балканистики АН СССР чл.-корр. АН СССР Д. Ф. Марков, который в своем вступительном слове подчеркнул значение просветительской деятельности Кирилла и Мефодия для всего славянского мира, действенность и жизненную силу кирилло-мефодиевской традиции в истории славянских народов. Он призвал участников конференции глубоко и полно раскрыть объективно-исторический смысл деятельности солунских братьев, их роль в создании славянской письменности.

Разнообразна тематика прочитанных докладов: большая их часть была посвящена лингвистической проблематике (доклады Н. И. Толстого, Р. М. Цейтлин, Л. П. Жуковской, Е. М. Верещагина, А. А. Алексеева, Е. В. Чешко), в некоторых докладах были освещены историко-филологические вопросы, связанные с жизнью и деятельностью Мефодия (доклады С. Б. Бернштейна, Б. Н. Флори, А. И. Рогова, М. Ф. Мурьянова), один из докладов касался связи кирилло-мефодиевского наследия с певческой культурой Древней Руси (Т. Ф. Владышевская). К конференции была приурочена выставка в Институте русского языка, организованная Государственной публичной исторической библиотекой, о которой рассказала Н. М. Пашаева.

Чл.-корр. АН СССР Н. И. Толстой в докладе «Общеславянское значение миссии Кирилла и Мефодия» рассмотрел вопросы, связанные с географией начального этапа славянской письменности, которые, по мысли докладчика, должны решаться на фоне политической карты Европы VIII—IX вв. Н. И. Толстой показал особенности возникновения и распространения славянской письменности. В докладе были затронуты вопросы, связанные с общностью литературного языка и литературы славян, с существованием кирилло-мефодиевской традиции в двух славянских ареалах. Была подчеркнута роль старославянского языка, с начального этапа своего развития претендовавшего на роль международного общеславянского, близкого по своей грамматической структуре праславянскому языку. Докладчик отметил, что единство старославянского языка поддерживалось

единством состава древнеславянской литературы.

В докладе Р. М. Цейтлин «Современные проблемы старославянской лексикологии» была обоснована необходимость изучения старославянской лексикологии в ее связи с праславянской. Автор доклада указала на перспективность исследования старославянской лексики по морфемным лексико-семантическим группам. В докладе были поставлены также вопросы, касающиеся антонимии и синонимии в праславянском и старославянском языках, метафорических употреблений слов в старославянском языке, обсуждался вопрос о восстановлении утраченных слов старославянского языка с учетом их словообразовательных значений.

С. Б. Бернштейн в докладе «Комментарий к XIII главе „Жития Мефодия“» отметил, что изучать историю древнейших памятников без выявления интерполяций в их тексте невозможно. На основании историко-филологических данных докладчик пришел к выводу, что XIII глава Жития Мефодия была создана в Болгарии в симоновскую эпоху с целью повышения авторитета болгарской церкви, освященной именем Мефодия.

В докладе Л. П. Жуковской «Были ли мефодиевский перевод тетра распространен на Русь?» получили выражение текстологические и лингвистические результаты наблюдений автора над евангельскими текстами — кратким апракосом, переведенным Кириллом, мефодиевским тетром и полным апракосом. В докладе указывалось, что Мефодий, создавая евангелие-тетр, мог включать в него ранее переведенные Кириллом чтения краткого апракоса, но мог и перевести их заново. В составившемся позднее полном апракосе в этом случае могли быть пары слов, восходящие к первичному тексту Кирилла и тетровым компиляторным частям Мефодия. Автору доклада пока не удалось закрепить многие сотни выявленных соответствий в Апракосе Мстислава Великого за определенными чтениями или группами чтений. Между тем Л. П. Жуковская считает, что этот ценнейший материал мог бы пролить свет на историю перевода текста обоими братьями и осветить историю его бытования на разных славянских землях.

В докладе А. А. Алексеева «Филологические критерии выявления переводов Мефодия» была предложена методика анализа древних текстов, позволяющая установить принадлежность переводов Мефодию. Докладчик выделил следующие филологические критерии выявления переводов Мефодия: 1) со-

отношения текстов в кириллических и хорватских глаголических рукописях (последние передают тексты до X в., так как в 925 г. было запрещено славянское богослужение в Хорватии); 2) учет переводческих приемов Мефодия (12 принципов свободного перевода Мефодия); 3) учет особенностей греческого оригинала, используемого в ранний период; 4) лингвистический критерий. А. А. Алексеев подчеркнул необходимость одновременного применения всех четырех названных критериев, так как подиоточке каждый из них не обладает надежностью для решения вопроса о принадлежности переводов библейских текстов Мефодию.

В докладе Е. В. Чешко «Кирилло-мефодиевский перевод Псалтыри и среднеболгарские правленные редакции (традиции и новшества)» были показаны основные линии развития псалтырного текста. Наиболее близка к кирилло-мефодиевскому переводу Синайская псалтырь. Древнейший перевод Псалтыри характеризуется главным принципом — понятности славянам, из которого исходили первоучители Кирилл и Мефодий. Докладчица показала, что изменение этих принципов в XIV в. привело к возникновению правленных среднеболгарских редакций Псалтыри. В этот период редакторы считали главной своей задачей точное следование греческому оригиналу, что приводило в этих переводах к нарушению норм славянского синтаксиса, увеличению количества синтаксических гречизмов, точной передаче словообразовательной структуры греческого слова, соблюдению равенства числа греческих и славянских слов при переводе. Этот тип представлен Норовской псалтырью. Еще одна редакция — афонская — была создана на Афоне, для нее характерно возвращение к архаической кирилло-мефодиевской редакции. Наконец, третья правленная редакция была создана митрополитом Киприаном для восточных славян.

В докладе А. А. Турилова «История древнейших славянских календарных текстов» рассматриваются так называемые тексты семитысячников, дошедшие до нашего времени лишь в списках XVI в. Автор доклада показал, что они изобилуют грубейшими ошибками в обозна-

чении чисел. Анализ ошибок дал возможность докладчику утверждать, что они могли произойти при неверной передаче глаголических букв кириллическими. В докладе было убедительно показано, что списки древнейших календарных текстов восходят к глаголическому оригиналу. А. А. Турилов относит возникновение этих текстов к эпохе Кирилла и Мефодия или симеоновскому периоду.

Большой интерес представляют сравнительно-исторические доклады Б. Н. Флоря «Славянская письменность и европейская культура в раннем средневековье» и А. И. Рогова «Кирилло-мефодиевская традиция в западных славян в эпоху средневековья». Б. Н. Флоря указал на особенности использования старославянского языка в сравнении с латынью. Если латинский язык занимал господствующее положение в религии, письменности и образовании европейских стран в эпоху раннего средневековья, то старославянский язык, созданный в результате переводческой деятельности Кирилла и Мефодия и близкий всем славянам, использовался во всех сферах славянской общественной жизни. В докладе А. И. Рогова была показана жизненность кирилло-мефодиевской традиции у западных славян, проиллюстрированная докладчиком на примерах памятников письменности и материальной культуры.

Е. М. Верещагин в докладе «Личный вклад Мефодия в создание славянского стихосложения» на примере гомилии о сошествии Иисуса Христа в ад, принадлежащей Мефодию, показал то новое, что внес Мефодий в искусство славянского стихосложения, отметив наличие в славянском тексте внутренней рифмы, конечной рифмы. М. Ф. Мурьянов в докладе «О гимнографии кирилло-мефодиевской эпохи» обосновал интерес Мефодия к культуре Дмитрия Солунского, коснулся вопроса о традиции этого культа на Руси.

В целом конференция свидетельствует о большом интересе советских ученых к кирилло-мефодиевской проблематике, разрабатываемой ими в разных направлениях.

Баранкова Г. С. (Москва)

CONTENTS

Editorial article; Articles: P a n' k i n V. M. (Moscow). The role of the Russian language in speech communication of the peoples of the USSR. Problems of contacts; **Discussions:** R a m a t P. (Pavia). Universals and typology; A b a j e v V. I. (Moscow). Parerga 2. Descriptive and explanatory linguistics. On the classification of sciences; D o m a š n e v A. I., A r u j e v a E. L. (Leningrad). Some observations on lexicographic practice (based on the materials of the German language in GDR and FRG); S a x n a r o v i č A. M., G o l o d V. I. (Moscow). Cognitive and communicative aspects of speech activity; A p r e s j a n Yu. D. (Moscow). The integral description of language and the defining dictionary; O x o t i n a N. V. (Moscow). Origin and development of innovations in Bantu super-ethnic languages; L e b e d e v a L. B. (Riazan). On the problem of the general-reference utterances; **Materials and notes:** B o n d a r k o L. V., E g o r o v S. K., L j u b l i n s k a j a V. V., N u r u m b e t o v a G. A. (Leningrad). On the use of computer techniques in experimental studies of phonetics; S a l a m o v a A. N. (Moscow). Semantics and structure of attributive word-groups in Old Russian; K o g o t k o v a T. S. (Moscow). Contemporary dialectal dictionaries: retrospects and prospects of lexicological studies; B e l' a e v D. D. (Tula). The third palatalisation of Proto-Slavic postpalatals. Mechanism and chronology; V a s i l e v i č A. P., S k o k a n Yu. N. (Moscow). On the methods of contrastive studies (based on the materials of words denoting colours); M e n o v š č i k o v G. A. (Leningrad). The expression of categories of space and time in the Eskimo-Aleut languages; **Reviews; Scientific life.**

SOMMAIRE

Article de fond; Articles: P a n' k i n V. M. (Moscou). Le rôle de la langue russe dans la communication des peuples de l'URSS; Problèmes des contacts; **Discussions:** R a m a t P. (Pavia). Universaux linguistiques et typologie; A b a j e v V. I. (Moscou). Parerga 2. Linguistique descriptive et explicative. Sur la classification des sciences; D o m a š n e v A. I., A r u j e v a E. L. (Léningrad). Quelques observations sur la pratique de lexicographie (fondé sur les matériaux de la langue allemande de RDA et de RFA); S a x n a r o v i č A. M., G o l o d V. I. (Moscou). Aspects cognitifs et communicatifs du langage; A p r e s j a n Yu. D. (Moscou). Description intégrale de la langue et le dictionnaire raisonné; O x o t i n a N. V. (Moscou). Origine et développement des innovations en bantou — langues super-ethniques; L e b e d e v a L. B. (Riazan). Sur le problème des énoncés comportant une référence générale; **Matériaux et notices:** B o n d a r k o L. V., E g o r o v S. K., L j u b l i n s k a j a V. V., N u r u m b e t o v a G. A. (Léningrad). L'emploi des calculateurs automatiques dans les études expérimentales de phonétique; S a l a m o v a A. N. (Moscou). Sémantique et structure des groupes de mots attributifs en vieux russe; K o g o t k o v a T. S. (Moscou). Dictionnaires dialectaux contemporains: étude retrospective et prospective de lexicologie; B e l' a e v D. D. (Tula). La troisième palatalisation des vélaires en proto-slave; Mécanisme et chronologie; V a s i l e v i č A. P., S k o k a n Yu. N. (Moscou). Sur les méthodes de l'analyse contrastive (fondé sur l'étude des adjectifs de couleur); M e n o v š č i k o v G. A. (Léningrad). L'expression des catégories de l'espace et du temps dans les langues esquimaux-aléoutiennes; **Comptes rendus; Vie scientifique.**

Технический редактор *Радина Т. И.*

Сдано в набор 29.12.85 Подписано к печати 7.03.86 Т-05893 Формат бумаги 70×108/16
 Высокая печать Усл. печ. л. 12,6 Усл. кр.-отг. 76,6 тыс. Уч.-изд. л. 14,3 Бум. л. 4,5
 Тираж 5893 экз. Зак. 2147

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Наука»,
 103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука», 121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ

1. Рукописи должны представляться в двух экземплярах; текст и подстрочные примечания обязательно должны быть напечатаны на машинке через два интервала. После подписи указываются сведения об авторе: фамилия, имя, отчество, место работы, занимаемая должность, ученая степень, домашний адрес, телефон.

2. Объем статьи не должен превышать 24 с., объем рецензии — 10 с. Объем хроникальной заметки — 3—5 с. машинописи (хроникальные заметки должны представляться в редакцию в течение двух месяцев с момента описываемого события в лингвистической жизни).

3. Примеры в журнале принято давать курсивом (подчеркивать в рукописи волнистой чертой), а значения их в кавычках.

4. Все формулы и буквенные обозначения величин должны быть четко выполнены чернилами (следует делать ясное различие между заглавными и строчными буквами).

5. Рисунки должны быть тщательно выполнены тушью: чертежи, сделанные карандашом, не принимаются. Не рекомендуется загромождать рисунок ненужными деталями, все надписи должны быть вынесены в подпись, а на рисунке заменены цифрами или буквами. На полях рукописи указывается место рисунка, а в тексте делается на него ссылка. Фотографии принимаются в двух экземплярах (второй для редакции и ретушера в качестве контрольного). При изготовлении клише величина оригинала уменьшается в два-три раза, поэтому фотографии должны быть четкими и контрастными. Фотографии, выполненные в малом размере и нечетко, не принимаются. На обороте каждого рисунка должны быть проставлены фамилия автора, заглавие статьи и номер рисунка. Статью не следует перегружать графическим материалом.

6. Библиография в журнале оформляется следующим образом:

а) список использованной литературы дается по порядку номеров в конце статьи; б) ссылка на литературу в тексте приводятся в квадратных скобках: [1, с. 3], [2—4], [1, 3]; в случае одноразовой ссылки указание на страницу, если оно необходимо, дается в списке литературы; если же упоминаются разные страницы одного и того же источника, указание на страницы следует давать в тексте;

в) подстрочные примечания, которые сохраняются наряду со списком использованной литературы, имеют сквозную нумерацию.

7. Непринятые рукописи возвращаются по просьбе авторов.

8. Статьи, опубликованные или направленные в редакцию других журналов, не принимаются (за исключением раздела «По страницам зарубежных журналов»).

9. Авторам публикуемых статей направляется копия наборного экземпляра, которая является окончательным вариантом сдаваемого в набор материала; корректура авторам не высылается.